

Игорь Денисов

Судья

Игорь Денисов

Судья

«Издательские решения»

Денисов И. Ю.

Судья / И. Ю. Денисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500791-9

Каждый делает выбор самостоятельно. Это потом стараются свалить всё на других или сложившиеся обстоятельства. Это ложь, потому что выбираешь всегда ты. Остерегайся сделать неправильный выбор. Иначе за тобой придёт Судья... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-500791-9

© Денисов И. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Начало	6
Глава 1. Господин Убийца	6
Глава 2. После	9
Глава 3. Чуть позже	10
Глава 4. Отзвуки эха	13
Глава 5. Ира	22
Глава 6. Допрос	26
Глава 7. Хуже и хуже	31
Глава 8. Вечером	34
Глава 9. Встреча	36
Глава 10. Новая встреча	40
Глава 11. Разлученные смертью	51
Глава 12. Новый шаг	59
Глава 13. Дима	61
– Я...	63
Глава 14. Баринов	65
Глава 15. Свет Надежды	69
Глава 16. Из мрака	71
Глава 17. Ближе	73
Глава 18. Утром	77
Глава 19. Версия	78
Глава 20. Златоцвет	79
Глава 21. У Павла	81
ИСПОВЕДЬ ПРИЗРАКА	83
Часть II. Исповедь Призрака	84
– А?	93
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Судья

Игорь Юрьевич Денисов

© Игорь Юрьевич Денисов, 2019

ISBN 978-5-0050-0791-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Начало

Глава 1. Господин Убийца

– Пусти, мне больно!

Воробьи, синицы и дятлы расселись по ветвям деревьев, как важные персоны в ложе театра. Вычистив клювами перья, птицы встречали новое утро радостными трелями.

Лес пробуждался. Он тяжело вздыхал, качая деревья, стряхивал с себя листву, корнями жадно пил земные соки.

Один из воробьев распустил хвост, дернул крыльями, перелетел на соседнее дерево. Уставился на происходящее стеклянным черным глазом.

В нескольких шагах от опушки, на заброшенной просеке стояли два автомобиля – черная «лада» и красный «мерседес». Водительские дверцы были распахнуты.

– Пусти, сволочь! – Инна вырвала руку и отступила на два шага, потирая запястье. Бедром уткнулась в капот «лады». Остановилась, не сводя расширенных, как у обжегшейся кошки, глаз с грузного мужчины в черной кожаной куртке.

– Тварь неблагодарная! – плевался Вадим Нестеров, прижимая племянницу – сероглазую блондинку лет двадцати – к борту «лады». – Отвечай, где ты шлялась всю ночь? Я все морги обзвонил. Опять Илья? Еще раз притронется к тебе – рожу ему разобью. Поняла?

Стальная рука крепко сжала ее плечо.

– Не твое дело! Отвали! – Инна совершила безуспешную попытку вырваться. – Ненавижу тебя. Ненавижу!

Дядя грубо схватил Инну за руку.

Отдернул до локтя рукав ее белой блузки.

На запястье, где проходили тонкие синие вены, две красные точки. Одна совсем свежая, с воспаленными припухшими краями.

– Ты кололась, – прошипел Нестеров. Грубо встряхнул племянницу. – Кто продал?

– Ты знаешь. Твой дружок, Баринов!

Нестеров отвесил девушке звонкую пощечину.

Инна прижала к пылающей боли щеке ладонь. Светлые пряди волос упали девушке на лицо.

– Ублюдок, – она зарыдала, шмыгая носом.

– Ты опозорила меня. Если бы не я, ты бы сгнила в детдоме!

Он вновь попытался взять девушку за руку.

– Не трогай меня!

Инна отшатнулась. Он вновь приблизился.

– Тихо, девочка, тихо. Кричать бесполезно. Нас все равно никто не услышит.

– Не трогай, – прошептала девушка, отступая за открытую дверцу «лады».

Дядя захлопнул дверцу. Положил руки девушке на плечи.

– Я... я расскажу... – сквозь слезы просипела Инна.

– Да? И кто тебе поверит? Все знают, кто ты такая.

Нестеров потянулся губами к губам племянницы. Инна застыла в его руках, как слабый котенок.

Дядя поцеловал девушку. Ладони огладили Инну от плеч до бедер.

Отстранился. Облизнул губы. Его глаза блестели.

– Так-то лучше. Хорошая девочка.

Инна смотрела на дядю огромными серыми глазами.

Вадим вновь приблизил свое лицо, выпятив губы.

Она ударила коленом в пах. Вадим согнулся, с шумом выдохнув воздух. Инна оттолкнула дядю. Зашарила по карманам джинсов в поисках ключей от «лады».

Нестеров выпрямился.

Сцена, подобная этой, повторялась между ними почти каждый день. Дядя всегда побеждал. Сейчас Инна как никогда чувствовала свою неспособность дать отпор. Она действительно провела ночь с Ильей, занимаясь черт знает чем. Инна понимала, как выглядят в глазах других она и Вадим Нестеров. Она – сирота безродная, стерва, чуть не проститутка. Крупный бизнесмен Нестеров поступил очень благородно, когда взял опеку над ней. Без его покровительства и денег она действительно могла оказаться на помойке.

Обычно драка заканчивалась примирением со слезами и взаимными обещаниями. Но сейчас девушка чувствовала – он разозлен очень сильно. Может, его злость усиливал страх из-за последствий темных делишек, которые они проворачивали с Бариновым. Может, все дело в красных точках у нее на запястье. Нестеров впервые понял, что дрянь, которую он через посредников толкает в Высоких Холмах, коснулась его горячо любимой племянницы.

Инна знала одно – теперь синяками и сломанным носом дело не ограничится

На этот раз он ее убьет.

Дядя приближался. И хромающая походка, вызванная ноющей болью в промежности, не делала его менее опасным.

Отступив на шаг, Инна схватилась за голову и что есть мочи завопила:

– ПОМОГИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА, СПАСИТЕ МЕНЯ ОТ НЕГО! ПОМОГИТЕ МНЕ КТО – НИБУДЬ!

Девушка бросила взгляд поверх дядиного плеча. Нестеров обернулся.

Человек в черном плаще с капюшоном стоял в трех шагах от них. Полы плаща спускались до земли. Ладони и запястья высывались из широких, как жерла пушек, рукавов плаща. Инна заметила, что руки у него бледные, как у мертвеца, пальцы тонкие и длинные. Солнце так странно освещало его со спины, что казалось, под капюшоном совсем нет лица – сплошная чернота.

Незнакомец стоял твердо и неподвижно.

– Ты еще кто такой? – спросил Нестеров.

Незнакомец молча смотрел на него.

На лице дяди появилось выражение испуганной злости. Он фальшиво-небрежным тоном спросил:

– Давно здесь стоишь?

Странный человек не ответил. Инна тоже не заметила, как он здесь появился. Но почему-то ее не отпускало чувство, что незнакомец появился на просеке сразу, как только она позвала на помощь. Причем появился ниоткуда. И с его появлением ей стало холодно.

– Парень, – Нестеров облизнул губы. – Лучше тебе уйти.

Человек в черном склонил голову набок, словно прислушиваясь к безмолвным голосам, и негромко сказал:

– Что ты говоришь? Убить их? – и сам себе ответил, более низким и грубым голосом: – Неважно. Устрой им *Айлатан*.

Инна похолодела. Именно так он и сказал. АйЛатан, с ударением на второй слог.

– Что вам нужно? – закричала она. – Уходите! Оставьте нас в покое! Вы сумасшедший!

Незнакомец выпрямился, и, хотя лица его девушка по-прежнему не видела, готова была поклясться, что под тенью капюшона его губы скривились в зловещей усмешке.

Он сунул руку под плащ и достал деревянный судейский молоток, вдвое больше обычных молотков, которыми пользуются на судебных заседаниях.

– Дядя! – закричала Инна. – *Убери его!*

Вадим Нестеров подошел к незнакомцу и попытался нанести сокрушительный удар кулаком. Незнакомец небрежно, изящно и, как показалось Инне, величественно скользнул в сторону. Дядя промахнулся и, потеряв равновесие, упал лицом вниз. Тут же попытался подняться. Незнакомец подскочил к нему и ударил молотком по затылку. Раздался хрустящий стук. Ноги дяди подогнулись, он со слабым стоном повалился на живот, Пальцы его, сжимаясь и разжимаясь, судорожно царапали песок. Из уха потекла тонкая струйка крови.

Внутренний голос кричал Инне, что нужно бежать. Но она застыла на месте, не в силах пошевелиться, и смотрела на распростертого дядю.

Он снова слабо застонал, и поднял голову. Лицо его заливала кровь, в рот набился песок. Дядя протянул к Инне дрожащую руку, и попытался что-то сказать, но из его горла вырвался только невнятный сдавленный звук.

Человек в черном плаще поставил ногу на распростертое тело. С молотка на макушку дяди капала кровь.

– Ты позвала меня, – сказал он. – Ты должна решить его судьбу. Убить его или оставить в живых?

Инна с ужасом посмотрела на незнакомца.

– Если я уйду, – продолжал незнакомец. – Он встанет на ноги. Снова будет тебя унижать. До конца жизни. Сама ты никогда от него не освободишься.

Инна, прикусив губу, затрясла головой.

– Нет... прошу. Я не могу решать такие...

– Думай быстрее, – нетерпеливо сказал незнакомец. Склонив голову, брезгливо оглядел Нестерова. – Еще минута – и я уйду. Твой единственный шанс избавиться от этой мрази.

Инна с ужасом ощущала, что таинственная и холодная воля незнакомца заставляет ее делать то, что он велит.

Дядя смотрел на нее, и лицо его искажала боль, а в глазах застыли страх и мольба.

Но из глубин памяти всплыло другое лицо. Похотливое лицо сопящей пьяной свиньи. Таким он пришел в спальню одиннадцатилетней девочки.

Его кислое, вонючее дыхание...

Грубые, жадные руки, рвущие на ней белье...

Боль, слезы, унижение...

Инна подняла блестящие от слез глаза.

Темнота под капюшоном холодно и, как казалось, со скрытым весельем, смотрела на нее.

– Да, – прошептала Инна, почти не слыша себя. – Избавь меня от него.

Она закрыла глаза и села на песок, прижавшись затылком к борту машины.

Душа девушки словно опустела.

С закрытыми глазами она слушала мерзкие звуки ударов молотка и хруст ломающихся костей. Дядя несколько раз слабо вскрикнул, потом захрипел.

А после уже не издавал никаких звуков.

Глава 2. После

Шатаясь, Инна поднялась на одеревеневшие ноги.

Реальность, чудом спасшая ей жизнь, врывалась в сознание резкими яркими картинками.

Птицы на деревьях. Чистое небо. Две машины с распахнутыми дверцами.

Незнакомец исчез. После того, как дядины крики стихли, наступила тишина. Инна несколько минут просидела, закрыв глаза, но звука удаляющихся шагов так и не услышала.

Девушка упала на колени.

На четвереньках поползла к мертвецу.

– Дядя, – прошептала она. – Дядя, вставай, стыдно же.

Тело окаменело, налилось мертвой тяжестью. Инна со стоном перевернула его.

В бессмысленном отупении животного девушка разглядывала изуродованное лицо Нестерова. Можно сказать, что лица не было – кровавая каша с осколками костей.

«Господи. И это все деревянным молоточком?»

«Что же делать? Не оставлять же здесь... Нужно забрать его. Тяжелый, правда. Как шкаф дубовый. Когда я в последний раз шкаф передвигала? Три года тому. Да, его нельзя трогать. На месте преступления шкафы не двигают».

Инна встала. Громко рассмеялась от внезапного прилива душевных сил.

Глава 3. Чуть позже

Она наделала кучу ошибок, сделала все, чтобы погубить себя.

Ей показалось необыкновенно важным поехать домой, а потом – на квартиру Ильи. Почему, она не знала. Ничто не могло изменить, как казалось Инне, ее *собственного* решения. Если бы кто-то стал возражать или мешать ей, она бы разъярилась.

Инна выехала на трассу Москва – Санкт-Петербург. Влилась в поток машин. Поехала в сторону Высоких Холмов.

Всю дорогу девушку что-то грызло, неприятно примешиваясь в ее спокойствие. Она должна была сделать нечто очень важное, но никак не могла вспомнить, что.

Нестеровы жили в поселке неподалеку от озера. Все нувориши Высоких Холмов, маленького городка на юго-востоке Новгородской области, жили здесь. Владельцами особняков были мужчины, разделившие городок на сферы влияния. Судьба города решалась именно здесь, а не в муниципалитете. Мэр часто заезжал сюда.

Особняк Нестерова бежевого цвета, в два этажа, с пристройкой и гаражом. Двор вымощен красной плиткой. В садике – вишни и яблони. Ограда – стальные прутья.

Инна вышла из машины. Воровато огляделась. Никого.

Поселок имел любопытную особенность: он был невидим для посторонних. С севера и запада его закрывала окружавшая озеро лесополоса. С востока и юга – нагромождение «хрущевок», складов и гаражей. Поселок мог разглядеть только тот, кто жил здесь и знал о нем.

Инна пересекла двор. В бассейне спустили воду. На дне плавали опавшие листья.

В холле девушка огляделась. Направо – кухня, гостиная, подсобка. Слева – винтовая мраморная лестница на второй этаж. На стенах – безвкусные картины современных художников.

Дом мертв. Ни садовника, ни уборщицы, ни повара. Вадим Нестеров не держал постоянной прислуги. Инна не знала, что тому причиной – жадность Нестерова или его подозрительность.

Девушка обошла все комнаты, бессвязно обдумывая будущие действия. А они не обдумывались. Чем больше она тянулась мыслью в будущее, тем ярче восставало из праха прошлое.

«Ты должна решить его судьбу».

Инна прошла в гостиную. И первым делом направилась к мини-бару. Опрокинув в себя два стакана вина, счастливо вздохнула. Можно жить.

Рухнула на диван, накрыла голову подушкой. Страх сковывал ее разум, терзал сердце, грыз кости.

Во сне Инна лежала на диване в темноте и не могла пошевелиться, вздохнуть, позвать на помощь. На грудь давил металлический сейф. Потом пришел дядя с красными глазами и длинными грязными ногтями. Он призывал Инну и манил ее к себе. Возбужденно шепча, он одной рукой гладил грудь племянницы, другой доставал из сейфа пачки денег и бросал их в огненную яму слева от дивана.

Потом возник незнакомый мужчина с красивым тонким лицом. Руки и одежды забрызганы кровью. Мужчина начал грызть угол сейфа. Пришел Илья в черном плаще. Он тоже выгребал из сейфа и бросал в яму пачки денег, которые на лету превращались в опавшие листья. Илья заплакал. Незнакомый мужчина обнял его. Судорожно дыша, они начали душить друг друга.

Подошли к Инне. Принялись доставать у нее из живота грязные тряпки. «Чудненько», шептал Илья, «Все это будет чудненько». В гостиной пошел дождь. За стеной громыхнуло, словно уронили шкаф, и возникший ниоткуда Баринов сказал: «Конец». Незнакомец просочился сквозь пол, и Инна проснулась.

Посмотрела в окно. Действительно, начался сильный ливень с грозой.

Она вспомнила все, что было, и застонала. Нужно действовать, а для нее даже встать с дивана – подвиг.

Инна встала. Рядом было то, ради чего она преодолевала страх и вставала каждое утро – мини-бар. Инна жила, чтобы пить, и без этого не начинала дня.

Достала сотовый. Проверила время. Она спала менее часа.

Девушка выпила полстакана вина. С тоской взглянула на почти допитую бутылку.

– Нет, – отставила стакан. – Мне сейчас нужна ясная голова.

Она прошла в комнату. Переделалась вплоть до нижнего белья.

Взглянула в зеркало. Вздрыгнула.

«Ну и рожа», подумала она, разглядывая потеки туши на щеках, искусанные губы. Собственный взгляд – безумный, затравленный – поразил ее.

Инна торопливо умылась, подвела глаза, накрасила губы. Отражение в зеркале ее удовлетворило.

Что дальше?

Дядя лежит мертвый под дождем. Рядом с машиной. Нужно вернуться и забрать машину. То есть тело. Инна подошла к окну, обняла себя за плечи. Она знала, что думает не о том.

Нужно думать не о том, как забрать тело. Черт с ним. Нужно хорошенько обмозговать, что она скажет ментам. Тщательно взвесить каждое слово.

Проблема эта казалась Инне абсолютно неразрешимой. Говорить, как все было, нельзя. Во-первых, ее имя не должно попасть в газеты в связи с убийством. Во-вторых, Инна чувствовала, что *словами* передать произошедшее невозможно. Это так невероятно. Ее рассказ прозвучит как бред сумасшедшей. Инна ясно увидела себя в смирительной рубашке, среди белых халатов, белых стен.

«Туда мне и дорога», подумала она.

В-третьих – Инна уже не помнила, что *именно* произошло. Мысли путались. Событие мелькало перед глазами аляповатыми обрывками: черный плащ, изуродованное лицо дяди, голос убийцы. Образы, образы, образы... Никаких деталей, примет, никакой последовательности. Как девушка ни напрягала мозги, она не могла восстановить цепочку событий.

В-четвертых...

Инна закатала рукав голубого спортивного джемпера. Точки на запястье побледнели. Но опытный глаз заметит их без труда.

Говорить правду нельзя. Нужно лгать. Ловко и умело.

Она не справится. Для этого нужно знать, какие факты и улики скрывать, а какие – нет. Она же не знает, какие из них важны, а какие несущественны. Еще менее она знает, что эксперты найдут на просеке, какие вещдоки будут на руках у следователя. Ей не выиграть в борьбе умов, в игре лжи.

– Илья? Это Инна.

– Чего тебе? – в трубке слышались пьяные голоса, резкий смех, грохот музыки.

– Можешь заехать на БМВ-ухе?

– У тя че, своей лошади нет?

Инна прикусила губу. На «ладе» сейчас нельзя светиться.

– Мотор барахлит.

– Возьми дядину.

– Нестеров уехал. По делам. Вернется... – Инна потерла лоб. – Завтра утром.

«Ну да. В кошмарном сне разве что».

– Такси вызови.

– Я думала, ты подъедешь, – мягко надавила Инна. Подошла к бару с трубкой. Достала стакан.

– Ты думала? А в суп не попала? Посмотри в окно.

– Посмотрела, – Инна разрезала пополам лимон. Взяла половину. Сжала в ладони над пустым стаканом. По стенкам потекла остро пахнущая жидкость.

– Ну?

– Что «ну»?

Она плеснула в стакан водки.

– Мне че, в такую дождину к тебе мчаться?

– Не кричи, пожалуйста. Ты прав. Я эгоистка. Прости.

Она взяла стакан. Осушила. Закашлялась.

– Ты там бухаешь, что ли? Алкоголичка.

Инна поставила стакан.

– Я сама приеду.

– Нужна ты мне бухая! Ладно, подваливай. И закусь тащи.

– Я приеду. Скажи, какие нужны закуски.

Илья сказал. Инна записала.

– Запомнила? Ладно, не пять лет, сообразишь, чего как.

– Кто там с тобой?

– Все. Болт, Мигунов. И Вероника, – с удовольствием прибавил Илья.

Инна вздрогнула.

– С чего вдруг? Неужели папочка отпустил? – она расхохоталась.

– Я ее позвал. Ради меня она послала его к Е. М.

– И как? – Инна улыбалась, вертя пальцами стакан.

– Да никак. Сидит в углу, лыбится. Та еще коза.

– Ну ладно. Я выезжаю. Буду через полчаса.

– Жду с нетерпением, моя прекрасная *Анни*.

Инна дернулась, чуть не выронив стакан.

– Ильюша, сколько раз просила тебя – не называй меня так! У меня от этого имени мурашки по коже.

В трубке послышался злорадный хохот.

Инна вдруг выпалила:

– Я люблю тебя.

Она была пьяна.

– Что?

– Нет. Ничего. Пока.

Илья оборвал связь.

Девушка посмотрела на сотовый. Ее лицо исказилось. Она закричала. Швырнула телефон в окно.

Осколки стекла со звоном посыпались во двор. Холодный ветер с дождем ворвался в комнату. Узорчатые занавески взметнулись паутиной.

Инна села на пол. Зарыдала.

Спустя некоторое время поднялась и начала одеваться.

Глава 4. Отзвуки эха

Поздоровавшись в коридоре с учителем труда, Павел отворил дверь в класс.

Королев, откормленный сын владельца супермаркета, ударил в лицо Диму Сотникова. Мальчик упал на колени. Класс грохнул от смеха. Некоторые от хохота свалились под парты.

В изумлении Павел смотрел, как Дима плачет, стоя на коленях. Верхняя губа опухла и сочится кровью.

Когда вошел Павел, Королев обернулся. Выражение жестокой радости на его лице сменилось испугом.

– Он первый начал, – быстро сказал он.

– Королев, – еле сдерживая дрожь в голосе, сказал Павел. – К директору! Бегом!

Некоторое время Королев нагло смотрел в глаза. Покосился на Диму, который стоял в углу, вытирая рукавом сопли.

Потом вышел из класса.

– Класс! Открыть страницу сорок восемь. Упражнения 19, 22, 23. Приду, проверю.

Павел повернулся к Диме. Мальчик смотрел в пол.

– Сотников, идемте со мной.

Повернувшись к классу спиной, Павел услышал смешки. Хихикали девочки.

– Вытри, – он подал Диме носовой платок. – Садись.

Они сели на скамью. По коридору шли двое шестиклассников. С любопытством взглянули на хнычущего Диму. Один толкнул другого локтем. Смех.

Павел посмотрел на них. Ребята смолкли и зашагали быстрее.

Он повернулся к дрожащему, неопрятно одетому мальчику:

– Ну, как ты?

Дима уткнулся лицом в плечо классного руководителя, захлебываясь слезами.

Павел мягко отстранил его.

– Пойди умойся.

Дима поднял красные глаза.

– Вы проводите меня?

Павел молча смотрел на него.

Дима отправился в туалет. Павел смотрел ему вслед. Лицо учителя исказилось. Уголок рта дернулся. Он быстро-быстро заморгал, словно сам был готов заплакать.

– Удивительное сходство, – пробормотал он. – Как две капли воды.

Дима вернулся. Глаза сухие. Лоб и щеки влажные.

– Садись. Дима, сейчас я войду в класс, а ты останешься здесь. Через минуту поступишься, войдешь и сядешь на место.

Мальчик поднял несчастные глаза.

– Вы скажете *ему*?

– Дима...

– Я не хочу, чтобы он трогал меня!

– Тихо-тихо, – Павел положил руку ему на плечо. – Королев не тронет тебя, если ты не позволишь.

Он встал и мрачно взглянул на Диму.

– Я ушел. Через минуту войдешь и сядешь. После уроков останься.

– Зачем?

– Поговорим.

Павел заполнял классный журнал на следующую неделю. Десятый класс вытекал в коридор. Дети грубо шутили, хохотали, пихались.

Слабый стук в дверь.

– Войдите!

В проем сунулась темная вихрастая голова.

– Павел Юрьич, можно?

– Входи.

Дима сел напротив учительского стола. Весь сжался.

– Рассказывай.

Запинаясь, мальчик начал рассказывать.

Павел принял класс две недели назад. Это слишком мало даже, чтобы запомнить всех по именам – каких-то шесть занятий. За это время невозможно как следует изучить душу ребенка. А их тут восемнадцать.

Ближе всех Павел Юрьевич познакомился с Королевым и Сотниковым. Оба – новенькие.

Королев проходил курс начальной школы в частном заведении с языковым уклоном. У отца его денег куры не клевали.

Он получал любую игрушку, какую хотел. Мир был для него огромным «Луна-парком», любое жизненное событие – веселым аттракционом.

Когда Вите было четыре годика, его мать споткнулась о ковер, ударилась затылком о батарею отопления и умерла. Мальчик очень горевал. Все его утешали, вытирали слезы и сопли. Мальчика задаривали игрушками и сладостями. Витя усвоил очень хорошо – даже смерть близкого человека можно использовать в свою пользу.

В классе Королев освоился мгновенно. Модная одежда, дорогие портфель, ручки-тетрадки. Он раздаивал конфеты и детские побрякушки. Все его любили, все хотели с ним дружить. Королев набрал себе «банду» и начал развлекаться.

В этот «Луна-парк» попал Дима Сотников.

Вялый, болезненный, бедно одетый мальчик с грязными руками. В отличие от Королева, до сих пор не завел ни одного друга. Почти не разговаривал. Из прежней школы Павел получил характеристику. Диму описывали как замкнутого, неуспевающего, асоциального. Чуть ли не слабоумного. Утверждали, что он прогульщик, но Павел знал – Дима Сотников в жизни не пропустил ни одного урока. Просто, когда он сидит на «камчатке», опустив взгляд, его невозможно заметить, если специально не выискивать глазами.

По развитию он далеко обходил сверстников. У доски Дима действительно отвечал плохо. Но за письменную работу получил от Павла высший балл. В начальной школе Диме всегда занижали оценку. Во-первых, из-за плохого почерка, который Павел не считал существенным показателем. Во-вторых, из-за стереотипного подхода к личности ребенка, который основан на сложившемся мнении, а не на потенциальных способностях ученика.

Павел был обозлен работой бывшей классной руководительницы Сотникова из школы, где он учился раньше. Он видел ее мельком в коридорах гороно – накрашенная молоденькая дурочка, обеспокоенная в основном личной жизнью и своим отражением в зеркале. Типичная выпускница педагогического. Павел напечатал статью об этом явлении, чем обрек себя на всеобщее осуждение.

Он сильно повздорил с Анной Павловной из-за Сотникова.

– Эта *дура* скинула его мне на плечи, а сама и пальцем о палец не ударила.

– Сотникова хотели оставить на второй год. Его родители упростили этого не делать.

– Я не о том. Умственные способности Димы меня удовлетворяют. Я о его социализации.

– А, это, – директриса поморщилась.

– Такое ощущение, будто Дима никогда нигде не учился.

– Может быть, это аутизм?

– Аутизм или синдром Дауна, мы обязаны...

– Мы *ничего* не обязаны, – отрезала Анна Павловна. – Здесь школа, а не богадельня.

– Но я считаю...

– Павел Юрьевич! – Анна Павловна схватила папку со школьным бюджетом. – Это видели?

– Я не слепой.

– Читали?

– Я не заведу бюджетом.

– Как прикажете учить детей на эти копейки? У меня нет времени, сил, желания заниматься душевным здоровьем. В школе есть психолог. Пусть поговорит с этим... мальчиком!

– Психолог ему не поможет.

– Все. Разговор окончен!

Директриса хлопнула папкой об стол. Павел покинул ее кабинет со скрежетом зубов.

Дима Сотников стал жертвой Королева и его свиты. Павел два раза вмешивался в отвратительные случаи унижения. Видя беззащитность мальчика, другие дети тоже включились в игру. Каждый считал своим долгом самоутвердиться за его счет.

Единственная встреча с родителями мальчика произошла первого сентября. На родительское собрание явилась только мать. Одутловатое лицо и характерные темные мешки под глазами. С классным руководителем своего сына она беседовать отказалась.

Он еле вытянул из Димы правду.

Сотниковы ссорились на глазах у сына. Дима не сказал прямо, что «папа бьет маму», но Павел и так понял.

На дому устраивались пьянки. Иван Сотников изменял жене при собственном ребенке.

Дима почти не интересовал их. Родительская любовь выражалась в том, что мальчика посылали в магазин за вином, а также к различным родственникам – попрошайничать. Если Дима возвращался без денег, его били. Дима – единственный ребенок в семье (после двух пьяных выкидышей матери).

– Дима, – сказал Павел. – Твои мама и папа...

Дима мотнул головой.

– Они не помогут.

– Никто не поможет. Пойми, никто не должен защищать тебя от Королева. Твой отец может защитить от взрослого человека. Я могу помочь с учебкой или еще с чем – но трогать чужого ребенка мы не вправе. Ты должен научиться защищать себя.

Павел сомневался, что он понял.

Павел собирал в портфель бумаги, когда в дверь постучали.

– Войдите!

В класс вошла Анна Павловна.

– Ну? – со слабой улыбкой сказала она, глядя на Павла через толстые стекла очков. – Как прошел рабочий день? Как настроение?

– Спасибо. Прекрасно.

Анна Павловна взглядела в усталое лицо учителя.

– Э-э, Павел Юрьич, шалишь. Больно вид у тебя невеселый.

Павел улыбнулся. Ему нравилась манера директора переходить на фамильярный тон вне стен собственного кабинета.

Директриса усмехнулась.

– Рассказывай. Опять Сотников?

– Дима не может влиться в коллектив. Все время сидит в углу.

– В начальной школе у него тоже были проблемы, – Анна Павловна ходила по классу, водружая на парты перевернутые стулья.

– Именно. Родители пьют. А пацана им не жалко.

– Что мы можем сделать? Лишить родительских?

Павел нахмурился.

– Можно попробовать.

– Бесполезно. Будет как с дочкой Яковлевых. Сотникова отправят в детдом. Родители опомнятся и прикинутся паиньками. Их восстановят, и все начнется сызнова.

Павел сжал губы. Директриса права. Так и будет.

Анна Павловна закончила уборку класса. С удовлетворением оглядела через очки результат.

– Вы слишком много думаете об этом, Паша. Работу свою вы делаете на все сто, и я ею довольна.

– Меня тошнит, Анна.

– От чего?

– От всего. Бедный забитый мальчик... с одной стороны. И жирный сынок нувориша – с другой. Я ничего не могу сделать.

Анна Павловна подошла к учителю. Сощурилась.

– У-у-у, милый мой. Против ветра ссать вздумал?

Отвернувшись, Павел начал яростно запирать портфель.

– Может, и вздумал.

Директор побледнела. Погрозила пальцем.

– Не смей, – потрясенным шепотом сказала она. – Работы лишиться хочешь?

Павел поднял глаза.

– Дело не в этом, правда? Вы боитесь, что я и вас дерьмом измажу.

– Верно. Честь школы важна для меня. Моя симпатия к тебе не должна мешать принципам. Не рассчитывай на мою помощь.

– Забудем об этом.

Он улыбнулся. Директор улыбнулась в ответ.

– Ты торопишься куда?

Павел взглянул на часы.

– Да, у меня встреча.

– Во сколько?

– В восемь, – наугад сказал Павел.

– Время терпит, – отмахнулась директриса. Улыбнулась насмешливо-снисходительной улыбкой. Все учителя школы N19 знали эту улыбку и мечтали увидеть ее. – Пошли, посидим.

– Не могу.

Анна Павловна, сощурившись пристально взгляделась в его лицо.

– Обижаешь, Павел Юрьич. Забыл, как я по-доброму отнеслась к тебе, когда ты приполз ко мне со своим липовым дипломом?

Он молча смотрел на директрису.

– Ты единственный учитель русского языка мужского пола в Холмах. Я даже не спрашиваю, на что ты живешь, и от кого прячешься в моей школе. Я просто хочу, чтобы ты ценил проявления дружеского участия. Я не ко всем педагогам так отношусь.

– Я это ценю, – сказал Павел.

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза. Потом директриса, усмехнувшись, хлопнула его по плечу.

– Пошли-пошли. Составишь мне компанию.

«Чтоб тебя», подумал Павел. И последовал за начальницей.

Кабинет директора школы был прекрасно отделан – в отличие от учебных классов. В углу – кадка с пальмой. Зеркало во всю стену, перед которым так удобно отрабатывать жесты и мимику. Мягкие кресла, сидя в которых, нельзя не ощутить себя во всем правым.

Павел поставил портфель на пол. Сел в одно из кресел.

Директриса отперла сейф. Достала два стакана, блюдце с дольками соленого огурца, пустую бутылку водки.

– Садись, Паша, – сказала Анна Павловна. – Угощайся.

Павел взял стакан. Поднес к носу.

– Пей, пей, не отравишься.

Директриса быстро опрокинула в себя стакан. Замахала перед лицом ладонью.

Сняла очки. Седая прядь выбилась из монолитной прически.

– Новость слышал?

– Какую именно?

– Нестерова убили.

– Неужели?

– Сейчас-сейчас, – Анна Павловна плеснула себе в стакан. Заметила, что Павел не пьет. –

Ты чего тормозишь?

Павел поднес стакан к губам. Директор поднесла к лицу свой, прикрыв глаза. Павел тут же вылил свою порцию в кадку с пальмой. Сделал вид, что морщится от горечи. Замахал перед лицом.

– Что? Хороша? – расхохоталась Анна Павловна. – О чем я говорила?

– Нестеров.

– Да. Нашли мертвым на опушке леса. Под Новгородом. Страшное убийство.

– В него стреляли?

– До смерти забили. Башку проломил, а потом лицо изуродовали.

Секунду Павел и Анна молчали.

– Ну? – Анна Павловна хлопнула рукой по столу. – Еще по одной?

Она подмигнула. Павел отвел глаза. Анна Павловна опорожнила стакан. Павел повторил прежний трюк. Директор тяжело вздохнула и устала в одну точку. Павел уже намеревался встать и вежливо уйти. Анна Павловна вздрогнула.

– Да... Мертвый. А рядом машина его... и там это... эти... отпечатки пальцев.

– Отпечатки пальцев?

– Знаешь, чьи? Ни хрена ты не знаешь. Племянницы его... как же ее... Ира, Ирма?

– Инна.

– Вот-вот.

– Это ничего не доказывает. Она могла сколько угодно ездить на дядиной машине.

– Рядом с телом нашли ключи от машины. Знаешь, чьи там пальчики? Кровищи – уйма.

– Она главная подозреваемая?

Анна Павловна подняла красные глаза.

– Постовой ее видел. Девка на машине гнала. Оштрафовать ее надо было. Да он узнал ее. Сам понимаешь, с Нестеровыми ему связываться ни к чему.

Павел кивнул.

– Следовательно думает, что Инна там была. Она, кошка драная, отпирается. Друзья ее подтвердили, будто бы Инна с ними гуляла все утро.

– Если бы она была на месте преступления, остались бы другие следы.

– Повезло ей. В тот день дождик пошел. Там теперь сам черт правды не доищется. Менты теперь ничего не докажут. Девочка с деньгами. Адвокатов наймет, и концы в воду.

– Но зачем ей убивать дядю? Да еще таким образом?

Анна Павловна усмехнулась.

– Э-э, Павлуша, других учишь, а тебе самому еще расти и расти. А наследство? У Нестерова же, кроме нее, нет никого. Ты представляешь, какие это бабки? Я бы на эти деньги все стены здесь золотом отделала. Я бы десять школ отгрохала!

Анна Павловна сгорбилась над столом. Прическа ее совсем испортилась.

– Э, да что там. Нам, хорошим людям, таких денег век не видать.

Она грохнула кулаком по столу. Так, что подпрыгнул стакан. Павел потер лоб.

– Странно это. У нее и так все было. Дядя ведь не держал ее впроголодь.

Анна Павловна хмыкнула.

– Ну что ты, дурачок, богатых не знаешь? Во! – она покрутила пальцем у виска.

На секунду опустила глаза. Когда подняла, стакан Павла стоял на столе. Сам у дверей с портфелем в руке. Как он вскочил, директор не заметила.

– Я пойду, – сказал Павел. – До свидания.

– Сядь, – приказала директор. Властным жестом указала на кресло. Павел подчинился.

– Я тебе про Нестерова расскажу. Та еще стерва.

Павел кашлянул.

Анна Павловна рассказывала довольно бессвязно. Павел внимательно слушал. Он услышал гораздо больше, чем директор намеревалась ему сообщить.

Кирилл Нестеров был уродом семьи. Окончив в восемьдесят втором школу, он сбежал из дома. Жил на чердаке заброшенного дома. Подрабатывал штукатуром. Говорят, по вечерам он писал роман, бичующий советскую власть. Точно сказать нельзя, поскольку этот роман никто никогда не видел.

В семье Нестеровых, видных ученых, о младшем сыне забыли и старались о нем не упоминать. Старший, Вадим, напротив, был гордостью семьи: обаятельный, практичный, предприимчивый. В восьмидесятые Вадим открыл одну из первых торговых фирм в области, и к концу десятилетия, что называется, оказался «на коне». О брате он не говорил иначе как с презрительной усмешкой.

В 84-м до Нестеровых дошли слухи, будто Кирилл женился на дочке партийного чиновника. Нестеровы только посмеялись. Но слух был верен.

Никто точно не знает, как неудачник Кирилл встретил Софью. Говорили, будто он защитил ее от хулиганов. Но это весьма сомнительно.

Родители, естественно, горячо убеждали дочь порвать с «никчемным неудачником». Молодой человек казался расчетливым проходимцем, который норовит пролезть в семью и пользоваться накопленными благами. Нестеровы думали точно так же. Женившись на Софье, Кирилл оказывался куда богаче Вадима.

Все сложилось иначе. Софья ушла из дома, отказавшись от денег и материального комфорта. Путь назад был для нее закрыт.

Возлюбленные расписались. Софья последовала за Кириллом в его печальных поисках правды. Девушка была беременна. Поиски привели молодоженов на юг. Там родилась Инна Нестерова.

Нестеровы несколько лет ужасно бедствовали. Даже для немногих друзей, которых интересовала судьба молодой пары, они будто канули в Лету. В 90-м о них появились первые новости. У Нестеровых все было хорошо. Софья зарабатывала достаточно, чтобы семья поселилась в домике на берегу моря. Они не хватали звезд с неба, но были вполне счастливы. Говорили, будто Кирилл собирается вернуться на северо-запад и помириться с семьей. Однако, этого не случилось. Нестеровы погибли в автокатастрофе, столкнувшись с бензовозом. Считалось, что виноват был пьяный водитель грузовика. Правды не узнал никто: тела и обе машины разнесло на части взрывом.

Оба семейства с отцовской и материнской стороны отказались принять Инну. Вадим Нестеров, по совершенно неясным причинам, согласился взять сироту. Он приехал за ней и увез в Высокие Холмы.

Девочка очутилась в атмосфере богатства, роскоши и власти. Ее окружали сильные мира сего – холодные, жестокие люди, превыше всего ценящие собственную персону.

Опекун заботился о ней, но забота носила строго материальный характер. Инна получала любую игрушку или платье, какое желала. Но ей всегда чего-то не хватало. Очень скоро она перестала желать что-либо.

Инна замечала косые взгляды взрослых. О ней шептались. Девочка поняла: ее судьба неразрывно связана с роковой тайной, которую ей никогда не разгадать.

Вадим Нестеров не единожды проклинал день, когда взял к себе девочку. Очень скоро стало ясно, что из Инны ничего путного не выйдет. Зато греха не оберешься. Вадим не раз говорил друзьям (иногда в присутствии Инны), что ее нужно было утопить в помойном ведре.

Инна была невыносима. Ее истерики и самоистязания приводили прислугу в ужас. Девочка рвала на себе волосы целыми прядями, царапала лицо, била себя по щекам. Когда няня спросила, зачем она это делает, девочка ответила, что хочет быть некрасивой.

– Почему? – спросила няня – робкая женщина с усталым лицом – со слезами глядя на богато одетую девочку.

Инна встала и подошла к няне, глядя дикими голубыми глазами.

– Они говорят, что я красавица, – прошептала девочка. – А я уродка. Я хочу, чтобы все это видели, *все, все, ВСЕ!*

И начала кататься по полу, выкрикивая грязные ругательства. Няня ахнула и выбежала прочь из комнаты. На следующее утро положила на стол Нестерову заявление об уходе.

– Почему? Разве я мало плачу?

– Даже за большую плату я не стала бы здесь оставаться. Я не могу этого выносить.

Нестеров нанимал десятки женщин, но ни одна не задерживалась больше, чем на неделю. Он повышал плату и в два, и в три раза – без толку. Последняя сказала ему, глядя прямо в глаза:

– Просто ужас, что вы творите с бедным ребенком.

Нестеров мрачно смотрел ей вслед: «Лучше подумай, дура, что *она* со мной вытворяет».

Вадим сидел в гостиной с партнерами по бизнесу. Инна, в розовом платьице, с расчесанными золотыми волосами, сбежала вниз по лестнице, забралась на стол и тоненьким голоском пропела «Голубой вагон». Партнеры Нестерова (некоторым из них случалось заказывать похищение или убийство детей) изумленно переглядывались. Вадим побледнел. Он видимо сдерживался, чтобы не ударить племянницу.

Закончив выступление, Инна улыбнулась и грациозно присела. Она держалась с изумительным достоинством, которому нельзя обучиться.

Бизнесмены засмеялись. Кое-кто зааплодировал.

Девочка прыгнула со стола. Застыла посреди комнаты, со странным выражением оглядывая лица взрослых.

– Какая хорошая девочка, – сказал один из них, по фамилии Баринов. Взял из вазы апельсин, протянул Инне. – Смотри, какой фрукт! Хочешь?

Инна настороженно смотрела на него.

– Невежливо молчать, когда с тобой разговаривают взрослые, – сказал Нестеров. Лоб его покрылся испариной. Он внимательно следил за Инной.

– Вкусный апельсин, – продолжал Баринов с кошачьей улыбкой. – На, бери! Ну что ж ты? Боишься? Да не бойся, я не кусаюсь.

Инна не пошевелилась. Глядя на Баринова умными серыми глазами, она вдруг побледнела.

На его лице появилось выражение раздраженного нетерпения.

– Да что ты, в конце концов! Иди-ка сюда!

Приподняв зад от дивана, он наклонился вперед, схватил девочку за руку и притянул к себе. Посадил на колени. Погладил по волосам.

– Красивая девочка, – промурлыкал он. – Почему апельсин не берешь? Нехорошо так с дядей обращаться.

Инна, глядя ему в глаза, вдруг ласково улыбнулась.

– А ты правда не кусаешься?

Баринов кивнул.

– Правда. Я добрый дядя.

Улыбка девочки стала еще более ласковой.

– А я кусаюсь, – сказала она. Личико ее исказилось злобой. Извернувшись, она укусила Баринова за палец.

Добрый дядя заорал от боли. Выпавший из руки апельсин покатился по полу в угол.

Инна, спрыгнув с колен Баринова, отскочила в сторону. Наставив на Баринова пальчик, запрокинула головку и злобно расхохоталась.

Побагровев, Вадим вскочил.

– Ты что вытворяешь, сволочь? – заорал он и ударил Инну по лицу.

Инна ошарашено взглянула на дядю. Глаза ее наполнились слезами. Она выбежала вон.

Еще час Баринов, раскачиваясь на диване взад-вперед, баюкал распухший, кровотокащий палец. Все его утешали и успокаивали.

– Вадим, сука! – выл он. – Чтоб я еще раз к тебе в гости пришел!

– Ну, что ты хочешь, Валера? – бормотал Нестеров, потирая лоб. – Она сирота.

– Да ну тебя! – сказал Баринов, чуть не плача. – Она меня за палец тяпнула! Сука!

Не дождавшись семилетия Инны, Нестеров отправил ее в престижную школу-интернат. Вскоре Нестерова засыпали телефонными звонками – жалобами на Инну.

Девочка никак не хотела превращаться в маленькую принцессу, достойную фамилии. У нее были уличные манеры. Она часто сбегала по ночам или во время занятий. Пока ее сверстницы обучались танцам, этикету и оксфордскому диалекту, Инна сблизилась с детьми из бедных районов. От них Инна набралась характерных словечек. Воспитатели с ног сбивались, разыскивая ее по глухим подворотням. Инна сама возвращалась под вечер, в испачканном платье, с царапинами на коленках и синяком под глазом.

С одноклассниками она не желала общаться. Они были ей чужды, как посланцы иного мира. Эти дети не знали ни горя, ни страха, ни голода. Подражая взрослым, они обсуждали деньги, налоги, яхты. Сверстники презирали ее и дразнили «подкидышем». Инна жестоко наказывала обидчиков.

К третьему классу девочка подошла со средней успеваемостью. Отличные оценки только по литературе, рисованию и кулинарии. Дальше училась все хуже.

В десять она закурила, в одиннадцать выпила, в двенадцать загуляла. Вадим от злости и отчаяния чуть на стенку не лез. Ночами ворочался в постели.

«Чего ей еще надо? Все у нее есть. Тряпки, побрякушки, курорты – пожалуйста. Сколько возможностей! Весь мир перед ней. Да любая девка с улицы жизнь продаст, чтобы оказаться на месте этой идиотки. Дрянь неблагодарная!»

Ссорились они по сто раз на дню. Иногда дело доходило до поножовщины. Из-за пятен крови ковер в гостиной часто меняли. Но Инна была неспособна сбежать из дома, как ее мать.

В детстве она часто бродила в одиночестве по берегу озера или в лесу, и все мечтала о принце, который приплывет на корабле под алыми парусами. И увезет ее далеко-далеко. Ребенок, не знающий родительской любви, взрослеет очень рано. Это жестокое взросление, которое искажает душу. Такой ребенок рано начинает мечтать о возлюбленном, который облас-

кает его. Сирота всю жизнь будет искать в любовнике отца или мать. Нужно ли говорить, что эта жажда никогда не будет утолена. В любви никто не способен всю жизнь нянчить другого.

В двенадцать лет Инна почти забыла своего Принца-отца. Более того – любая мысль о нем вызывала в ней отвращение и ужас.

Под конец рассказа речь Анны Павловны стала совсем бессвязной. Она уронила голову на грудь.

Павел тихо встал. Взял портфель, и на цыпочках вышел.

Глава 5. Ира

Павел шагал, спотыкаясь о неровности асфальта. Все время приходилось обходить огромные лужи.

Небо потемнело. Серебристый диск луны сиял из прорехи в скоплении облаков, как из глубокого колодца.

Над разбитой дорогой низко стелился подсвеченный сиянием фонарей туман. Ноги вязли по щиколотку, словно идешь по толстому слою мокрой ваты.

Дом Иры старый, перекошенный, неприятного серого цвета. Одно окно тускло светится, как единственный глаз на лице старика. В крайнем правом окне разбито стекло. Камень.

Павел скривился.

Свернул на тропинку к воротам. Почувствовал спиной взгляд. В освещенном окне дома напротив мелькнуло лицо женщины. Когда он обернулся, любопытная соседка тут же юркнула за занавеску.

Павел просунул руку в щель между стеной дома и забором. Пальцы нащупали холодное железное кольцо. Он потянул на себя засов. Тот поддался с тяжким скрежетом.

Над крыльцом зажглась лампочка. Павел зажмурил глаза. Открыл и увидел Иру. Девушка показалась ему бесплотным призраком в застиранном халате.

– Привет.

– Привет, – Ира скрылась в коридоре. Павел взошел по скрипучим ступенькам. В доме пахло табаком и тухлой капустой.

Прошел в душную кухню. Колченогий стул под ним со скрипом пошатнулся. Портфель он сунул под стул.

На плите кипела в грязной кастрюльке мутная вода. Под потолком на веревках висели влажные тряпки.

– Как я выгляжу? – Ира протиснулась к плите.

Некогда сильные волосы с золотым отливом – теперь тусклые, стянутые на затылке в тугую пучок. Под глазами темные круги.

Взгляд Павла скользнул вниз. Руки огрубели, ногти черные от грязи.

Ей было шестнадцать лет.

– Прекрасно, – сказал он.

– Картошку будешь?

Павел покачал головой.

Ира села за стол. Начала очищать дымящуюся картофелину.

– Осторожно, – сказал Павел. – Руки не обожги.

За тонкой стенкой заплакал ребенок. Ира вздрогнула.

– О господи. Я сейчас.

– Ну что ты, что ты. – донеслось из-за стенки. – Чего мы расплакались? Ш-ш-ш...

Ира вернулась, потирая лоб. Встретила взгляд Павла. Устало улыбнулась.

– У него температура.

Села за стол. Взяла картофелину.

– Остыло, – пробормотала она.

– Все будет хорошо.

Ира взглянула на Павла. В ее глазах затаилась старая злоба, которая пугала Павла, хотя к нему не относилась.

– Ты не представляешь, каково было в роддоме. Гадюшник, одно слово! Они все время пялились на меня.

– Кто, Ира?

– Мамаши. Врачи. Медсестры. Все. Я вижу их везде – в магазине, в автобусе, в соседских окнах. Они повсюду.

– Понимаю.

– Нет, не понимаешь! Каково было слышать их тупое квохтанье: «На каком вы месяце? А кто папаша?» – передразнила Ира. – Но еще больше меня бесили те, кто все понял. Одна такая все смотрела на меня, будто я ноги лишилась. Приставала, совала фрукты. Ты знаешь – бабы вечно суются со своей заботой, когда их никто не просит. Я пряталась от нее в сортире.

– Скверно.

– Да, в общем, ничего. Только когда мужики к ним приходили, было худо. У меня-то никого.

– Я пришел один раз, – напомнил Павел.

– Да, – Ира с благодарностью взглянула на него. – Когда ты ушел, соседки по палате про тебя спрашивали.

Ира отвела взгляд. Рассмеялась.

– Я сдрейфила. Сказала, ты мой муж.

Они сидели, натянуто улыбаясь. Ира съела одну картофелину. Отодвинула блюдо.

– В зале дует, – сказала она.

– Окно разбито.

– Знаю. Камень бросили.

– Да? Как странно!

– Нужно вставить новое. Или заделать чем-нибудь.

Павел потер рукой лоб.

– Я не умею стекла вставлять.

– Я соседа попрошу. Он давно на меня облизывается.

– Неплохой повод.

– Не смейся.

– Извини.

– Ненавижу мужиков. Вы все такие идиоты.

Она наклонилась, пристально глядя на Павла.

– Я и его, – Ира покосилась в сторону детской. – Ненавижу иногда. Ничего не могу с собой сделать. Как на него погляжу – так отца вспомню. Глаза, нос, рот – все то же.

Она сгорбилась, глядя на стиснутые пальцы.

– А иногда думаю – хорошо, что сын. Он поймет, почему я на трассу ходила. Женщины ненавидят меня и считают кругом виноватой.

Павел вспомнил кое-что. Сунул руку в карман. Положил на стол пачку денег.

Ира округлила глаза.

– Что это?

– Здесь восемьдесят тысяч рублей, – Павел подвинул пачку на ее край стола. – На первое время хватит.

Он потер лоб.

– Послушай меня. Я хочу, чтоб ты начала жить по-человечески. Чтобы нашла нормальную работу. Слышишь?

Ира взяла деньги. Поднесла к глазам, будто боялась, что растворятся в воздухе.

Кинулась к Павлу.

– Спасибо! Ты спас меня!

Она начала покрывать лицо Павла поцелуями, пожалуй, чересчур жаркими.

– Ира... не надо.

Ира смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Почему?

– Не надо.

Она опустила на колени.

– При первой встрече ты тоже отверг меня. Я была дура. Я думала, ты как все. А ты совсем не такой.

Она уткнулась лицом ему в колени и заплакала. Павел слегка отстранился, потирая висок.

Ира взглянула на него лихорадочно горящими глазами. Начала трепетно поглаживать ладонями ноги, начиная от коленей и поднимаясь выше и ближе.

– Мне хочется отблагодарить. Почему не позволяешь?

– Прекрати.

Она тяжело поднялась. Волосы беспорядочными прядями упали на лицо.

– Знаю, я тебе не нравлюсь. Потому что я такая.

– Ира...

– Ты чистый. Я тебе противна.

– Замолчи сейчас же!

– Хорошо, – Ира со страхом взглянула на него. Тронула лоб. Словно в лихорадке, оглядела кухню.

Павел со вздохом поднялся.

– Ну, мне пора.

Он достал из-под стула портфель.

– Я провожу.

В прихожей Ира окликнула Павла.

– Возьми, – она протянула ему пачку денег.

– Зачем? – нахмурился Павел.

– Я не могу их взять.

– Не ломай комедию.

Ресницы девушки дрогнули.

– Я не заслужила.

Павел обнял ее за плечи. Посмотрел в глаза.

– Ира, – прошептал он. – Подумай о ребенке.

Ира прикусила губу, глядя на него. Отвернулась.

– Уходи, пожалуйста, побыстрее уйди и никогда больше не приходи! Я боюсь тебя. Боюсь и ненавижу. Ты хуже всех. Нет никого ужаснее тебя.

– Это я знаю, – пробормотал Павел.

– Что?

Он отвернулся. Ступеньки скрипели под ногами. В голову через затылок проникала тупая боль. Павел чувствовал себя разбитым.

– Паша?

Он обернулся. Ира смотрела на него сверху, зябко кутаясь в халат. Глаза ее болезненно горели.

– Сегодня я проснулась, и впервые не заплакала, – иступленным голосом сказала она. – Я чувствую, скоро все изменится. Скоро придет Спаситель!

Павел нахмурился.

– Какой еще Спаситель? Иисус, что ли?

– Нет! – Ира сбегала по ступенькам, приблизилась. Ее безумное лицо в тускло освещенном полумраке походило на белую луну. – Не жалкий хлюпик. Истинный герой. Смелый и жестокий. Я знаю, Он придет и отомстит за всех нас!

Павел несколько секунд разглядывал ее будто сведенное судорогой лицо.

– Иди в дом, – наконец сказал он.

Он везде зажигал свет. Задернув занавески, отогнул одну и выглянул на улицу. Облегченно вздохнул.

– Вот я и дома.

Во всех комнатах лампочки два раза мигнули и погасли. Дом погрузился во мрак.

Он стоял у окна, слушая стук сердца.

Спустя миг вспыхнул свет. Павел бросился в гостиную. Споткнулся о порог. Упал на колени. Вскочил.

Сунул руку под подушку дивана.

Пальцы сомкнулись на рукоятке.

Взглядом он судорожно ощупывал каждый угол. Дергаясь от каждого шороха, водил стволом пистолета.

Ящик комода выдвинулся сам собой. Павел замер, слушая оглушительный стук сердца. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара.

Сняв пистолет с предохранителя, он медленно приблизился к комоду.

На дне выдвинувшегося ящика лежала фотография в рамке. Павел взял ее в руки.

Красивая брюнетка с бархатными карими глазами. Платье кремового цвета с открытыми грудью и плечами. Холодная, строгая красота розы.

И рядом с ней – *он*.

Павел с болью и тоской разглядывал фото.

– Очень смешно, – он бросил рамку на дно, задвинул ящик. – Думаешь, я сам не помню?

Он спрятал пистолет. Провел ладонью по лицу.

Сел на диван со стаканом вина. Уставился в пустоту.

Прошрое выступало из тумана, как силуэт темной скалы. Павел попытался вспомнить лицо Юры, но не смог.

Неожиданно для себя он заплакал.

Глава 6. Допрос

– Володя, выйдем на минутку, – Точилин незаметно подмигнул Быстрову. Повернулся к Нестеровой. – Инна Кирилловна, мы ненадолго.

Следователь Точилин – высокий, стриженный ежиком мужчина с высеченным из камня лицом – насмешливо взглянул на капитана.

– Ну, что думаешь?

Придвинувшись к следователю, Быстров прошептал:

– У меня там сидит племянница и единственная наследница Вадима Нестерова. Которую вполне можно назвать главной подозреваемой в убийстве. Которая, к тому же, несет бред собачий про мужика с молотком. Ты понимаешь, в какое говно я вляпался?

Точилин усмехнулся.

– Капитан, доверься мне. Эту кучу таким, как ты, не разгрести. Ты, главное, поддакивай в нужных местах.

Быстров промолчал. Он смотрел на этого человека, о котором в коридорах ОВД не говорили иначе, как с боязливой ненавистью, и снова почувствовал, как он устал.

– Ну, – вздохнул капитан. – Пошли!

К ним подошел мужчина в сером плаще. У него было очень напряженное лицо.

– Простите, я из комиссии по делам несовершеннолетних. Нужна ваша подпись.

Точилин ошупал его взглядом с головы до ног. Наморщил лоб, будто пытался вспомнить, где видел этого человека.

– Это не ко мне, – отмахнулся Быстров. – А что у вас?

– Ходатайство о лишении родительских. Шестьдесят девятая статья.

– Вы из школы?

– Да, я классный руководитель.

– Вам к Чернухину. Пройдемте, это сюда.

Все трое вошли в кабинет. Быстров отвел Павла к столу Чернухина, а сам вместе с Точилиным прошел в дальний конец комнаты.

Инна Нестерова сидела на диване, глядя в одну точку.

Когда открылась дверь, Инна вздрогнула, но быстро овладела собой. Ее пальцы стискивали сжатые колени.

Точилин взял стул. Поставил напротив дивана, спинкой вперед. Сел, положил локти на спинку, свесив вниз руки. Инна сжалась под строгим, настойчивым взглядом глаз со стальным блеском.

– Снова здравствуйте, Инна Кирилловна. Я – Точилин Александр Сергеевич, следователь по расследованию особо тяжких преступлений областной прокуратуры в звании майора юстиции. Будем разговаривать.

Инна пристально смотрела на него.

– В чем меня обвиняют?

Голос ее прозвучал так громко и резко, что все, включая Павла, посмотрели на нее.

Павел уже получил подпись. Ему следовало уйти. Но он застыл у стены с документом в руках, странно глядя на Инну.

– Ни в чем, – вздохнул Точилин. – Пока ни в чем.

Он задумался.

– Расскажите нам еще раз, как все было.

Инна вздохнула.

С того самого момента, когда они с дядей ссорились у машины, и появился незнакомец в черном плаще, все пошло кувырком. Эти два дня Инна прожила в аду.

Она приехала к Илье на квартиру, где, как всегда, творился настоящий бедлам.

Девушка остановилась на пороге, усиленно улыбаясь. Никто не обращал на нее внимания. Впервые в жизни голову Инны посетила мысль, что друзьям нет до нее никакого дела. Умри она сейчас – вечеринка продолжится.

Илья поймал ее взгляд. Он сидел во главе стола. Рядом, пунцовая от вина и счастья, Вероника в голубом топики и джинсах с низким поясом. Правую руку Илья просунул под мышкой, сжимая ее грудь.

Инна с болью следила, как Илья наклоняется к Нике. Шепчет на ушко. Та смотрит на Инну с торжеством.

Илья убрал руку с ее груди. Встал из-за стола. С возгласом: «А вот и наша Инна!»

– Легка на помине! – крикнул кто-то.

– Вспомнишь говно, вот и оно! – процедила Вероника.

Илья поцеловал ее.

– Как доехала? Нормально?

– Да.

Илья усадил ее за стол под грохот металла – Pantera, или что-то в этом роде – и все было как всегда.

Инна сидела молча, почти не притрагиваясь к спиртному. Только высаживала сигарету за сигаретой. У нее еле хватало сил сидеть прямо, вставляя реплики, выдавливая смех. Она чувствовала себя актрисой, которой дали чужую роль.

Она заперлась в ванной. Оперлась руками на раковину. Посмотрела в зеркало.

За спиной стоял *Он*. Черный плащ с капюшоном без тела. Поднимает ладонь с длинными тонкими пальцами. Приветливо, издевательски машет.

Инна вскрикнула. Обернулась. Никого.

Она осела на пол вдоль стены. Спрятала лицо в ладонях.

Выплеснув боль и отчаяние в слезах, встала, привела себя в порядок.

Илья стоял в коридоре, скрестив на груди руки.

– Колись. Что с тобой?

– Ничего. Все в порядке.

– По-твоему, я дебил?

Инна молчала.

– В чем дело?

– Ни в чем, – она выдавила улыбку.

– Тогда встряхнись и не порть мне праздник. Сидишь с кислой рожей. Смотреть тошно.

– Хорошо, – Инна кивнула. – Прости.

Они вернулись в безумие залы. Но девушка не могла избавиться от ощущения, что все смотрят на нее с подозрением.

А потом – звонок в дверь.

Инна вздрогнула. Со страхом посмотрела в сторону двери. Илья, Вероника, Болт, Мигунов сразу смолкли. Кто-то бросился открывать и вернулся с мертвым лицом.

В зал вошли менты. Быстров с отвращением огляделся.

– Нам нужна Инна Нестерова. Кто знает, где она?

– Это я, – Инна сжалась. – Что вам?

– Ваш дядя найден в лесу. Он убит.

Инна дернулась, словно осужденный на электрическом стуле. Неестественно округлила глаза.

– Что? – ахнула она. – Как? Где? Господи...

Она всю жизнь будет стыдиться своей неубедительной актерской игры в тот миг. Даже Болт и Мигунов не поверили. А уж их-то никто не назовет ценителями искусства.

– Вы должны ехать с нами.

Инна подчинилась. Она покидала квартиру, ощущая промеж лопаток прожигающий взгляд Ильи. Девушка знала – после допроса в отделении ее ждет еще один, домашний. И неизвестно, что хуже.

Она объяснила милиции все как есть. Ей не поверили (что неудивительно). Взяли мужика с камерой, поехали на место. Инна все показала. Где стояла она, дядя, как подошел убийца, как убил дядю. Конечно, многое она опустила – например, странные слова Господина Убийцы. Когда все закончилось, приливом нахлынуло облегчение.

На следующий день встретила с Ильей. Тот наказал ее за то, что засветилась у ментов. Очень серьезно наказал. Так, что Инна два дня не вставала с дивана. И ходила с кровью. Она смотрела на кофейного цвета мочу в унитазе, и думала: «Вот он, цвет моей любви» И хохотала.

А теперь приехал этот следователь с жесткими глазами, опять начинай все сначала.

Точилин допросил ее второй раз. Инна все рассказала, чувствуя на себе взгляд странного мужчины в сером плаще, который молча стоял у стены. Возможно, помощник Точилина. А может, тайный свидетель, которого Точилин приберет на десерт. Который видел, видел, ВИДЕЛ.

Боже, да что видел-то?

«То, что Я убила дядю, Я, Я, Я!»

Об этом она, конечно, умолчала.

Следак, похоже, не верил ни единому слову. Он постоянно перебивал: «Вы уверены? Так все и было? Как странно!»

– Нет, я не уверена! – сказала Инна. – Долго вы будете меня мучить? Я все рассказала что знаю. Не один раз! Вам нравится надо мной издеваться? Он убил дядю и ушел. Он вернется за мной, понимаете? Я боюсь, боюсь!

Она зарыдала. Точилин хмыкнул. Быстров подал стакан воды.

– Успокойтесь. Здесь вы в безопасности.

Точилин встал, прошелся по комнате.

– Еще парочка вопросов, Инна Кирилловна. Вы в состоянии отвечать?

– Спрашивайте, – Инна хлюпнула носом. – Все что угодно.

Точилин пожевал губами.

– Баринов Валерий Георгиевич – это имя вам что-нибудь говорит?

– Говорит. Баринов – друг и деловой партнер дяди. Он живет через два дома от нас. Часто бывал у нас дома. Девочкой я сидела у него на коленях.

– Что вам известно об отношениях между Нестеровым и Бариновым? Дядя когда-нибудь говорил с вами о делах?

– Никогда. Мне всегда было до лампочки, чем дядя занимается. Отношения у них были нормальные.

Точилин сел на край стола.

– Инна, знаете, почему дядя никогда не говорил с вами о бизнесе?

– И знать не хочу!

– Он не хотел подставлять вас под удар. Ваш дядя – и Баринов – занимались черт знает чем. Торговля оружием, наркотики, детская проституция. И многое другое.

Он выжидающе уставился на Инну. Она отвела взгляд.

– Я не хочу, чтобы вы бросались бездоказательными обвинениями в адрес нашей семьи. У дяди нимб над головой не светился. Его дело. Каждый крутится как может.

Точилин нахмурился. Подошел к окну, выглянул на улицу.

– Инна, вы не понимаете, в какой опасности находитесь. Вы стали свидетелем убийства. Этого мудака послали очень нехорошие люди. Люди эти не знают, говорил с вами дядя насчет

бизнеса, или нет. Они не уверены. А такие люди очень не любят неясности. Рисковать они не станут.

Он повернулся к Инне.

– Они ни перед чем не остановятся.

Быстров кашлянул.

– Александр Сергеич, я думаю, будет лучше...

Тот не слушал. Продолжал сверлить девушку взглядом.

– Ну?

Инна покачала головой.

– Я все рассказала.

– Подумайте хорошенько. Не спешите.

– Я. Ничего. Не знаю.

Инна с вызовом взглянула в глаза Точилину. Тот поиграл желваками.

– Что ж, в таком случае – раз вы *ничего не знаете* – я не могу гарантировать вашу безопасность.

Инна вскинула голову.

– Мне ничего от вас не нужно. Думаете, я не знаю ваши нравы? Вы возитесь со мной только потому, что я богатенькая стерва. Будь я без гроша, вы бы меня мигом на Колыму отправили.

Точилин хмыкнул.

– Ну, зачем же вы так о *правосудии*... Мы вас отправим на Колыму – когда у нас будут улики против вас.

Быстров снова кашлянул.

Вошел молодой дежурный, отдал честь.

– Что такое? – лицо Точилина дернулось. – Что случилось?

– Вам просили передать, – сержант протянул коричневый конверт.

– Кто просил?

Сержант набрал в грудь воздуха и открыл рот.

Его глаза расширились. Желваки напряглись. Вместо человеческой речи сержант издал невнятный сдавленный звук.

– Что за... – нахмурился Точилин.

Быстров начал медленно подниматься со стула.

– Парень, что с тобой? Э?

Тело сержанта содрогнулось.. Он издал булькающий горловой звук, будто полоскал горло. Побледневшая Инна, открыв от изумления рот, расширившимися глазами смотрела на него.

Павел, до сих пор таившийся в углу, бросился к парню.

Голова сержанта откинулась назад. Хрустнули шейные позвонки.

Глаза вылезли из орбит. Лицо побагровело.

Парень согнулся пополам. Из его горла хлынул поток алой крови с черными потеками.

Воздух наполнился вонью тухлой рыбы и гнилых помидоров.

Инна завизжала. Павел схватил ее за плечи и оттащил в дальний угол.

Сержант с трудом разогнулся. Он дрожал. Точилин схватил его за шиворот. Встряхнул.

– КТО ОН? – заорал Точилин в лицо сержанта, брызнув слюной. – Как выглядел? Что говорил? Куда пошел?

Сержант моргал, не отвечая. Он выглядел больным. Точилин вновь встряхнул его. Послышался треск ткани.

– Сержант, ты что! Оглух?

– Я... – слабым голосом начал тот. – Он...

– Что «он»?

– Черный... холодный...

Точилин отпустил паренька. Тот пошатнулся и, словно в лихорадке, прошептал:

– *Айлатан...*

– Проклятье! – Точилин грохнул кулаком по столу. – Уведите его!

Сержанта увели. Точилин подошел к столу, сощурился на коричневый конверт. Протянул руку.

– Не трогайте! – вскрикнул Павел.

Точилин вздрогнул. Оглядел учителя с головы до ног.

– Это еще кто? Посторонние в отделении? Без премии всех оставлю!

Быстров и Чернухин переглянулись.

– Н-не имеешь права, т-товарищ майор... – начал Чернухин.

– Еще как имею! Здесь все мое, товарищ капитан. Мое! Ясно?

Павел покосился на Инну. Она смотрелась в зеркальце, поправляя волосы. Павел хотел подойти, спросить, в порядке ли она. Девушка с такой ненавистью посмотрела на него, что Павел поспешил выйти.

Глава 7. Хуже и хуже

– Инна!

– Проклятье! – девушка остановилась.

Следователь быстрым шагом пересек коридор. Схватил Инну за руку и потащил к выходу.

– Что вы творите?

– Слушай меня внимательно, милая. Я знаю, ты невиновна. Что бы там между вами ни произошло, дядю ты не убивала.

Инна с надеждой и подозрением покосилась на следователя.

– То, что ты там наговорила – это, конечно, твое дело. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы с тебя сняли обвинения. Однако, если дело дойдет до суда...

– Вы думаете, будет суд? – Инна вздрогнула.

– Инна, все может быть, – прошептал Точилин.

Они вышли из отделения. Обогнули здание и двинулись к автостоянке.

– Вот я о чем. То, что ты там насочиняла – черный плащ, мистика... весь этот *туман*...

– Я не...

– В суде этого говорить нельзя. Скажешь, что видела человека в черной маске. И все. Ясно?

Инна прикусила губу.

– Этого не было.

– А все же будет лучше, если ты так скажешь.

Инна кивнула.

– Хорошо.

– Сможешь? – настаивал Точилин. – Не испугаешься?

– Нет, что вы, – расхохоталась Инна. – Я же теперь убийца!

Точилин улыбнулся. Инна хотела идти, но он удержал девушку за руку.

– Да, еще. У тебя будут спрашивать, не было ли у дяди врагов. Ты скажешь – был. И его имя – Баринов Валерий Георгиевич.

Инна мгновенно переменилась в лице. Вырвала руку.

– Использовать меня вздумал? Очень смешно. А вот это видел?

Девушка с фальшивой улыбкой показала ему средний палец. Лицо Точилина окаменело.

– Не, начальник, – все с той же неискренней улыбкой продолжала Инна. Глаза наполнились слезами жалости к себе. – Если мне и придется сдохнуть, то только по собственной тупости. Не хочу лечь в гроб из-за того, что этого ублюдка убили у меня на глазах.

– Инна...

– Мне плевать! – вскричала Инна. – Он мертв, и знаете что? Я в восторге! Он мне надоел! И я не хочу, чтобы он из могилы доставал меня! Мы прожили под одной крышей пятнадцать лет, и я хочу забыть все, как страшный сон!

Плача, она развернулась и направилась к бутылочного цвета «БМВ». Точилин видел за рулем знакомого парня с порочным лицом и насмешливым взглядом. Илья Бубнов. Точилин многое знал о нем, и то, что он знал, не предвещало для Инны ничего хорошего.

– Инна!

– Ну что еще?

Инна обернулась, презрительно оглядела следователя.

– Можете думать что угодно. Я скажу правду. Может, вы и рады, что вашего дядю убили – он оставил вам жирный кусок. И не говорите, что вас это не волнует. Я отслужил двадцать лет и о людях знаю все. Ничего для вас не изменится. Но у вас есть шанс помочь мне засадить

за решетку негодяя. Звучит смешно, но если вы соврете в суде, можете спасти сотни хороших людей. Подумайте, Инна. Вы ведь ничего не теряете.

Она отвернулась. Направляясь к «БМВ», бросила через плечо:

– До свидания. А лучше – прощайте.

Инна села в машину. Бубнов, целуя ее, с наглым торжеством посмотрел в глаза следователю.

Точилин смотрел вслед удаляющемуся «БМВ».

– Идиотка! – процедил он.

Александра Точилина не любил никто – ни начальники, ни сослуживцы. Персонажи преступного мира любили его еще меньше. Но все без исключения его боялись.

Несмотря на дурную репутацию и несговорчивость, Точилин стремительно взлетел по карьерной лестнице.

Любил его, пожалуй, только капитан Владимир Быстров. Любил, потому что знал его с детства.

Вчера Точилин приехал в Высокие Холмы и вмешался в дело Нестеровой. Убийство бизнесмена – это не убийство, скажем, школьного учителя. Такая смерть всех ставит на уши, особенно тех, кто может на этой смерти хорошенько нажиться.

Быстров, которому поручили это дело вдобавок к пяти другим (нераскрытым), чувствовал, как небесная твердь кусками падает ему на голову.

В этом убийстве были замешаны силы, достойные битвы титанов. В первую очередь – деньги и власть. Больше всего Быстров боялся, что Инна Нестерова окажется убийцей. Не потому, что упечь ее в тюрьму казалось ему задачей абсолютно невыполнимой. Он и сам не знал, почему.

И вот из-под земли вырос Точилин, с которым знакомы со школы. У следователя была своя версия. И в его изложении все выглядело хуже, чем это возможно себе представить.

– Капитан, я тебя поздравляю! Ты сидишь на пороховой бочке.

– В смысле?

– В твоём городе заправляет питерская мафия, судьи куплены, почти все твои сослуживцы – тоже. Только ты, наверное, честным и остался. Наверное, потому что дурак.

– Не болтай ерунды.

– Если бы так! И вот теперь ты, маленький, скромный и честный капитан Быстров, столкнулся с миром больших дядек.

– Думаешь, в деле замешан Баринов?

– И все, кто за ним. Дело поручили тебе. Думаешь, случайно?

Быстров нахмурился.

– Не хочешь ли ты сказать...

– Именно. Кто-то постарался, чтобы дело поручили тебе. Потому что не раскроешь ты его, друг мой, даже за тысячу лет.

– С-суки, – Быстров нервно закурил.

– Есть одно большое НО.

– Какое?

– Я добился от министра, чтобы убийство отдали мне. А это в их планы не входило, уж поверь старику.

– Ну спасибо, – с облегчением выдохнул Быстров. – Так, значит, девка невиновна?

– Ты ее на детекторе проверял?

Быстров покачал головой.

Точилин встал у окна, с отвращением оглядел улицу.

– Да-а-а-с-с... Девочка его не убивала. Уж больно хитро. Но она явно недоговаривает.

– Вот и займись ею, – Быстров раздавил в пепельнице окурочок. – Я спросить как следует не умею.

Он поднял глаза.

Точилин открыл окно. Высунулся на улицу чуть не по пояс.

– Ты чего?

– Птичка на карниз села. Червячка ищет. Много ли пичужке надо?

Быстров закрыл рот.

Глава 8. Вечером

– Ну что, сука, попалась ментам?

Илья сел в кресло, потирая костяшки пальцев. Инна сидела в кресле напротив, согнувшись пополам. Ладони она прижимала к правому верхнему ребру, которое ныло при каждом вдохе. Ее тошнило.

– Я ничего им не рассказала, – прошептала Инна, шмыгая разбитым носом. Илья поднялся, склонился над ней, заорал в ухо:

– ЧТО не рассказала?!

Инна вскинула голову.

– Про *тебя*! Про тебя не рассказала! Твое имя ни разу не прозвучало!

Илья застенчиво улыбнулся.

– Точно?

– Ага, – Инна кивнула.

Илья с облегчением вздохнул. Погладил Инну по волосам.

– Хорошая девочка.

Вернув себе маску самоуверенности, Илья сел в кресло. Закурил.

– Слушай, а ты точно невиновна?

Инна вздрогнула.

– Ты про что?

Илья выдохнул дым. Стряхнул пепел на ковер.

– Может, никакого уroda с молотком не было? Может, ты его и порешила, а?

– Как ты можешь так говорить, Илья? Я на такое не способна!

Илья махнул рукой.

– Забудь.

Встал. Прислушался к грохоту вечеринки за дверью.

– Пошли. Нас не так поймут.

Он подал Инне руку. Она легко поднялась – боль в ребрах почти утихла. Илья ее обнял.

– Ну? Чего разнюнилась?

– Я ужасная дура, прости, – Инна вытерла слезы. – Сейчас перестану.

В залу она вышла с сухими глазами.

– О! – воскликнул Болт – бритый парень с серьгой в ухе. – Ильюха вернулся. Да не один, а с парой классных сисек!

– Смотри, не ослепни, – сказала Инна, наливая себе немного – «детскую порцию». Вдруг сцена из ужасного прошлого возникла перед глазами. «Ты решишь его судьбу». Она поскорее выпила.

– Ой, че я, сисек не видел, что ли?

– Ты другого не видел никогда! – огрызнулась Инна. Болт открыл рот, но тут Илья прорычал:

– Завязывайте! У меня в ушах звенит от ваших сисек! Еще раз услышу «сиськи», вышвырну тебя в окно. Понял, Болт?

– Сиськи, – сказала Инна. Отхлебнула из стакана. – Приятного полета, Болт.

Хмуро молчавшая в углу Вероника ожила.

– Да, хватит обсуждать... сиськи, – Инна усмехнулась: примерная девочка еле выдавила это слово. – Особенно, если они кое у кого квадратные!

Все заржали. Инна поперхнулась, чуть не расплескав вино из стакана.

– Что? На х... ты это щас вякнула?

– Это шутка, Инночка, шутка.

– Да, – встрял Мигунов, моргая глазами лемура. – Шутка-прибаутка. С яблоками.
Инна запрокинула голову. Расхохоталась.
– ХА-ХА-ХА! Шутка, да? ХА-ХА!
– Закрой рот, – посоветовала Вероника. – Трусы видно.
Инна обворожительно улыбнулась. Послала ей воздушный поцелуй.
– Опять шутка?
– Опять шутка.
– Опять шутка – ик! – затрясся Болт. – Шутка, шутка, шутка!
– Ну хватит! – рявкнул Илья. Саданул кулаком по столу – только тарелки подскочили. – Достали уже! Ильф и Петров.
– Ильф и Петрова, – поправила Инна. Подняла стакан. – Объявляю вас мужем и женой.
Аминь.
– Э, – сказал Болт. – Не смешно.
– А Инна не умеет шутить. Она... юмора не понимает, не.
– Тухло пиздишь, – Инна отпила вина. С наслаждением добавила: – Целка.
Вероника побледнела.
– Что? Шлюха! Че смотришь? Твоя дыра – проходной двор! Да! Проходной двор! Все знают!
– А твоя... А твоя – досками заколочена!
– Да, я не как ты – и с мальчиками, и с мужиками – ножки врозь каждые пять минут, как Невский мост!
– Ага, – Инна отпила. – Если ты не успела освоить другие способы!
Илья закашлялся. Исподлобья взглянул на Инну.
– Инна... Я ем.
– Ну и что? Кушай на здоровье. А я – пью.
И она отпила еще немного.
Все бы ничего, но с того мгновения, как она увидела обезображенное лицо дяди, что-то в ней неувлимо изменилось.
«Убить его или оставить в живых?»
– Ну как? – спросила Вероника. – Хороша зараза?
Вздвгнув, Инна поскорее растянула губы в наглой усмешке.
– Отпад!
– Смотри не захлебнись!
Инна отпила еще.
– Смешно как похороны.
– А похороны могут быть смешными, – заявил Мигунов. – Если это похороны Ельцина!
Смех. Болт оторвался от бутерброда с лососяной.
– Да ну, не заливайте. Че, Ельцин сдох?
– Давно уже!
– Ы-ы-ы, – заныл Болт. – Как жалко!
– Хватит ныть, заливной лосось, – Илья встал. – Всем встать!
– Суд идет, – пробормотала Инна, поднимаясь. За Королевой поднялись остальные. Илья поднял бокал. Все замолчали.
– Я поднимаю бокал... за правосудие.
И подмигнул Инне.

Глава 9. Встреча

Возвратившись домой после работы, Павел ощутил непреодолимое желание прогуляться. Пустота комнат наводила на мысли о самоубийстве.

Подходил к концу сентябрь 2007-го года. Со дня убийства Вадима Нестерова прошел месяц.

На парковой скамейке сидел старичок в мундире с нашивками. На груди блестели медали. Лицо старика было коньячного цвета. Сложив руки на палке между расставленных ног, он бессмысленно глазел на алый закат.

Павел сел рядом. Старик каждые две минуты жевал губами, бормоча под нос.

Павел задумался о своем, забыв про соседа. И потому вздрогнул, когда пенсионер вежливо спросил:

– Проблемы какие-то у вас?

– Нет. Никаких.

Старик снова пожевал беззубым ртом. Потом рассказал Павлу историю своей жизни.

Он был ветераном войны. В начале 90-х государство презентовало ему квартиру в Новгороде. Дочь как раз вышла замуж. Старик взял молодоженов к себе. И очень скоро пожалел.

Зятю до зарезу было нужно прописаться в Новгороде. Квартира у старика хорошая, в центре, все рядом. Дочь потребовала прописать мужа. Старик – «С какой стати?»

Его не трогали, пока была жива жена. Померла – жизни не стало.

Зять бил его по голове кухонным полотенцем. Старика запирали в лифте. Два раза собственная дочь подсыпала ему в борщ цианиды.

– Что с тобой, доченька? – плакал измученный старик.

– Ненавижу тебя! – шипела доченька. – Старый осел! Ты испортил мне личную жизнь!

Вся лестничная площадка знала о происходящем. Но, как всегда в крупных городах, никто не вмешивался. Старик обратился в комитет ветеранов, но там «ничем не смогли помочь».

В конце концов, ветеран войны оказался на улице.

Павел слушал, и слушал, и слушал, и очень скоро почувствовал ужасную головную боль.

– И что теперь? – спросил он, потирая лоб. – Как же вы живете?

Старик бессильно улыбнулся. Посмотрел вдаль.

– Я теперь в поездах живу. Сажусь с поезда на поезд, езжу из города в город. Проводники меня уже в лицо знают. Я им сказал, что меня дочка из дому выгнала, уж они меня из вагона не выгоняют. Чаек носят.

Павел покачал головой.

– Но ведь долго так все равно не протянешь.

Старик выдал жалкую улыбку.

– Что ж делать? Я в свое время воевал, чтоб моя дочка жила – так что ж теперь, с ней воевать?

– Разве вам не хочется отомстить?

– Дурные у тебя мысли, сынок, – старик внимательно посмотрел на задумчивого Павла. – Знаешь, как в народе говорят? «Мечь – меня ест». Да и как можно своему семени мстить? Ничего, я пожил. Пусть теперь она живет как хочет, и бог ей судья.

Он вышел на освещенный огнями витрин проспект. Остановился у панорамного окна модного кафе. Словно кто-то схватил его за плечо. Синие глаза расширились.

Через стекло Павел увидел Инну Нестерову.

Она сидела одна, в белой блузке и черной мини-юбке. Сгорбившись над чашкой кофе, почти не обращала внимания на окружающих. При всей ее красоте и свежести девушка выглядела усталой. И была в ее лице печать рока. В каждом движении чувствовалось нечто, бессознательно вызывавшее у Павла отвращение и жалость. Словно у нее на спине висела табличка: **УДАРЬ МЕНЯ.**

Инна вздрогнула. Увидела Павла. В глазах промелькнул страх.

Павел сам не понял, как миновал фойе и оказался в шумном зале, полном людей. В сером плаще, черной вельветовой рубашке и поношенных джинсах он казался себе неандертальцем.

Павел взял кофе. Кассирша окинула его прикид скептическим взглядом.

– Простите, стул свободен?

Инна подняла голову. Враждебно взглянула прямо в глаза.

– Нет. Этот стул ломаный.

Павел отвернулся. Огляделся в поисках свободного столика.

«Не получилось общения. Жаль, жаль».

Что «жаль»? Боже мой, Павел, что ты здесь делаешь? Сейчас же уходи!

– Да сядь ты, – с досадой сказала Инна. – Я пошутила.

Повесив на спинку плащ, Павел сел.

– Я думал, ты кого-то ждешь.

– Ты думал? Не сломай голову.

Инна отхлебнула кофе. Наморщила лоб.

– Где я тебя видела?

– В отделении. На допросе.

Инна вздрогнула. Рассмеялась.

– Да? Прикольно!

Девушка развалилась на стуле.

– Ты чего, язык проглотил?

– Нет, – Павел отхлебнул, неловко озираясь и вздрагивая от каждого звука. Он чувствовал себя идиотом. И не знал, куда спрятаться от неприятного, прямого взгляда наглых глаз Инны.

– Ну, выкладывай: как тебя зовут, где живешь, чем занимаешься?

– Тебе есть до этого дело?

– Действительно, – хмыкнула Инна. – Мне нет до этого никакого дела.

– Вы, женщины, интересуетесь в мужчине чем угодно, только не тем, чем надо.

– М-м, очень интересно. А чем надо интересоваться?

Павел склонился над столиком.

– Вот ты спрашиваешь: как меня зовут, чем я занимаюсь и так далее. Я могу наговорить много всего, но что это даст тебе? А ты попробуй спросить: «Что ты за человек? Что чувствуешь? Чего хочешь от жизни?»

– Никто об этом не спрашивает.

– А между тем, об этом и стоило спросить.

– Можно подумать, кто-нибудь даст правдивый ответ.

– Все же это было бы правильно.

– Но это невозможно, – Инна положила локти на стол. Подперла ладонью подбородок. – Это даже такая дура, как я, знает.

– Ты не дура.

– Почему ты знаешь? – раздраженно спросила Инна. – Все, что ты здесь наболтал – полная чушь! Мне не нужно тебя ни о чем спрашивать. Я и так знаю, чего ты хочешь.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза.

– Я чувствую, что ты все видишь, – сказал Павел.

– Вот! – Инна расхохоталась, запрокинув голову. Она смеялась неестественно громко. На нее оглядывались с отвращением.

– А знаешь, как я узнала?

– Как?

– Очень просто! Только сумасшедший явится сюда в этих... *отрепьях*.

Павел кивнул. Улыбнулся.

– Ты заметила, на нас все пялятся?

– Да. Давно.

– Это из-за меня или из-за тебя?

– Из-за меня, – насторожилась Инна.

– Ну да. Ты – Нестерова.

– Что с того? Нельзя быть Нестеровой?

Павел взглянул ей в глаза. Инна вздрогнула.

– Что я такого сказал?

Она вдруг виновато улыбнулась.

Зазвонил мобильник. Инна схватила сумочку и начала лихорадочно рыться. Раздраженно выругалась.

– Это ты, любимый? Да. Я в тошниловке сижу, скучаю. Да. Да, да, да. Хорошо. Конечно.

Она улыбалась. Ее губы дрожали.

– Конечно. Буду через полчаса.

– Уже уходишь?

Инна встала. Оправила юбку.

– Представь себе, ухожу. Ты думал, я всю жизнь буду торчать здесь с тобой?

– Что ты, что ты. Мы еще увидимся?

– Увидимся, – Инна посмотрела мимо него, морща лоб – В следующей жизни.

– Пока.

– Пока.

Павел наблюдал, как девушка идет к выходу, покачивая бедрами. Взгляд его был серьезен и задумчив.

Илья развалился на диване, посасывая сигарету.

Компания покинула квартиру пять минут назад. Инна ходила по комнатам, уничтожая последние следы вечеринки.

С веником и совком вошла в комнату. Встретила взгляд Ильи. Улыбнулась. Илья улыбнулся в ответ.

Инна увидела на ковре немного белого порошка. Вскрикнула и быстро смахнула на совок, оставив несколько белых пятнышек.

Илья напрягся.

– Носом ткнуть? Прибери все, пока я тебя не убил.

– Сейчас, – Инна сделала вид, что не слышала его «убил».

Намочила в ванной тряпку. Терла ковер, пока пятна не побледнели.

Выпрямилась. Оглядела комнату.

– Вроде ничего не пропустила. Да?

– Да все, все. Затухни. Бросай это дело и ползи сюда. Папочка соскучился.

Инна под села к нему на колени. Илья погладил ее по щеке.

– Молодец ты у меня. И умная, и красивая.

– Что есть, то есть, – улыбнулась Инна.

Взгляд Ильи вдруг стал рассеянным, и вместе с тем – странно подозрительным. Нахмурившись, он наклонился. С шумом потягивая носом, обнюхал Инну.

– Любимый, что с тобой?

Илья откинулся на спинку дивана. Сощурился.

– Где ты шлялась? – капризным тоном спросил он. – От тебя говном воняет.

Инна, побледнев, молча сидела у него на коленях, не зная, чем ответить на подобную сентенцию. Илья и раньше говорил подобные вещи. Нужно было ждать.

Через минуту взгляд Ильи прояснился и смягчился. Он посмотрел на Инну, как будто впервые ее увидел, и поцеловал в шею.

Инна положила голову ему на плечо.

– Тебе хорошо со мной?

– Нормально, – Илья потушил сигарету. Начал ковыряться в зубах.

Инна посмотрела ему в глаза.

– Я люблю тебя.

– Спасибо.

Инна отвела взгляд.

– Я хочу, чтобы мы поженились.

– А я хочу, чтобы не было войны.

– Я думала, мы поженимся.

– Ты думала? А башку не сломала?

Звонок в дверь.

Илья сбросил с себя девушку. Побежал открывать. Инна сидела на полу, уставясь в одну точку. В прихожей звучали приглушенные голоса. Инна узнала голос господина Бубнова. Илья говорил тихо. «Да, отец. Хорошо, отец». Инна встала, сдула со лба прядь волос и вышла в прихожую.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – отец Ильи строго взглянул на нее. Повернулся к сыну.

– Чем вы занимались?

– Уроки учили, – Илья смотрел в пол.

– Уроки они учили, – проворчал Бубнов. Наклонился. Снял ботинок. – Наплодят уродов, потом по врачам бегают.

– Э, – сказал Илья.

Бубнов выпрямился. Лицо побагровело.

– Рот закрой, щенок! Мало мне соседи мозги промыли за тебя! А как два года назад на условное нарвался с невыездом? Забыл? Я напомню!

– Это здесь не при чем.

– Мне решать, дурак, что причем, а что нет! Пьянки-гулянки, а через пять месяцев эта с брюхом! Залетит – сам выкручиваться будешь, понял? Я не собираюсь больше тебя из дерьма вытаскивать!

– Хорошо, отец, – Илья снова опустил глаза.

Бубнов отдышался, прощупал пульс. Повернулся к Инне.

– Инна, оставьте нас. Мне нужно поговорить с сыном.

Инна вернулась в гостиную. Обернулась. Бубнов что-то с суровым лицом выговаривал сыну. Тот стоял, опустив голову.

– Да, отец, – услышала Инна. – Хорошо, отец.

Она закрыла дверь, отсекая тусклый свет.

Глава 10. Новая встреча

В субботу Павел одел синюю рубашку и новехонькие серые джинсы. Тщательно оглядел себя в зеркало.

Надел плащ и вышел из дома в половине четвертого. Около часа петлял по улицам, бессознательно выбирая направление. На самом деле он уже знал, куда нужно идти.

Вошел в вертящуюся дверь ресторана, взволнованно огляделся. К нему с приклеенной улыбкой подошла женщина в черном костюме.

– Что желаете?

– Я жду человека.

– Столик заказывали?

– Я... нет. *Она*, наверное, заказывала.

Администратор оглядела его с головы до ног – с той же улыбкой. Но в глазах появилось подозрение.

– У нас в базе данных зарегистрированы все заказы. Пойдемте, проверим.

Она провела его в кабинет. Села за компьютер. Несколько минут стучала по клавиатуре. Павел ерзал на стуле.

– Как ее зовут?

– Инна Нестерова, – сказал Павел.

– Ах, вот как! Для нас большая честь обслужить Инну Кирилловну. А вы знаете, что случилось с ее дядей?

– Да, она мне говорила.

– Ай-яй-яй, какое несчастье!

«Ну, это как посмотреть». Но он кивнул с печальным видом.

Администратор не нашла в базе данных заказа на имя Нестеровой. Павел улыбнулся.

– Наверное, это какая-то ошибка. Инночка мне много раз говорила про ваш ресторан. Все уши прожужжала. Она уже полгода пытается меня сюда затащить. А мне некогда. Все дела, дела.

– Понимаю, – засмеялась женщина в костюме.

– Ну, я сдался. Сколько можно нервы мне трепать? У нас годовщина помолвки, и я подумал... так там нет ничего?

– О, не беспокойтесь! У нас есть один заказанный столик для иногородних, но заказ можно отменить.

– О, – сказал Павел, вставая. – Не утруждайтесь. Я скажу Инне, и мы быстренько найдем другой ресторан. Голова у нее дырявая.

– Нет-нет, – женщина вцепилась в его рукав. – Вы наши постоянные клиенты. Препятствие заказ можно отменить. Я вообще не знаю, как он попал в список. Это, наверное, дурацкая ошибка.

Павла за ручку отвели к столику в углу, освещенному интимным светом лампы с абажуром, обтянутым зеленым бархатом.

Павел заказал стакан минеральной воды. Уставился в одну точку.

«Какого хрена, Павел?»

Ладно. Сделанного не воротишь.

Инна вошла в зал ресторана. Она была в коротком красном платье с открытыми плечами. На груди и пальцах горело золото. Девушка с прирожденным достоинством шла по залу. Мужчины оглядывали ее.

– Инна!

Девушка повернула голову. Обреченно улыбнулась.

– А, это опять ты.
Она с изумлением оглядела его.
– Ты приедся. Кого-то ждешь?
– Тебя.
Инна изменилась в лице.
– Послушай меня. Этот номер у тебя не пройдет. Понял? Я таких ловких пачками жрала.
Можешь вены резать. Я человека жду, ясно?
– *Кого?*
– Не твое дело!
На них начали коситься.
Павел покачал головой.
– Он не придет.
– Еще как придет! Вот я щас пальцами щелкну – он тут как тут!
– Он сейчас с другой.
Инна побледнела, судорожно сжимая сумочку.
– Сумасшедший...
– Сядь, – тихо сказал Павел.
– *Что?* Да кто ты такой, чтобы мне указывать?
Павел вскочил. Схватил ее за плечи.
– Сядь сейчас же, дура, – прошипел он. – Или я мозги тебе вышибу!
Инна огромными, полными ужаса глазами разглядывала его хладнокровное, вдруг ожесточившееся лицо. Еле шевеля губами, прошептала:
– Я сейчас... администратора... позову...
Павел улыбнулся.
Положил руки ей на плечи. Девушка вздрогнула. Глаза наполнились влагой. Павел горячо зашептал ей на ухо:
– Инна, куда ты пойдешь? Некуда идти. Чего ты боишься? Нечего бояться, Инна. Все хорошо. Тебя здесь никто не тронет. Тебя здесь любят.
Павел взглянул на нее. Девушка едва дышала через приоткрытые лепестки губ.
Он наклонился и накрыл ее губы своими. Инна вздрогнула. Выронила сумочку. Попыталась слабо оттолкнуть Павла. Он нашел ее ладонь и сжал в своей.
Отстранился. Заглянул в глаза.
– Простите?
Кто-то кашлянул над ухом.
– Все в порядке?
Женщина-администратор с фальшивой улыбкой смотрела на них. Инна открыла рот, но Павел сжал ее пальцы до хруста в костяшках. Инна вздрогнула от боли.
– Нет, – сказал Павел – Кое-что не в порядке. Ваша прическа. Просто дурацкая. Она портит мне аппетит.
Женщина открыла рот. Инна стояла рядом, глядя в пол, не смея пикнуть ни слова.
– Я заказал шампанское для нас полчаса назад. Его все еще не принесли. В чем дело? Официантка повесилась?
– О, это ужасная ошибка! Сейчас все будет в лучшем виде. А эту негодницу мы уволим.
– Нет. Не надо. Все в порядке. Я сегодня добрый.
Павел с восхищением и нежностью взглянул на Инну.
Девушка, не глядя на него, наклонилась. Администратор опередила: с быстротой кошки схватила сумочку и подала Инне.
– Все в порядке, госпожа Нестерова?
– Да, – Инна улыбнулась. – Выполните заказ моего жениха, пожалуйста.

Павел усадил ее и сел напротив. По залу плыла тихая музыка, исполненные нежной красоты звуки сливались со звоном ножей и вилок, с какофонией людских голосов.

Им подали две бутылки: шампанское, которого Павел не заказывал, и бутылку красного вина за счет заведения.

Инна закурила. Пальцы, сжимавшие сигарету, дрожали.

– Все нормально? – спросил Павел.

Не поднимая глаз, она покачала головой.

– Зачем ты это сделал? Псих ненормальный.

– Я ничего не делал.

– Ты сказал...

– Я? Когда?

– Псих, – Инна стряхнула пепел. – Я даже не знаю, как тебя зовут.

Павел склонился над столиком.

– Смотри мне в глаза.

Инна вздрогнула и с усилием подняла глаза. Ресницы дрогнули.

– Я без ума от тебя, слышишь? Ты меня с ума сводишь. Я места себе не нахожу.

– Черт! – Инна раздавила окурочек. Начала рыться в сумочке. – Ты пьян, что ли?

– Пьян. Тобой.

Инна достала мобильник. Начала нервно нажимать кнопки. Приложила мобильник к уху.

– Абонент недоступен, – сказала она Павлу, кусая губы.

– Я же говорю, он не придет.

Инна выругалась, достала зеркальце. Вытерла салфеткой потекшую тушь.

– Раз уж ты свалился мне на голову, может, не будешь сидеть как пень? Налей даме вина.

Павел налил вина и подал ей бокал..

– Пей.

Инна осушила бокал, вытерла рот рукой.

– Он придет. Он обещал. Я скажу ему, и он тебе руки сломает.

– Пусть делает что угодно. Это ничего не изменит. Я буду ползти за тобой по битому стеклу со сломанными руками. Я тебя в аду достану.

– Идиот! – Инна закурила новую сигарету. Павел со скептической усмешкой разглядывал ее.

– Кто он? Какой он?

Инна выдохнула дым, разглядывая посетителей.

– Он сильный. Уверенный в себе. Наглый.

Инна вздрогнула.

– Хочется встать перед ним на колени. Покориться ему.

– Перестань, – Инна не смотрела на него.

– Все по его правилам, так? Он приходит, когда захочет, и уходит, когда вздумается. Ты – когда он прикажет. Он может изменять, ты – нет.

– Хватит.

– Раздражительный, капризный. Тапочки у него стоят ровно. Все должны быть тише воды, ниже травы. Ты должна быть идеальной, но не потому, что хочешь – у тебя нет выбора. Везде видит грязь. Да. А еще он *нюхает*. Все ему кажется, что чем-то воняет.

– Хватит! – вскрикнула Инна. Посетители начали оглядываться.

Подошла официантка.

– Что-нибудь желаете?

– Где вы ходите? – закричала Инна. – Кто у вас командует парадом? Я хочу видеть человека, который набрал сюда таких идиотов! – она потерла лоб. – Замените пепельницу, да поживее.

Губы официантки дрогнули.

– Я думаю, не стоит так...

– Ты еще возникать будешь? Да ты в курсе, кто я такая? Я вас всех здесь куплю за три копейки. Живьем сожру и не подавлюсь! Заткнись и делай что велено!

Глаза официантки наполнились слезами. Павел тронул ее за руку.

– Сделайте, пожалуйста. Хорошо? – он улыбнулся. – Мы вам очень признательны.

Кивнув, девушка ушла. Инна поджала губы.

– Зачем ты влез?

– Чтобы ты не играла в стерву. Ты ведь добрый человек. А зачем притворяешься?

Вернулась официантка. Инна подняла глаза, с усилием улыбнулась и выдавила:

– Мы очень вам благодарны. Извините. Я не хотела кричать. Просто у меня был тяжелый день.

Она коснулась руки официантки.

– Вы не обижаетесь? Как вас зовут?

– Полина, – девушка смутилась.

– Молодец, Полина.

Девушка ушла. Инна покачала головой.

– Ну и денек. Илья меня убьет.

– И что? Позволишь ему обращаться с тобой, как с половой тряпкой?

– Слушай, заткнись, а? Без тебя тошно.

– Бояться нечего, Инна. Выход есть.

Придвинувшись, Павел зашептал:

– Идем со мной. Я заберу тебя от *него*. Он тебе не нужен. Ты с ним погибнешь. Уедем куда-нибудь. Куда ты хочешь?

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. В глазах Инны надежда сменилась страхом и отвращением. Павел вновь попытался взять ее за руку, но Инна отпрянула.

– Очень смешно! Думаешь, я тупая? Не просекаю, кто ты такой? Честный парень из народа решил окрутить богатенькую стерву. Я таких навиделась на своем веку! И писем приходило – вагон и маленькая тележка! Так что...

Павел молча достал бумажник, вынул несколько банкнот болотного цвета. Бросил на блюдце. Инна запнулась. Нахмурилась.

– О, какие мы богатые! Украл?

– Я получил наследство, – Павел убрал бумажник. – У меня была богатая жена. Катя умерла десять лет назад.

Инна замолкла. Проверила мобильник, встала. Павел улыбнулся.

– Уже?

– Да. Спасибо за испорченный вечер.

– Всегда пожалуйста. Телефончик оставишь?

– Перебьешься.

Павел схватил ее за руку.

– Я ведь все равно найду. Из-под земли достану.

– Ах, боже мой, – Инна надиктовала ему телефон. Павел не стал заносить его – он был уверен, что номер ложный.

– Вот тебе, подавись! – она схватила сумочку. – И не смей провожать меня. Со мной опасно связываться, заруби на носу, – она усмехнулась – Я убийца. Не знал?

– Не мели чушь. Никого ты не убивала. Скорее себя убьешь.

Инна остолбенела. Хмыкнула, вздернула нос и покинула зал.
Павел потер лоб. В затылок вогнали раскаленный прут. Ох, парень, ввязался на свою голову.

Внезапно на него навалилось предчувствие неотвратимой катастрофы.

Три дня спустя он спустился в душный подвал. Пахло горелой пластмассой, потными телами, спиртом и мускусом. С потолка брызгал мерцающий огонь светомузыки. Огромные динамики выблеивали грохот ритмов в стиле драм-н-басс.

Через живую стену горячих тел Павел протиснулся к стойке. Заказал коктейль. Облокотился на стойку, глазами выискивая в толпе Инну. Павел знал, она здесь.

К стойке подошел рослый парень в футболке цвета хаки, с повязанным на шее пионерским галстуком.

Бритоголовый с серьгой в ухе, одетый в красную рубашку, из расстегнутого ворота которой сверкала золотая цепочка, тронул его за плечо.

– Ильюха? Че там?

– Отвали, Болт, – отмахнулся тот. – Веди себя прилично.

Икнув, Болт посмотрел на Павла.

– Клевая рубаха.

Павел опустил глаза, с удивлением разглядывая свою шелковую рубашку.

– Твоя-то получше будет.

– Это точно!

– Бери, – Илья передал бритому бокал с коктейлем.

– Ну, давай, брат, – Болт пожал Павлу руку.

Илья окинул Павла подозрительным взглядом. Вместе с Болтом растворился в толпе.

Павел потягивал спиртное, разглядывая пляшущую молодежь.

Кто-то задышал ему в затылок.

Павел обернулся и увидел накачанного парня с тупым лицом. Близко посаженные глазки блестели из-под насупленных бровей.

– Слушаю вас, молодой человек.

Краем глаза он заметил – дружки парня обступают его.

– Это, типа, мое место. Вставай давай, а то чердак расколочу.

– Твое место? Ничего не знаю.

Голиаф побагровел. Воздвигся над Павлом, как громадный небоскреб. Павел отставил стакан, готовясь получить по морде.

В этот момент, как явившийся с неба лучезарный ангел, возникла Инна. Увидела Павла. Закатила глаза. Схватила за руку.

– Опять ты? Горе мое луковое! Пошли! – ее язык заплетался.

– Э, – Голиаф положил волосатую лапищу на ее голое хрупкое плечико. – Мы еще не разобрались.

– Грабли прибери, чмо! – Инна сбросила лапищу и потащила Павла на танцпол.

Павел не удержался и обернулся. Лицо парня сморщилось от обиды, как у младенца.

На танцполе Павел оказался в круге сверкающего света.

– Эй, только не сюда! – закричал он.

– Святоша, – Инна расхохоталась. Подмигнула. – Не бойся! Все путем!

Они оказались сдавлены потными телами. Павел почувствовал, как возбуждение толпы перетекает в его тело, электричеством бежит по венам.

Глаза Инны заблестели. Она сделала несколько движений в быстром ритме музыки. Двигалась она хорошо.

Павел стоял, с неловкой улыбкой глядя на нее.

Девушку толкнули. Павел среагировал. Инна замерла в его руках. Они смотрели друг другу в глаза. Их губы были близки.

Инна закрыла глаза. Вытянула шею.

Павел прижался сухими губами к ее – теплым, мягким. Он вложил в поцелуй всю нежность, что была в нем.

Инна отстранилась. По щекам ее текли слезы.

– Что случилось?

– Ничего, – Инна вскинула голову. Уголок рта дернулся.

– Что-то не так?

– Меня никто так не целовал, – прошептала она. – Никогда!

Девушка обвила его шею руками и жарко поцеловала. Прижалась к нему низом живота. Его ладони легли на ее плечи, опустились до округлых крепких бедер.

Их губы разлепились. Павел с улыбкой смотрел ей в глаза. И вдруг цвет ее глаз поменялся – из серо-зеленого стал почти черным.

Инна оттолкнула его.

– Это ничего не значит. Ясно?

– Инна...

Она прижала палец к его губам.

Сквозь давку протиснулся худой парень с темными кругами вокруг глаз. Подошел к Инне.

– Тебя Илья ищет.

Инна посмотрела на Павла. Наморщила лоб.

– Я с тобой.

Инна медленно покачала головой.

Павел последовал за ней.

Компания расселась вокруг залитого тусклым светом стола.

Бубнов чинно развалился на стуле, в зубах – сигарета. На столе лежит груда мобильных. Самый дорогой – золотистого цвета. Павел был готов спорить – это мобильник Ильи, и он отделан настоящим золотом.

Инна села по правую руку. Илья обнял ее с небрежностью, отличающей любителей дешевой, но удобной мебели. Выпятив полную нижнюю губу, он вертел в руке матово блестящий револьвер. Почувствовал пристальный взгляд Павла. Поднял холодные глаза.

– Дайте человеку стул.

Болт подспорил. Павел поблагодарил. Сел в той же позе, что Илья. Взглядом они изучали друг друга.

– Моя Инна рассказала мне про тебя, женишок.

Компания расхохоталась. Павел метнул быстрый взгляд на Инну. Девушка хохотала громче всех, с любопытством глядя на учителя.

Павел вновь посмотрел на Илью.

– И что?

Илья сузил глаза.

– Я тебя помню. Ты начал работать в школе, когда я выпускался

Павел кивнул.

– Мне жаль, Илья, что не удалось познакомиться с тобой поближе.

Илья усмехнулся.

– Думаешь, смог бы меня перевоспитать?

– Нет. Но с удовольствием научился бы у *тебя* чему-нибудь.

Илья помолчал. Поднял револьвер на уровень глаз.

– Эта штука лежала на столе. Кто-то оставил его, и неспроста. Это *наше* место. Мы всегда здесь тусуемся. Тот, кто оставил револьвер, знает об этом.

- Значит, в барабане есть пуля.
- Верно.
- Это очень легко выяснить.
- Мы искали подходящего кандидата.

Инна замерла на плече бойфренда. Ее глаза расширились. «Нет», закричала она одними губами.

Лицо Павла приобрело странное выражение. Губы сложились в тонкую змеиную улыбку. Он достал из кармана дешевенький Nokia и придвинул к общей куче.

Илья рассмеялся. Положил оружие на стол, толкнул к Павлу.

Инна вздрогнула, впившись глазами в лицо учителя.

– Не надо, – хрипло сказала она. Илья отстранился, изумленно глядя на девушку.

Павел подмигнул ей.

– Святоша, – сказал он.

Взял револьвер, сунул ствол в рот и нажал курок.

Инна вскрикнула, зажмурил глаза.

Илья усмехнулся. Болт дико расхохотался. Мигунов отвернулся, словно готовился стошнить.

Сидящие за соседними столиками оборачивались. Их лица бледнели, охваченные ужасом.

Он вынул ствол изо рта. Поморщился.

Бросил оружие на стол. Револьвер с грохотом прикатился к Бубнову. Тот задумчиво посмотрел на него.

Павел сел.

– Псих, – выдохнула Инна, глядя на него со смесью восхищения и ужаса.

Павел поднял глаза.

– Я испугался. Очень испугался.

Он вытер со лба бисеринки пота. Расстегнул ворот рубашки.

Илья поджал губы. Взял револьвер. Вскрыл барабан.

На стол упала и с грохотом покатилась, подпрыгивая, свинцовая капля. Все взгляды устремились на нее, когда она подкатилась к другому краю стола.

Павел накрыл ее ладонью. Поднял глаза. Илья улыбался уголками губ.

– Что бы ты делал, учитель и жених, если бы в барабане оказалась не одна пуля? А две? Три?

– Может, все шесть? – с улыбкой сказал Павел. Илья промолчал, играя желваками.

– Нет, – Павел покачал головой, разглядывая пулю на ладони. – Их не могло быть шесть.

Мне никогда так не везло.

Илья наклонился к Инне, прошептал что-то ей на ухо. Побледнев, она взглянула на Павла.

Илья встал.

– Пойдем, учитель. Поговорим.

Они прошли дверь в углу зала, освещенный жидким светом вонючий коридор, вышли на глухой двор за клубом. Стены, исписанные свастиками и матом, сотрясались от грохота музыки. Рядом с мусорными ящиками гнили отбросы. За кривым деревянным забором хрипло брехали собаки.

Илья сунул в рот сигарету, предложил Павлу. Тот покачал головой.

– Я не курю.

Илья впился взглядом в лицо Павла. Его глаза почти остекленели.

Пожав плечами, он убрал пачку в карман джинсов. Закурив, вздохнул.

– Какая прекрасная ночь.

Павел молчал.

Отбросив сигарету, Илья повернулся к Павлу.

– Тебе было страшно, когда ты играл в «русскую рулетку»?

– Да. Очень.

Илья смущенно рассмеялся, приближаясь к Павлу.

– Ты знаешь, чей это револьвер?

– Нет. Откуда?

– Я знаю.

– Чей?

– Мой.

Кулак Ильи с треском врезался в лицо Павла, расплющив губы о зубы. Павел отлетел, ударившись спиной и затылком о стену. Хрястнуло. Голова Павла наполнилась звоном. Дверь распахнулась и хлопнулась о стену. На задний двор высыпала вся честная компания.

Бубнов, Мигунов и Болт повалили Павла на землю. Начали пинать ногами. Павел катался по земле, закрыв лицо руками, крича и задыхаясь.

Сквозь алую пелену боли Павел успел увидеть Инну. Она стояла за спинами других с бутылкой в руке, и громко хохотала.

Это было последнее, что он видел.

Павел уже не шевелился, его тело безвольным мешком подпрыгивало на земле.

Инна глядела, и бледнела все больше. Схватила Илью за руку. Тот повернул к ней искаженное ненавистью, счастливое лицо.

– Чего тебе?

– Хватит, – Инна смотрела в сторону. – Достаточно.

– Ты что, сучка? Жалеть его вздумала? Сама просила проучить его!

Инна покосилась на дружков Ильи, пинающих неподвижное тело. Треск ломающихся ребер оглушал. Она поскорее отвернулась.

– Я просила поговорить с ним. Я не просила убивать его.

Илья оскалил зубы.

– На жалость пробило? Тогда я *тебя* убью. У тебя ведь тоже рыльце в пуху. Правда, милая?

Инна побледнела. Весь страх и вся ненависть к Илье, накопленные за два года их романа, подняли змеиные головы в ее сердце.

– Ну убей! – заорала она ему в лицо, брызнув слюной. – Зарежь!

Девушка бросилась на Илью, осыпая слабыми ударами кулачков его мощную грудь. Разрыдалась и уткнулась лицом в его плечо.

Илья с каменным лицом оттолкнул Инну. Несколько секунд с отвращением рассматривал ее лицо, черное от потеков туши. Расхохотался.

– Ну и дура! Видела бы ты сейчас свою рожу! Я не знал, что ты такая тупая *дура*!

Повернувшись к друзьям, Илья заорал:

– Э! Завязывайте! Я не хочу, чтобы он сдох!

Подошел к Инне. Грубо схватил за руку. Девушка вскрикнула. Совершила жалкую попытку вырваться.

– Пусти, мне больно! Скотина!

– Мы еще с тобой дома поговорим, – Илья задыхался. – Готовься.

– Попробуй тронь! – дрожащим голосом выпалила Инна. – Я тебя ментам заложу!

Илья ехидно улыбнулся.

– Да? А на ком подозрение висит? А?

– Подонок!

Илья наклонился к ней.

– Именно, радость моя. Только пикни – я пойду к ментам, поцелую их в зад и скажу, что ты говорила мне о том, что хочешь убить дядю. Нет, это слишком скучно. Я скажу, что *сам* видел, как ты резала дядю на кусочки!

Инна с бессильной ненавистью смотрела на любимого. Слезы текли по ее щекам.

Илья повернулся к друзьям.

– Сваливаем! Хорош здесь мудиться!

Инна стояла на заднем дворе. Холодный ветер продувал ее до костей. За забором исходили злобой голодные псы.

Девушка взглянула на обезображенное тело у стены, рядом с мусорными контейнерами.

Она не боялась крови. В школе часто дралась с соперницами, и с удовольствием наблюдала драки мальчиков, когда с оглушительным треском ломаются кости носа, рук, ребер, а выбитые зубы усыпают асфальт окровавленными жемчужинами.

Но то, что произошло здесь, было не дракой, а жестоким избиением.

Инна встала на колени рядом с Павлом. Протянула к нему руку, тут же отдернула. Можно ли его трогать? Она не знала.

Все-таки девушка перевернула его на спину, испачкавшись кровью. Лицо Павла было залито алым, но, кажется, не сильно пострадало. Хотя губы походили на кровавые лепестки.

Павел застонал, дернув головой.

– Держись, кретин, – процедила Инна. – Сам виноват.

Она заперлась в туалете, смыла кровь, привела себя в порядок. Подошла к охраннику, сказала, что на заднем дворе лежит избитый. После чего смылась – ей нельзя светиться в этой истории.

Точилин и Быстров стояли у небольшого стола в лаборатории. На столе лежал конверт, который *некто* передал через сержанта лично в руки Точилину.

Присутствовал эксперт. Происходящее снимали на камеру.

– Все готово? – спросил Точилин.

– Да, – пробормотал Быстров. Остальные закивали.

Точилин натянул резиновые перчатки, взял конверт, вскрыл тонкой пилочкой. Заглянул внутрь. Лицо медленно вытянулось.

– Что там, Саша? – спросил Быстров.

Точилин достал из конверта что-то. Сжал в кулаке. Повернувшись к остальным, со странным выражением лица вытянул руку. Разжал кулак.

Быстров охнул. К горлу подкатила тошнота.

– Твою дивизию, – сказал он.

Но, подойдя ближе и сощурившись, понял, что глаза на ладони у следователя – не настоящие. Пластмассовые.

Но очень похожи на настоящие глаза Вадима Нестерова – большие, круглые, с синей радужной оболочкой.

Капитан смотрел на глаза. Глаза с немного удивленным выражением смотрели на капитана.

Рядом встал эксперт Толя. Сложил на груди руки.

– Точила, – сказал он, брюзгливо морщась. – Ты меня ради этого позвал?

Точилин не ответил, хмуро разглядывая два выпуклых шарика.

– У меня и так работы выше крыши, – продолжал Толя. – Кроме твоего Нестерова, на мне еще десять трупов висит. Начальство душит. Телефон обрывают. Со всех отделений звонят.

Всем нужны результаты, все, как дети малые, требуют: «Давай, давай, давай...» Дай-подай! Хоть бы одна сволочь бутылку поставила.

– Извини, Толя, – рассеянно ответил Точилин, оглядываясь в поисках сосуда, в который можно положить глаза. – Дело важное, сам понимаешь.

– ... А Толя на части разрываешься. Вы думаете, я резиновый? Да мне, может...

– Ну хватит! – неожиданно услышал Быстров свой раздраженный голос. – Не ной. Можно подумать, мы ерундой занимаемся. Нам тоже нет никакой радости все время зависеть от вас. Лебезить перед тобой и твоими друзьями. Хватит, попили нашей кровушки!

Он шагнул к Точилину, не замечая обиженного взгляда Толи.

– Ну что, Саша? Какие соображения? Что это может значить?

Точилин наконец нашел взглядом стеклянный сосуд на столике в углу, возле умывальника. Сосуд предназначался для мочи, слюны, крови и спермы, но еще ни разу не использовался.

– Послание, – сказал он, хватая сосуд (игнорируя при этом возмущенные возгласы эксперта). Наклонил над сосудом ладонь. Пластмассовые шарики с забавным стуком упали на дно. – «Вы слепы», что-то в этом роде.

Следователь поставил сосуд на середину стола.

Сложив на груди руки, смотрел на него. На лбу Точилина пролегла складка. Продолжающего возмущаться Толю он не слушал.

Быстров почувствовал восхищенную зависть к Точилину, который мог назначать экспертизу. И назначал ее всегда, плюя на загруженность криминалистов работой, имея полное право не лебезить перед ними. Тогда как Быстров и другие опера были в полной их власти. И эксперты этой властью пользовались, заставляя платить дань в виде шоколадок, конфет, спиртного, позволяли себе орать на сотрудников. Особенно бабы этим отличались.

Толя, наконец, замолк, осознав, что Точилин его уже давно не слушает.

Следователь поднял глаза.

– Что с тем пареньком?

– С каким?

– С дежурным. Которому убийца конверт передал.

– В больнице. Ничего не помнит.

Точилин нахмурился. Лицо и вся его поза выражали напряженную работу мысли.

– Ну что, господа? – кашлянул Толя. – Я надеюсь, все? Можно заняться настоящими делами?

Точилин подошел к нему, на ходу стягивая перчатки. Положил ладонь эксперту на плечо.

– Толя, – веселым тоном сказал он. – Звони в морг.

– Чего? Точила, ты совсем охренел?

– Звони, – с улыбкой сказал Точилин. Глаза его жестко блеснули.

– Не буду я звонить! Надоело ради тебя людей беспокоить. Ты один в целом свете, что ли?

– Толя, – Точилин похлопал эксперта по плечу. – Не забуду.

– Знаю я, как ты «не забудешь!» – сказал Толя, тем не менее, поднимая трубку телефона. – Умотаешь в свой Новгород, и поминай, как звали!

Его помощник, отключив камеру, спросил:

– Я свободен? Можно сворачиваться?

Точилин повернулся к нему.

– Нет. Поедешь с нами. И фотоаппарат захвати.

В морге сонный, раздраженный паталогоанатом откинул простыню.

Быстров выругался.

Мертвый, уже начавший разлагаться Нестеров смотрел в потолок черными ямами глазниц, в которых застыло выражение ужаса.

- Где глаза?! – заорал Точилин.
- Где-где, – сказал патологоанатом. – В Караганде. Ну че, закрывать?
- Точилин подскочил к Быстрову.
- Вова, ты снимки с места преступления видел?
- Копии, – ответил Быстров. – Они же у тебя должны быть. Тебе не передавали?
- Нет. Они остались у Стеклова.
- Ты ему не звонил?
- Я не могу до него дозвониться. Он в отпуске. Материалы вовремя не подготовил. Ты скажи, на фотографии глаза у Нестерова были на месте?
- Да я не помню... Да, были. Точно, были.
- Э, – подал голос помощник эксперта. – Мне-то че делать?
- Снимай его, – Точилин указал на труп. – Со всех ракурсов.
- Пожав плечами, молодой человек снял с шеи фотоаппарат. Начал настраивать объектив.
- Точилин позвонил Инне. Через час она приехала – всклокоченная, ошеломленная.
- Что такое, господа? – спросила она, входя в мертвецкую. Поморщилась. – О, как мило!
- Точилин взял ее за руку, отвел к стальной постели, на которой лежало, накрытое простыней, тело дяди.
- Снова отогнули простыню. Инна побледнела, отпрянула.
- Видите? – сказал Точилин.
- Инна потрясенно кивнула.
- Что вы можете сказать по этому поводу? – спросил Быстров. – Как вы это объясните?
- Инна, переводя взгляд с одного на другого, покачала головой.
- Я не знаю, – сказала она.

Глава 11. Разлученные смертью

Артем поднимался по лестнице на четвертый этаж, наслаждаясь ощущением легкости в каждом члене своего сильного, крупного тела.

Восемь часов он с напарником развешивал на крючьях свиные туши, а потом заворачивал их в целлофановые мантии, но чувствовал себя бодрым и свежим. Наверное, все дело в обволакивающим утробу цеха запахе сырого мяса. Да и тяжелый дух крови пьянит.

К тому же мысли об Оле снимали всякую усталость.

Они поженились четыре месяца назад, и до сих пор Артем не имел повода жаловаться. Стерва она, конечно, порядочная. Работает воспитательницей в детском саду, и каждый вечер выливает на голову любимого мужа свою злобу. Все дети у нее тормоза, а родители – «самые настоящие уроды». Но тело у нее отличное.

На лестничной клетке третьего этажа Артему пришлось отвлечься от своих радостных мыслей, поскольку он оказался в полной темноте. Лампочка разбита. И на четвертом этаже тоже. Матерясь, он нащупал перила и начал медленно подниматься по ступенькам.

В памяти всплыло жалкое лицо старика, ветерана Великой Отечественной. Олиного отца. Артем невольно усмехнулся. Ловко все-таки они его тогда из хаты выжили. Артем намекнул Оле, что старикан им мешает. Сначала не хотел прописывать любимого своей дочке в квартире. Сам Артем жилья не имел. После смерти матери квартира родителей должна была достаться ему. Но в завещании старая карга записала жилплощадь на старшего брата Артема, который заботился о матери в последние ее дни, пока младший сын пил и гулял. Так что прописка в квартире Оли была бы очень кстати. Оля давила и давила, и старик-таки сдался. Потом оказалось, что втроем жить в двухкомнатке весьма сложно. Особенно сложно заниматься сексом, когда за стенкой хрипит и кашляет старик. Да еще регулярно зовет дочь – дай да подай ему капли, мазь или микстуру. Бесит!

И они ему устроили темную по всем правилам. Оля потом сваливала вину на Артема, но тот видел, что и ей доставляло удовольствие мучить старика. Нет ничего лучше, чем издеваться над тем, кто заведомо слабее тебя. Риска никакого, а сколько веселья! И беззащитность жертвы, ее жалкие попытки защититься, ее бессильные жалобы еще больше злят и распаляют. После издевательств над стариком они с Олей с двойным пылом предавались любви. Ведь во имя любви все и делалось, а значит, стыдиться им нечего. Дорогу молодым!

Особенно смешной был момент, когда Оля подозвала старика к столу. Конфликт тогда еще только разгорался, и старикан не чуял подвоха. Обрадовано приковылял к столу, где в тарелке дымился наваристый борщ. Ел да нахваливал, какой вкусный борщ да какая у него славная дочка. А потом Оля схватила грязную кухонную тряпку и начала хлестать старика по лицу. Артем стоял у стены и хохотал – такое у старика было ошеломленное, по-детски обиженное лицо. А Оля, распаляясь, била все сильнее, и лицо ее все больше ожесточалось, черты лица заострились, как у хищного зверя. Наконец, старик не выдержал и заплакал. А Оля, визгливо хохоча, показывала на старика пальцем. А потом вдруг с нечеловеческой злобой закричала: «Что ты ноешь? Веди себя как мужчина!»

В тот момент Артем на миг почувствовал страх. Эта красивая фраза не вязалась с общей нелепостью ситуации, а Оля произнесла ее с такой серьезностью, будто и не замечала нелепости.

Но в целом момент был очень веселый. Уж, казалось бы, что страшного – ну бьют тебя тряпкой. Не кувалдой же! Однако, в том и смех, что человек, которого хлещут по лицу грязной тряпкой, выглядит еще более жалкой жертвой, еще более унижен. Потому что не может защититься. Это была мысль Артема, до которой он дошел своим умом – неважно, как на тебя

нападают, главное, что вообще нападают. Кто нападает, по-любому в выигрыше, а защищающийся во всяком случае будет выглядеть нелепо.

Ну, ему-то бояться нечего. Он умеет добиться своего. Потому что он настоящий мужчина. И наконец-то встретил настоящую женщину.

В потемках он, матерясь, несколько минут пытался попасть ключом в замочную скважину. Наконец вставил ключ, и на губах его расцвела улыбка предвкушения.

Но в прихожей его никто не встретил, и в квартире царил непривычная тишина. Артем ощутил раздражение.

Переодевшись в спортивные штаны и мятую серую футболку, он заглянул на кухню. Поднимая крышки пустых кастрюль, ощутил, как раздражение превращается в черную ярость. К его приходу ничего не приготовлено. Вот и вся благодарность ему за то, что он целый день пахал как проклятый, зарабатывая деньги на семью?

Ладно. У Оли еще есть шанс заслужить прощение. Если она очень хорошо постарается, может, Артем не избьет ее до полусмерти.

Оля частенько выводила его из себя, и тогда они начинали драться, а потом всю ночь бурно «примирялись». Эта девочка была не из тех, что любят нежности. Оля любила, когда ей скручивали руки, били, обзывали и унижали, а потом грубо имели по-собачьи. И во многих случаях специально дразнила Артема, чтобы спровоцировать его на агрессию.

Будем надеяться, теперь тот самый случай, думал Артем, отправляясь в спальню. Может, вечер еще закончится на мажорной ноте.

Одного взгляда на жену Артему хватило, чтобы понять, что его планам на сегодняшний вечер не суждено сбыться.

Оля сидела на супружеской кровати, стиснув в руках подол домашнего халата, и плакала. Косметики на ее лице не было. Черты лица заострились, а обращенные на Артема глазки казались маленькими и злыми.

Скрывая раздражение, Артем сел рядом, обнял жену.

– Что случилось?

Оля, всхлипнув, прижалась к нему.

– Мне страшно. Я чувствую, скоро с нами случится что-то плохое.

– Что за глупости!

Оля слегка раздраженно взглянула на мужа.

– Нет, не глупости! Я знаю.

– Да откуда ты можешь знать? – Артему захотелось ей врезать, но он сдерживался и даже умудрялся говорить спокойным тоном.

– Мне в последнюю неделю все время снится один и тот же сон. Я стою на лестничной площадке у нашей квартиры, а внизу у лестницы лежит он.

– Кто?

Оля со страхом посмотрела на Артема.

– Ты знаешь, кто.

Артем кивнул. Теперь он сам начинал тревожиться. Боевой настрой пропал.

– Лежит, скрючившись, в своем мундире, – продолжала Оля. – Стонет, кричит. Поднимает голову, лицо все в крови. В глазах – мука. Тянет ко мне руку и хриплым голосом зовет: «Доченька, помоги. Мне больно». А я во сне не взрослая женщина, а девочка лет пяти. Он зовет, зовет, и мне жалко его, и противно. Отец садится, говорит: «Доченька, так давно тебя не видел, иди, я тебя обниму». И разводит руки. Я, вместо того, чтобы просто спуститься к нему, прыгаю с лестницы к нему в объятия. И лечу по воздуху вниз, к нему, медленно и плавно. Лечу и вижу, что в глазах отца не боль, а хитрая злоба, и лицо у него жестокое и алчное. Меня трясет от ужаса, я хочу остановиться, но не могу. И существо, которое притворялось моим отцом – человек в черном плаще с капюшоном – встает и распахивает свой плащ. И там

у Него ничего нет. Пустота. И там, в этой черной пустоте, что-то есть... во сне я подумала, точнее, я не думала, я знала, что это души тех, кого Он убил. Он их поглотил. И их было много, очень много. Тысячи.

– Ты что, их видела? – спросил Артем, думая о том, как скоро она закончит.

– Нет. Я их слышала. Они выли и плакали там, у Него внутри. И оттуда, из этой пустоты, дул холодный ветер. И я летела и летела внутрь этого существа, меня туда будто засасывало, как в черную дыру.

– И что потом?

– Потом я проснулась, – с облегчением сказала Оля.

– Это просто сон, – сказал Артем.

– Ты меня совсем не слушаешь! – Оля высвободилась из его объятий. – Я же говорю, скоро что-то случится! Что-то ужасное!

– А я вообще не понимаю, зачем ты снова вспомнила своего папашу! – Артем вскочил и, набычившись, прошелся по комнате. – Его нет здесь – и слава богу!

– Тебе легко говорить! Это не твой отец!

– Давай, вали все на меня, – усмехнулся Артем. – Мы вдвоем его отсюда выжили. Забыла?

– Не забыла. Но и у тебя рыло в пуху. Так что изволь не говорить со мной таким тоном.

Артем пристально взглянул на любимую супругу. В глазах его сверкнула зловещая радость.

– Тебя что, совесть замучила?

Оля вздрогнула.

– Вот еще! – она тряхнула волосами. – Я не сделала ничего дурного. Я молодая, красивая, элегантная женщина, которая имеет право на личное счастье. Разве я виновата, что собственный отец мешал мне? Если я и виновата – чего, впрочем, нет – то ты виноват больше. Это ты тогда пообещал бросить меня, если старик не оформит тебе прописку.

– Ты могла послать меня куда подальше и оставить бедного старикана в покое.

– Я тебя любила, – Оля встала, гордо расправила плечи. – Все, что я делала, я делала ради любви.

– Кстати, о любви, – Артем шагнул к ней.

Раздавшийся звонок в дверь заставил обоих вздрогнуть. Супруги переглянулись.

– Кто бы это мог быть? – пробормотала побледневшая Оля. – Сходи, посмотри.

Артем подошел к двери, глянул в дверной замок.

– Кто там? – спросила Оля. Она стояла в дверном проеме спальни, обняв себя за плечи.

– Ничего не видно. На лестнице лампочку разбили.

– Это Он, – прошептала Оля. – Я точно знаю.

Артем нетерпеливо облизнул губы.

– Да нет никакого Его. Хватит ерунду городить, – повернувшись к двери, Артем крикнул: – Кто?

– Анна Николаевна, соседка. Откройте пожалуйста, тут темно.

Артем открыл. В темноту подъезда из прихожей хлынул холодный электрический свет. Пожилая женщина в очках отступила на шаг, щурясь и прикрывая глаза ладонью.

– Вам еще три дня назад письмо пришло. Я все хотела отдать, да забыла.

– Давайте его сюда, – потребовала Оля, выступая из-за спины мужа. – Как оно к вам попало?

– У вас почтовый ящик сломан, и почтальонша его ко мне в ящик сунула, – соседка отдала конверт Оле. Голос ее звучал вежливо, но в ее маленьких крысиных глазках, увеличенных выпуклыми линзами очков, Артем увидел скрытую неприязнь. Конечно. После того, как они выгнали старика, все соседи так на них смотрели.

– Спасибо, – не слишком вежливо ответила Оля. – Вы очень добры. У вас все?

– Да, извините за беспокойство, – Анна Николаевна повернулась, чтобы уйти, но Артем, облизнув губы, спросил:

– А вы случайно не знаете, кто все лампочки в подъезде перебил?

– Нет, у меня же со слухом плохо, – невпопад ответила соседка и направилась к двери своей квартиры.

Артем запер дверь. Оля тут же, в прихожей, разорвала конверт и развернула сложенный вчетверо листок. Бегло пробежав глазами, побледнела.

– Что там? – Артем подошел к ней.

Отвернувшись, она протянула ему бумажку и хрипло сказала:

– Читай.

Артем прочитал:

Дорогие Ольга и Артем!

Очень скоро вы умрете. Советую вам наслаждаться жизнью – пребывать на этом свете вам осталось очень недолго. Но я вас утешу – вы будете вместе, пока смерть не разлучит вас!

Р. С. Привет вам от старика.

Артем скомкал записку в кулаке. В нем поднимался гнев, недоумение, страх – целая гамма не поддающихся описанию чувств.

– Мерзость, – сказал он. Оля, с отвращением взглянув на него, закричала:

– И это все, что ты можешь сказать? Лучше подумай, кто мог прислать эту записку!

– Тут и думать нечего, – ответил Артем, скрывая тревогу. – Кто-то из соседей, а может, и эта глухая очкастая старушенция. Они нас ненавидят после... ты знаешь. Это просто чья-то злая шутка. Они хотят нас выгнать из дома.

– Это Он! – завизжала Оля. – Говорю же, тупая башка, Он придет за нами. Человек из моего сна! Он убил Нестерова, а теперь Он убьет нас!

– Да, конечно! – Артем тоже начал кричать. – Еще скажи, что придурок из твоего сна перебил лампочки и сломал наш ящик. С ума не сходи, Оля. Они на это и рассчитывают.

Оля с надеждой посмотрела на него. Артем обнял ее.

«Черт бы тебя побрал, истеричка проклятая! Я еще надеюсь сегодня если не потрахаться, то хотя бы ПОЖРАТЬ! Так что УСПОКАИВАЙСЯ!»

Он ощутил, как напряженное тело Оли в его объятиях расслабилось.

– Да, ты прав, – вздохнула она, и со слабой улыбкой посмотрела на него снизу вверх. – Я нервная дура. Это просто чья-то злая шутка. А сны – всего лишь сны.

– Ну, так я о том же, – Артем, крепче прижимая ее к себе. Сладостные картины вновь замелькали в его сознании. Оля оттолкнула его.

– Полегче, парниша! Не все сразу! – глаза ее смеялись, хотя в них еще оставалась тень тревоги, а веселье казалось натянутым. – Сначала мы поедим.

– Хорошая мысль. Я как раз проголодался.

– Сейчас что-нибудь приготовлю, – с удовольствием сказала Оля, входя в привычную роль самки, от которой зависит судьба человечества.

– А потом? – спросил Артем.

Оля многообещающе улыбнулась.

Повернулась к нему спиной, чтобы отправиться на кухню, и Артем шлепнул ее по заднице, отчего ее страхи окончательно развеялись.

Оля ушла на кухню, и начала готовить ужин, напевая под нос и вспоминая шлепок мужа. «Вот оно – счастье», думала она.

Артем думал примерно то же самое, бодро вышагивая по комнате в попытках унять напряжение в чреслах. Жизнь снова заиграла яркими красками. Время от времени перед глазами возникало несчастное лицо Олиного отца, и в светлое настроение Артема примешивалась смутная тревога. Но Артем старался не замечать ее.

За окном темнело. Артем подошел к окну и взялся за шнур, чтобы сдвинуть занавески. Рука его замерла, рот открылся.

Внизу он увидел еле различимую в вечерних сумерках фигуру. Напротив окна через дорогу стоял человек в черном плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо.

Сначала Артем подумал, что это галлюцинация, и поморгал. Человек стоял на прежнем месте. Легкий ветерок трепал полы его плаща, но сам он был неподвижен, как статуя.

И смотрел, как показалось Артему, прямо на него.

Догадка его подтвердилась, когда человек поднял руку с бледными пальцами, казавшимися неестественно длинными, и помахал Артему. Не бурно и радостно, как машут старые друзья, а медленно и лениво, будто пытался что-то этим сказать. В движении его Артему почудилась издевка. Еще он почувствовал испуг – жест загадочного человека внизу странным образом сблизил их с Артемом, и будто что-то навязывал ему. Андрей резко дернул шнур и отпрянул за сдвинувшиеся занавески. Сердце его неприятно и больно колотилось.

«Это еще что за чертовщина? Проклятые соседи! Если они пытаются отомстить нам за старика, какого дьявола молчали, когда мы с Олей его гнобили? После драки все смелые!»

Тревога его все усиливалась. Да, по его теории, записку с угрозами им с Олей послал кто-то из соседей (так, по крайней мере, он сказал Оле, хотя сам ни на секунду себе не поверил). А значит, сейчас за окном в нелепом прикиде стоит тоже кто-то из них. Но откуда этот кто-то узнал про таинственного человека из Олиного сна? Возможно, она кому-то проболталась. Да нет, ерунда. Оля, как и Артем, уже давно не общается с соседями. С того самого момента, как они...

– Тема, ты че там, заснул? – крикнула с кухни Оля. Голос ее звучал с веселым пренебрежением, которое отличает женщину, находящуюся в беспечном расположении духа, довольную жизнью и собой. – Все готово. Иди кушать!

Плывущие из дверей кухни запахи жареной картошки с яичницей и сосисками в иное время обещали уют и покой, но сейчас раздражали. Артему хотелось крикнуть жене в ответ грубость. Ударить ее. Стереть с ее лица тупую улыбку счастливой квохчущей самки, способной впасть в истерику от ерунды, и позволяющей успокоить себя несколькими лживыми словами. Наказать ее за собственную тревогу, вызванную появлением странного человека в черном плаще. Выплеснуть на нее раздражение из-за того, что странные события сегодняшнего вечера мешают его планам на ночь.

Он, конечно, мог выйти на улицу и наказать таинственного незнакомца. Но тогда Оля обязательно спросит, куда и зачем он пошел. А Артем совсем не собирался рассказывать ей о появлении человека из ее сна.

Все же, черт возьми, кто он такой и откуда взялся?

Затаив дыхание, Артем подошел к окну и осторожно отогнул занавеску. Человека в черном плаще не было. Ушел. Артем облегченно выдохнул.

– Тема! – крикнула Оля. – Ты идешь или нет? Жрачка остынет!

Артем ел, не чувствуя вкуса. Он представлял, как таинственный незнакомец входит в темень подъезда и медленно поднимается по ступенькам. Шаг Его тверд – в темноте Он видит, как кошка. На лице под капюшоном – загадочная улыбка. Он поднимается на четвертый этаж, подходит к двери их квартиры. Сует руку под плащ. И достает...

Оля говорила что-то про Нестерова. Человек из ее сна убил Нестерова. Артем читал сообщение в газете, в неприметном левом углу страницы, рядом с заметкой о женщине, выброшенной из окна собственного ребенка. Успешного бизнесмена забили до смерти тупым пред-

метом. На фотографии лицо Нестерова походило на разваленную тыкву. Кто, черт побери, мог сделать такое?

– Тема, ты чего?

Он вздрогнул и посмотрел на Олю. Хмурясь, она внимательно разглядывала мужа.

Артем выдавил виноватую улыбку.

– Ничего. Просто...

В дверь позвонили.

Оля, бросив ложку, откинулась на стуле и странно, визгливо расхохоталась.

– Нет, я не могу больше, – простонала она. – Оставят нас сегодня в покое или нет?

Звонок раздался снова. Дребезжащий звук показался Артему особенно настойчивым, требовательным.

– Ну, чего сидишь? Иди, спроси, чего им надо.

Артем, подходя к двери, подумал: «Ну конечно! Теперь ты ничего не боишься».

– Кто? – крикнул он.

Никто не ответил. Артем посмотрел в дверной глазок, но на лестничной площадке все еще царил темнота, и он не мог ничего разглядеть.

– Ушли, – крикнул он Оле.

Снова раздался звонок – долгий, издевательский. И снова. И снова.

– Блядь, да че они, ох... ли, что ли? – весь страх Артема пропал. Его место заняла злость.

Он взял с полки под зеркалом ключи, чтобы отпереть дверь и избить стоявшего за дверью – кто бы это ни был. Но возникшая на пороге кухни Оля, схватившись за ворот халата, хрипло сказала:

– Нет. Не надо. Звони в милицию.

Артем раздраженно взглянул на нее.

– Да? – сказал он, и в это время звонок раздался снова, но оба его уже не замечали. – Хуйню не гони. Че я им скажу?

– Скажешь, что нам угрожали смертью, и что сейчас кто-то звонит в дверь.

– Да, приедут они из-за такой ерунды!

Они бы продолжали препираться еще битый час, но оба замолчали и замерли, совершенно неожиданно услышав звук отпираемого дверного замка.

– Господи, – сказала Оля, огромными глазами глядя на мужа. – У Него ключ от нашей двери. Он сейчас войдет сюда!

Артем подскочил к Оле, схватил ее за плечи, встряхнул.

– Откуда? – крикнул он, обрызгав капельками слюны ее щеки и подбородок. – Кому ты давала ключ, сука?

– Никому, – прошептала Оля.

Оттолкнув ее от себя, Артем решительным шагом отправился на кухню.

– Тема! – взвизгнула Оля. – Куда ты! Не уходи! Мне страшно!

Артем промелькнул в дверном проеме, выйдя из кухни в прихожую, и она увидела блестящий в его руке нож. Страх на его лице Оля не увидела – только ярость из-за испорченного вечера. Он был готов убить любого, кто войдет в дверь.

Последующие события пронеслись так стремительно, что Оля, стоявшая в центре спальни и не смевшая шелохнуться, так и не поняла, что произошло.

Она услышала, как открылась дверь, и кто-то вошел в прихожую. Шаги Его сопровождались шорохом скользящего по телу черного плаща.

– Кто ты такой? – закричал Артем. – Откуда у тебя ключ от нашей квартиры?

Вместо от этого послышался свист рассекаемого молотком воздуха, полный страха и боли крик Артема и затем – звук шмякающейся об асфальт гнилой тыквы. Артем издал усталый вздох. Послышался грохот падающего тела, и лязг сорванной со стены вешалки – очевидно,

Артем в падении ухватился за нее руками. Повалились куртки и пальто, и Оля услышала, как Артем, удивленно постанывая, возится на полу, пытаясь выбраться из-под вороха одежды.

Шлепки ладоней по линолеуму – пытается нащупать нож, выпавший из ослабевшей руки, когда Он ударил Его.

«Это не Он, нет никакого Его, это был просто сон, и какого черта ты стоишь? Запри дверь в спальню!»

Как во сне, она подбежала к двери, закрыла ее. Схватила с тумбочки у кровати ключ, вставила в замочную скважину, два раза повернула. Отступив от двери, услышала в прихожей приглушенное шмяканье ударов молотка, превращающих лицо ее мужа в окровавленный цветок.

«Плевать на него! Артему уже ничем не поможешь. Спасай свою шкуру!»

Как?

«Выйди на балкон и прыгай. Переломаешь ноги и руки, но останешься жить».

Оля бросилась к балкону, но остановилась, издав невнятный звук.

На подоконнике сидел ворон. Сидел абсолютно неподвижно. И сверлил Олю немигающим черным глазом.

Очевидно, недавно он дрался с одним из своих сородичей – в птичьем черепе зияла пробоина, через которую Оля увидела мозг. В драке ворон потерял часть перьев – проплешины на боках открывали взору голую кожу, отвратительную на вид и, наверное, на ощупь. С клюва ворона на подоконник капала темная – и Оле даже показалось, черная – кровь.

Ворон пошевелился – прижался клювом к оконному стеклу. Одарил Олю бездушным взглядом и, дернув крыльями, прыгнул в темное небо. Летел он тяжело и неуклюже. После него на стекле осталась кровавая точка.

Звуки ударов в коридоре стихли. Артем уже давно не кричал.

В тишине послышались шаги. Оля увидела под дверью тень убийцы.

Он начал дергать дверную ручку.

Крича, Оля подбежала к застекленной двери, дернула вниз шпингалет и выскочила на балкон. Облокотившись на перила, глянула вниз. Внизу во дворе никого не было, на детской площадке тихо, как на кладбище. Несколько секунд Оля стояла, глядя на далекий асфальт внизу. Закружилась голова, к горлу подступила тошнота.

Ее полный ужаса голос прорезал глухую тишину залитого ночью двора:

– ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ! МЕНЯ СЕЙЧАС УБЬЮТ!

Ее дикий крик эхом раскатился вокруг, и заглох – слабый и одинокий. На шоссе за домами с призрачным ревом проносились машины. Небо над крышей противоположной многоэтажки окрасилось оранжевым, послышался треск фейерверка, а следом – полные тупой животной радости крики школьников: «У-У-У»...

За спиной Оли раздался звук отпираемого замка.

Она обернулась, не веря своим глазам: дверь открылась, и человек из ее сна вошел в спальню.

В руке он держал заляпанный кровью, осколками костей и волосами Артема деревянный молоток.

– Папа! – закричала Оля и неожиданно для себя бросилась на него, чтобы вытолкать старика из комнаты.

Он ударил ее молотком, сбив с ног. Оля упала на спину, ощущая, как по затылку разливается жар боли, а волосы моknут от горячей крови. Череп наполнился тяжким гулом.

Убийца встал над ней, расставив ноги. Оля, с трудом приподнявшись на локте, умоляюще смотрела на него снизу вверх. Он смотрел на нее, под капюшоном Его лицо было скрыто непроницаемым, плотным мраком.

– Пожалуйста... – прохрипела Оля. Губы одеревенели и не слушались. – Не трогай меня...

Он размахнулся и опустил молоток на ее лицо. Послышался звонкий треск, будто разбилась фарфоровая статуэтка. Ее раскрошенные передние зубы посыпались на ковер, рот наполнился теплой кровью. Оля замычала и начала извиваться, царапая пальцами ковер.

Убийца сел на нее. Наклонился. Изувеченное лицо Оли обожгло ледяным холодом.

– Я тебя сейчас убью, – сказал Он. – Думаю, перед смертью ты захочешь узнать, кто я такой.

Голос Его был бесстрастен, но с нотками веселья.

Он откинул капюшон.

Остекленевшими от ужаса глазами Оля смотрела на сморщенное лицо своего отца. Глаза его были черными. Они горели безумием и бесконечной яростью.

Оля хотела закричать, но выдавила лишь несколько невнятных звуков. Из горла хлынула кровь с желчью.

Отец поднял к потолку безумное лицо, оттянул верхнюю губу, обнажив острые желтые клыки, и завыл.

А потом снова поднял молоток. И опустил его на голову жертвы. Много раз.

Глава 12. Новый шаг

Инна взяла два пакета с покупками. Захлопнула дверцу машины. За спиной раздался тихий голос:

– Привет.

Она обернулась.

Павел стоял у ворот ее дома. Руки в карманах серого плаща. На печальном лице – синяки и ссадины.

– Я возьму, – Павел перехватил пакеты. Инна набрала код. Открыла ворота. Они двинулись к дому. Павел прихрамывал.

– Как ты? – Инна взглянула на его залепленное пластырями лицо.

– Неплохо. Уже три недели не был на работе. Твой дружок дал мне то, чего я давно хотел.

Отдых.

Они помолчали.

– Я ушла от него.

Павел приподнял бровь.

– В самом деле?

Инна нервно рассмеялась.

– Точнее, сбежала.

– Он бил тебя?

– Нет.

– Что он сказал?

– Сказал: «Скатертью дорога». Ему все до лампочки.

– Он так просто не отстанет. Илья явится за тобой, и ты вернешься.

– Нет, – Инна покачала головой. – Все, что угодно, только не это.

Они вошли в дом.

Инна схватила повела его в гостиную. Усадила в кресло. Направилась к мини-бару. Вернулась с двумя бокалами.

– Что это? – Павел поднес бокал к носу.

– Коньяк.

Павел отпил. Поморщился. Инна осушила бокал до дна, запрокинув голову.

Павел осмотрелся.

– У этого дома плохая атмосфера.

Инна закурила.

– Знаю. Мне никогда здесь не нравилось.

Павел присмотрелся к ней.

– Ты стала спокойней. Даже похорошела, – он выдержал паузу. – Я все время думаю о тебе.

Девушка с бесстрастным любопытством посмотрела на него сквозь облако дыма.

– Я о тебе ничего не знаю. Кроме того, что ты работаешь в школе. И что у тебя была богатая жена, которая умерла и оставила тебе наследство. Кстати, что с ней случилось?

Павел сразу посуровел.

– Со временем ты все узнаешь.

Инна молча смотрела на него. Он, встретив ее взгляд, нервно рассмеялся.

– Не верится, да?

Инна взяла с журнального столика пепельницу и погасила окурок.

– Мне вообще не верится, что у тебя кто-то был. Гляжу на тебя, и просто не представляю, что у тебя могла быть нормальная жизнь, любовь. Даже сейчас мне кажется, что я сплю и тебя здесь нет. Ты как призрак.

Павел усмехнулся.

– Но тебе тоже есть, что скрывать. Правда?

Инна вздрогнула.

– Всем есть, что.

Павел повертел бокал в руках, поставил на журнальный столик.

– Вчера вечером у нас произошло новое убийство. Убили супружескую пару. Оба забиты до смерти. Я видел фотографии в Интернете. Ужасное зрелище.

Девушка равнодушно посмотрела на Павла. Взяла со столика бокал, плеснула вина. Ее рука дрожала. Откинувшись на спинку дивана, она неестественным тоном спросила:

– И что?

– То, что убийца с ними сделал, очень похоже на труп Вадима Нестерова.

– Я не хочу говорить об этом! – вскричала Инна. Лицо ее вдруг исказилось, в глазах мелькнула тень страха. – Зачем ты рассказываешь мне о такой ерунде? Какое мне дело?

Павел наклонился вперед. Взял девушку за руку.

– Инна, мне важно знать, *кого* ты видела в тот день. Скажи мне. Очень прошу.

Она оттолкнула его, осушила бокал. Утерла губы рукой.

– Никого не было, – прошептала Инна, глядя в сторону.

– Нет, – Павел впивался взглядом в ее лицо. – Ты Его видела. Человека в черном плаще. Человека без лица.

– Я не помню! – Инна потерла лицо. – Все пытаюсь вспомнить, что же случилось. И не могу. Помню только лицо дяди. Как оно ужасно выглядело. Остальное... мне что-то мешает вспомнить. Пожалуйста, не мучай меня.

Павел устало вздохнул.

– Ладно. Извини.

Инна покосилась на него. Павел с легкой улыбкой смотрел на нее. Глаза его светились нежностью. Она поскорее отвернулась.

– Мы должны быть вместе, – сказал он. – Забудь Илью. Забудь роскошь и богатство – они не принесли тебе ничего, кроме несчастья. Здесь нет хороших людей. Идем со мной. Я смогу тебе помочь.

Инна, глядя ему в глаза, сказала:

– Давай отложим разговор. Мне нужно подумать, – она встала. – А сегодня просто поужинаем.

Они провели вместе вечер. Утром Павел покинул ее особняк. Через три дня Инна послала ему SMS. Одно слово: «Нет».

После этого Инна в странном приступе паники рванула обратно к Илье. Когда поднесла палец к дверному звонку его квартиры, почувствовала внезапную тошноту. И убежала.

Глава 13. Дима

Издали Павел увидел три маленькие фигурки, тесным кольцом окружившие четвертую. Один из нападавших (Павел узнал в нем Королева) угрожающе надвинулся и ударил Диму Сотникова кулачком в лицо. Маленькая фигурка опрокинулась. Павел перешел на быстрый шаг, почти побежал. Полы плаща трепыхались за спиной, как серые крылья. Королев начал пинать жертву ногами. Дружки присоединились. Павел приблизился на расстояние девяноста шагов, когда увидел нечто ужасное.

Он увидел это, как если бы сидел в кинозале на первом ряду, а происходящее показывали средним, в конце – сверхкрупным планом.

Дима Сотников поднялся с лицом, на котором смешались неуверенность, боль и отчаянная решимость. Шагнул к Королеву, чтобы, может быть, впервые в жизни дать сдачи. Один из дружков Королева подошел со спины и сделал подсечку. Дима вскрикнул и полетел лицом в грязь. Павел зажмурился на ходу, не в силах этого видеть.

Смех детей был таким злобным, что у Павла дрожь прошла по спине. Дима с трудом поднял голову. Его лицо было забрызгано вонючей жижей. «Нет», прошептал Павел. Все рухнуло. Дима теперь никогда не поднимется. Так и будет лежать в грязи, поверженный судьбой.

Дима начал подниматься.

Тут, словно на широком экране, увеличенном линзой, Павел увидел, как над павшим Димой встает Королев. Медленно поднимает ногу, ставит подошву кроссовка на затылок Димы. Давит. Лицо мальчика погружается в грязь.

Взрыв хохота.

– Королев! – Павел задыхался. – Все трое! К директору! В школу с родителями!

Они вздрогнули, улыбки на лицах мгновенно исчезли. Королев первым пришел в себя.

– Мы ниче не делали, Павел Юрьич. Мы его так и нашли.

– Да, – закивал другой мальчишка, ростом с хорошего подростка. – Мы ему помочь хотели.

– Не смешите меня, молодой человек. Я все видел. Сейчас – к директору.

Дима поднялся и теперь стоял, весь грязный, не поднимая глаз.

Павел достал белый платок.

– Держи. Вытрись.

Дима шмыгнул носом, не глядя на учителя. Вытерся.

– Вот, – протянул обратно грязный платок. Мальчик не знал, как вести себя в таких ситуациях. Впрочем, Павел знал не больше его.

– Оставь себе. А лучше выкинь.

Платок мало помог. Большая часть разводов на лбу, щеках и подбородке осталась.

– Тебе лучше пойти домой. От занятий я тебя сегодня освобождаю.

– Не пойду, – Дима мотнул головой.

– Почему?

Дима напрягся.

– Отец меня убьет.

– Потому что ты грязный?

– Да, – Дима с трудом кивнул. – И потому что меня избили. Меня отец ненавидит, потому что я слабак.

Павел нахмурился. Его раздирали самые противоречивые чувства: жалость, желание помочь, отвращение, ненависть к тому, как по-идиотски устроена жизнь.

Он взглянул на мальчика. Тот по-прежнему стоял, заложив руки за спину, как приговоренный к казни, грязный, пассивный. Спокойно, сказал он себе. Это всего лишь ребенок.

Павел сел перед ним на корточки. Взгляд Димы был настороженным.

– Твой отец когда-нибудь учил тебя? Хоть чему-нибудь?

Дима покачал головой.

– Смотри.

Павел выставил вперед открытую ладонь.

– Ударь. Вот сюда.

Он ткнул указательным пальцем в центр ладони.

Дима округлил глаза.

– Зачем?

Павел как можно мягче, но все же твердо сказал:

– Можешь просто ударить?

Дима, нервно сглотнув, отступил на шаг.

– Павел Юрьич, но вы же...

– Я не Павел Юрьич. И не твой учитель. Я сейчас твой... враг, – Павел чуть не сказал «отец», но вовремя прикусил язык. – Просто ударь.

Несмело приблизившись, Дима слабо ударил кулачком в ладонь Павла. Рука учителя даже не покачнулась.

– Еще. И посильнее, пожалуйста.

Дима застыл в нерешительности, но, встретив суровый взгляд Павла, ударил. Чуть сильнее. Рука Павла качнулась.

– Еще, – сказал Павел.

Дима, забывшись, со всего маху впечатал кулачок в широкую мужскую ладонь. Павел, охнув, потряс рукой.

На лице мальчика появилась тревога.

– Извините, – сказал он. – Я не хотел.

Павел посмотрел на него. «Бойтся, что сейчас начну его бить». Он снова почувствовал эту странную ненависть неизвестно к чему.

– Все в порядке. Молодец. Так и надо, – Павел снова подставил руку. – Давай еще немного поиграем, ладно?

Дима кивнул.

– Еще! – говорил Павел, а Дима бил. – Еще удар! Сильнее! Сильнее! Молодец.

«Что я делаю?»

– Ну что, куда теперь?

Дима помрачнел. К нему вернулось привычное чувство – уныние.

– Вы-то куда?

– Я? – Павел задумался. – Домой. Куда же еще?

Он услышал чужой голос, говорящий его устами:

– Хочешь, можешь пойти со мной.

– Как? – Дима посмотрел недоверчиво. – К вам домой?

– Seriously, – Павел взял его за руку. – Пойдем.

Дима ничего не ответил. Они шли через подворотни, остерегаясь людных проспектов.

– Спасибо вам, – сказал Дима.

– Спасибо на хлеб не намажешь. А за что спасибо-то?

– За то, что не бьете.

Павел почувствовал холодок по спине. От неловкости он немного грубо ответил:

– Ты должен понять, Дима – в тебе есть сила.

– Вам кажется?

– Да, – соврал Павел. – Я уверен.

– Куда грязную одежду?

– На пол.

– Куда?

– В угол.

Павел подошел к зеркалу, застегивая верхнюю пуговицу красной клетчатой рубашки.

Дима стоял посреди гостиной – в чистых серых джинсах и белой футболке. Он оглядывался с детской непосредственностью. Дима не спросил Павла, откуда детские вещи, и Павел был ему благодарен.

– Садись. Сейчас будем обедать.

Смущенно бормоча, Дима сел на диван.

– Включить телевизор?

– Не, – мальчик помотал головой. – У вас есть библиотека?

– Есть.

– Можно посмотреть?

– Парень, распорядись в моем доме, как душе угодно. Только книги, чур, найдешь сам.

– Ладно, – Дима с готовностью отправился искать. Павел усмехнулся.

«Что ждет его? Есть ли для него надежда?»

Его улыбка поблекла.

Павел разогрел куриный суп, вскипятил чайник. Заглянул в свою комнату. Темная вихрастая голова мелькала перед стеллажами. Дима был поглощен книжным великолепием.

«И *тот* был такой же».

Павел почувствовал, как ледяная игла кольнула его в сердце.

Обедали молча. Дима показал Павлу две книжки: «Мир Смерти» и «Страну Багровых Туч».

– Павел Юрьич, можно эти?

– Конечно, – Павел наморщил лоб. – Но что скажут твои родители?

Они посмотрели друг на друга через стол.

Дима ничего не ответил, уткнувшись в тарелку.

– Еще кое-что, – Дима поднял глаза. Он всегда смотрел Павлу в глаза, когда тот говорил. – Называй меня Павел, хорошо?

– Я...

– Очень прошу.

Дима улыбнулся. Кивнул.

Оба смущенно замолчали.

– Кто эта женщина?

Дима подошел к комоду, глядя на фото в рамке. Павел вчера вытащил его из ящика и поставил рядом с пустой вазой.

Павел взглянул на Катю.

Это было мучительно. Он перевел взгляд на Диму. Тот прижимал к груди книги. Лицо мальчика поразило Павла своей серьезностью.

– Она была вашей женой?

– Да.

– Вы расстались?

– Она умерла.

После недолгого молчания Дима сказал:

- Очень красивая женщина.
- Да, Катя была красавицей.
- Из-за чего люди расстаются?
- Трудно сказать. Людям кажется, что друг с другом им будет хорошо. И они влюбляются.
- А потом оказывается, что им друг с другом плохо?

Учитель улыбнулся.

- Им друг с другом *трудно*. И хорошо, и плохо.
- Почему?
- Потому что... – Павел запнулся. – У тебя когда-нибудь была собака?
- Нет.
- Родителей просил?

Дима опустил голову, и Павел обругал себя.

- Нет. Не просил. У них денег нет.

«А на водку?»

- Ясно.

Он положил ладонь на плечо Димы.

- Когда-нибудь у тебя обязательно будет пес с висячими ушами.
- Ага, – сказал Дима. – Сенбернар.
- Сенбернар? А почему сенбернар?
- Он большой. Сильный. И добрый.
- А, – сказал Павел. – О чем мы говорили?
- О том, почему люди расстаются.
- Да. И о собаках. Когда у тебя будет пес, тебе нужно будет его выдрессировать. Чтобы

песина тебя *слушалась*. А другого человека выдрессировать нельзя.

Дима помолчал, теребя корешок книги.

- Вы спали с ней?

Павел взглянул на Диму. Тот усиленно улыбался, но глаз не отводил.

- Да. Но я не собираюсь обсуждать это с тобой.

Часы на стене звонко пропели, возвещая полдень.

Оба вздрогнули.

Безумное утро обратилось серым, пасмурным днем. В небе тяжело плыла огромная, как скала, черная туча.

Павел присел на корточки.

- Помни – что бы ни случилось, я помогу.

Дима кивнул.

- Не беспокойтесь. Я сам справлюсь. До свидания.

- Счастливо.

Павел выпрямился, глядя на удаляющуюся маленькую фигурку. Улыбка на губах медленно растаяла.

«Я помогу».

Великая самонадеянность. Великая.

Глава 14. Баринов

– Ира, зайдите ко мне.

Маленький толстый человечек, утопающий в кожаном кресле, задумчиво смотрел на поверхность стола поверх сцепленных пальцев.

Валерий Баринов прикрыл тусклые серые глазки, глядя из-под полуопущенных ресниц, как томная первокурсница.

Больше всего он походил на модного адвоката. Брюшко. Тихий, вкрадчивый голос, выговор со смягчением согласных, особенно шипящих. Серые и зеленые костюмы. Из нагрудного кармана торчит цветастый платок.

На самом деле он – крупный бизнесмен. Крупнейший делец города Высокие Холмы. Сеть торговых центров, несколько аптек, строительство домов в юго-западной части города.

Вошла секретарша – молоденькая девушка с глазами опытной женщины.

К сожалению, Ира почти все время смотрела в пол.

Девушка с судьбой. Баринов за свой полувек повидал многих девушек с судьбами. И все они смотрели в пол.

– Что-то нужно, Валерий Георгиевич?

Ира уже освоилась, хотя работает четвертый день. Толковая девчонка.

– Ирочка, возьми эти файлы, – Баринов отдал ей диск. – Отправь на главного бухгалтера. Конечно, сделать это нужно как можно скорее. Немедленно.

– Я поняла.

– Ну и чудненько, – Баринов потерял к Ире всякий интерес. Вновь погрузился в размышления.

Ира была самой прилежной из всех девушек, работавших в офисе Баринова.

Многие из них пытались соблазнить его. Таких он увольнял сию минуту. ТП не сможет утаить то, что здесь можно подслушать. И подсмотреть.

Большинство использовали служебный телефон, чтобы трепаться с подругами. Или хахалями. Все эти девушки большую часть дня прихорашивались, попивали кофеек и строили глазки посетителям.

Баринов платил 500 долларов. Прежние секретутки выражали недовольство. Ира промолчала. Она, кажется, даже обрадовалась.

Баринов оттолкнулся ножками от пола. Кресло на колесиках откатилось назад. Обитая кожей спинка уткнулась в стену. Баринов со странной улыбкой развернул кресло, переставляя коротенькие ножки (еле доставал) по паркету. Оттолкнулся. Кресло выехало из-за стола на открытое пространство. Баринов на ходу дернул левой рукой за подлокотник. Развернулся. Слишком резко. Кресло качнулось, как лодка в штормовую погоду.

Он улыбнулся, тяжело дыша. Достал платок. Вытер со лба пот. Взгляд наткнулся на стену с фотографиями, дипломами и лицензиями. Под стеклом хранилась бейсбольная бита с эмблемой его фирмы.

Баринов подъехал к витрине. Нагнулся, чуть не вывалившись. Прижался лбом к гладкому стеклу. Нос и верхняя губа сплющились.

Жанна работала у него три года назад. Высокая блондинка с фигурой Венеры. Ее мясо тряслось и подпрыгивало, как желе, при каждом шаге. Эта шлюха с накрашенным личиком одевалась так, чтобы в как можно более выгодном ракурсе показать всем свои прелести.

С посетителями она разговаривала исключительно томным голоском.

Три раза Жанна отпрашивалась с работы – «присмотреть за ребенком». Месяц пропустила по больничному + трехдневный отгул, когда ее мать-пенсионерка слегла в больницу с микроинфарктом.

Девочка не поняла, куда попала.

Баринов вызвал к себе Игоря и Вадика.

Игорь Баринову нравился. Его левую скулу пересекал уродливый шрам – память о чеченской войне. Игорь был молчалив и носил кожаные куртки.

Баринов сидел за столом, постукивая карандашом, строгий как гробовщик и мрачный как смерть.

Игорь стоял, глядя прямо в глаза. Вадик за его спиной, руки в карманах. Смотрит в сторону, жуёт жвачку.

Валерий Георгиевич посмотрел на Игоря.

– Жанну знаешь?

– Знаю.

– Кто ж эту б... не знает! – заржал Вадик. Осеся под тяжелым взглядом шефа.

– Во-первых, вынь руки из карманов. Во-вторых, глотай эту дрянь и перестань жевать, как корова. В-третьих, еще раз матернешься в моем офисе – яйца оторву. Ясно?

Вадик пробулькал что-то невнятное.

– А что Жанна? – спросил Игорь.

Баринов объяснил. Игорь скупно улыбнулся. Но в глазах осталась тихая грусть, появившаяся там восемь лет назад.

– Ясно.

Вечером на столе завыл телефон.

Баринов извинился перед собеседником (между прочим, членом Торговой палаты), снял трубку.

– Да.

– Валерий Георгиевич, – в голосе Игоря чувствовалась горькая ирония. – Мы тут поговорили с Жанночкой. Она очень хочет вас видеть. Правда ведь, солнышко?

– Да, – раздался в трубке сдавленный женский голос. Он звучал так, словно дыханию что-то мешало. Например, сломанный нос.

– Я спущусь через... – Баринов взглянул на часы. – Полчаса. Пусть наша секретарша ведет себя приличнее.

Он положил трубку. Улыбнулся партнеру. Член Торговой палаты понимающе осклабился. Эти секретарши!

Они обсудили все дела (в пользу Баринова, в чем тот и не сомневался) за пятнадцать минут. Баринов проводил члена Торговой палаты до дверей. Тот надел черные очки и выразил надежду, что госинтересы будут учтены.

Баринов направился к лестнице. Не дойдя двух шагов, повернул за угол. Красная стрелка указывала вниз под аршинной надписью: ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНЫХ ЛИЦ. Спустился вниз, напевая «Стюардесса по имени Жанна...»

В прохладном подвале с кафельными стенами, освещенном мягким светом флюоресцентных ламп, все мысли и все песни вылетели у него из головы.

Жанна с окровавленным лицом сидела на диване, зажатая Игорем и Вадиком. Тушь размазалась по лицу безобразными пятнами. Нос расквашен. Верхняя губа кровоточит.

Игорь поднялся навстречу.

– Да-а-а, – со смешком протянул Баринов. – Чудненько.

Игорь и Вадик рассмеялись. Жанна шмыгнула носом, разглядывая крашенные ногти.

– Ну что, сука, – девушка вздрогнула. – Допрыгалась?

– Валерий Георгиевич, за что?

Она подняла лживые глаза, полные мольбы и боли.

– Ты лгала! – рявкнул бизнесмонстр, подавая знак Вадиду. Тот кивнул. Его челюсти по лошадиному двигались. Секьюрити направился к дальней стене. Теперь двигался его затылок.

– Опять жвачку жуешь? – вскипел Баринов. – Верблюд!

– Валерий Георгиевич, вы ж сказали, в офисе нельзя! Здесь-то че, тоже?

Лицо Вадика сморщилось от обиды.

– Ладно, хрен с тобой. Жуй.

Баринов повернулся к Жанне.

– У тебя нету сына. И матери нет. Тебя воспитывала бабушка.

– Простите, – прошептала Жанна.

Она, плача, рухнула перед Бариновым на колени, распахнула блузку. Под которой, кстати, ничегошеньки не было.

Вадик округлил глаза, чуть не подавившись жвачкой. Игорь смущенно отвернулся.

Баринов поморщился.

– Убери эти... это... короче, запахнись!

Жанна всхлипнула всем телом. Ее тугие груди поднимались и опускались в такт дыханию.

– Валерий Георгиевич...

– Что Валерий Георгиевич? – Баринов встал над ней. Будь он повыше, показалось бы, что он хочет помочиться на Жанну. – Валерий Георгиевич, Жанночка, не вечный. Не бережете вы старика.

– Извините, – прошелестела секретарша. Баринов присел на корточки. Протянул руку. Запахнул края блузки. Поднял пальцами ее испачканный кровью подбородок. Ее влажные глаза встретились с его колючими. Ресницы дрогнули.

– Девочка, никогда, слышишь – ни-ког-да – не пытайся обмануть русского бизнесмена. Он сам обманет кого угодно.

Баринов выпрямился.

– Ты встречалась с Киселевым. Киселев – конкурент.

– Нет... нет, – Жанна помогала головой.

– Мне все про тебя известно. Ты была у них на вечеринке.

– Валерий Георгиевич, это неправда...

– Ты с ними трахалась! У нас есть фотка, где ты делаешь омлет генеральному директору.

И хватит врать!

Жанна всхлипнула.

– Да ты не плачь, девочка, – Баринов взял у Вадика бейсбольную биты. Перехватил поудобнее. Он никогда не играл в бейсбол, но ощущение от биты ему понравилось

– Все будет хорошо, – мягко сказал Баринов, поднимая орудие над головой.

Жанна снова всхлипнула. Биты она не видела.

– Валерий Георгиевич, я правда не виновата, – Жанна запрокинула голову, надеясь увидеть на его лице сочувствие.

Вместо этого она увидела опускающуюся сверху круглую биты. Собственно, даже этого она не увидела. Если ты умираешь раньше, чем понимаешь, что тебя убило, считай, ничего и не видел.

Баринов оттолкнулся от пола. Отъехал назад. Развернулся, успел упереться ножками в стену. Оттолкнулся. Кресло силой толчка вынесло на середину кабинета. Баринов остановился, тяжело дыша.

Сейчас с секретаршей нет проблем. Ира – молодец.

Его проблема – Точилин.

Следак явился собственной персоной неделю назад. Сел в кресло напротив, важный и надутый, как голубь, обожравшийся крошек. Спрашивал про Нестерова.

Баринов организовал кофе и бутерброды. Точилин ни к чему не притронулся. Баринов нервно ходил по кабинету.

– Что я могу сказать, Александр Сергеич...

– Что знаешь, то и скажи, – с улыбочкой сказал Точилин.

– Да я не знаю ни хрена!

Баринов действительно понятия не имел, кто кончил Нестерова. Это не мог быть он. И не Бубнов.

Через три дня после смерти Вадима Бубнов позвонил ему, и осторожно поинтересовался: не имеет ли Валерий Георгиевич отношения к убийству? Баринов ответил, что имеет отношение к случившемуся менее, чем никакое.

– Кто же тогда заказал его? – голос в трубке звучал задумчиво, словно Бубнов разговаривал сам с собой. – Я тоже ничего не знаю.

Он помолчал.

– Это может иметь отношение к грузовикам?

Подумав, Баринов ответил:

– Я не знаю. Но обязательно выясню, кто убил Вадима.

– Не будь идиотом! Исполнителя теперь днем с огнем не сыщешь. Нужно искать заказчика.

– Я займусь, – сказал Валерий Георгиевич. – Ты же не думаешь, что его заказала Инна?

– Что она, идиотка? В первую очередь же на нее подумают. Тем более, в то утро она была там и все видела.

– Вопрос – кого она видела? В газетах об этом ни слова.

– Вот и найди ее. Заодно решишь вопрос с наследством. Инна сможет возглавить фирму Вадима?

– Исключено. У нее ни ума, ни фантазии. Она скорее миллион в унитаз спустит, чем вложит в дело. Активы Вадима, да и пассивы тоже, теперь в весьма ненадежных руках.

– Займись, – повторил Бубнов. Он издал короткий смешок. – Я, как понимаешь, трогать ее не могу. Из-за сына. С ним и так в последнее время что-то странное делается. Уезжает с друзьями на всю ночь, возвращается взвинченный, лыбится как идиот. Спрашиваю: «Где был?» – «Нигде, папа». И вижу же, по глазам вижу, что нюхал. А теперь еще моду новую взял – имена наоборот выговаривать. Не знаешь, что это за чертовщина?

– Нет. Может, у них теперь приколы такие новые?

– Инна же нормально говорит! А этот... упустил я сына. Ладно. Я позвоню тебе на днях, еще раз все обсудим.

Они распрощались, а теперь Баринов вертелся в кресле, болтая в воздухе маленькими ножками.

Вчера произошло новое убийство. Почерк тот же. Значит, Вадима не заказывали. Убитые никак не связаны с ним, наркотиков в квартире тоже не обнаружено. Значит, Вадим случайно попал под серийное убийство. Странно и немислимо, конечно, но жизнь вообще странная и немислимая.

Но что же это за человек, осмелившийся убить Вадима среди бела дня, да еще при свидетеле?

Глава 15. Свет Надежды

Ира составляла список дел на неделю. Для Баринова. В душе ее смешивались неясные мечты и желания.

Она обвыклась на новом месте. Первая в ее жизни настоящая работа. Ира справлялась легко, и душа ее наполнилась скрытым ликованием. Она не обречена всю жизнь мерзнуть на трассе, фальшиво любезничать с клиентами, выполнять их скотские желания.

(Ира, кстати, даже не подозревала, что «дядечка», на которого она работала проституткой, ходил под Бариновым. Баринов как был ее шефом, так и остался).

Ира подозревала, что зарплата в пятьсот баксов – не самая лучшая. Но для нее это такие деньги! Босс вполне приличный. Не красавец, конечно, но богатый и неглупый.

Ира с восхищением и благодарностью вызвала в сознании образ Павла. Боже, как он ей помог! Сами небеса послали его.

Ира стояла у трассы, зябко кутаясь в старое пальто. Промозглая осень вступила в права.

По тротуару, залитому бледными лужами света, шагал мужчина. Он шел медленно, и на миг ей в голову пришла странная мысль: «Ночь – его стихия».

Павел остановился в двух шагах от Иры. Он просто стоял, пряча руки в карманах, глядя ей в глаза. Это длилось минуту, казавшуюся вечностью. Под прицелом этого странного неподвижного взгляда Ира оцепенела.

Ситуация стала еще более пугающей, когда на левую щеку мужчины села муха, а он не пошевелился.

Ира опустила глаза. Нервно облизнула губы. Она хотела убежать, но ей нужен клиент.

– Вы не знаете, который час?

Незнакомец вынул из карманов мобильник.

– Полтретьего.

Убрал сотовый.

– Почему ты одна? – спросил он. Так просто, словно для того и гуляет ночью, чтобы разговаривать с незнакомками.

– Ты тоже один, – сказала Ира, чтобы выиграть время. Нужно сообразить, как увести его с собой.

Павел кивнул.

– Пойдем.

Он пошел по улице. Ира последовала за ним, смущаясь все больше.

Они повернули за угол. Ветер выл в трубах, раскачивал деревья.

Павел заговорил.

– Ты проститутка (Ира вздрогнула). Ко мне ты подошла, потому что за ночь никого не подцепила. За это «дядечка» избьет тебя. Ты решила, что я одинок, а значит, не отвергну симпатичную девушку.

Ты решила, что и я достаточно мил. Будет не очень противно мне отдаться.

Ира выслушала эту странную тираду. Павел сказал в точности то, что она думала.

– Ты ошибаешься.

– Не ври.

Резкий порыв ветра качнул фонарные столбы. На улицах не было ни души.

– Куда мы идем? – занервничала Ира.

– Ко мне. Ты ведь этого хотела?

Павел с усмешкой смотрел на нее. Они шли бок о бок, нога в ногу. Его глаза неотступно преследовали Иру. Они переходили из областей темноты в освещенные участки, и его бледное лицо то озарялось, то скрывалось в тени.

В гостиной Павел скинул плащ. Повернулся к ней. К Ире вернулось профессиональное самообладание. Она скинула пальто.

С игривой улыбкой подошла к Павлу. Положила ладони ему на плечи.

Павел мягко отстранил ее.

– Не надо.

Ира в изумлении воззрилась на него. Странно: она восприняла отказ как личное оскорбление.

– Почему?

Павел отошел к окну. Ира в оцепенении рухнула на диван.

– Сколько тебе обычно дают?

Ира назвала сумму. Павел вышел и вернулся с деньгами.

– Здесь такса плюс неустойка.

Ира пожала плечами. Встала.

– Я пойду?

– Сядь. На улице холодно.

Она села.

Павел в раздумье прошелся по гостиной. Оба неловко молчали.

– Слушай, ты есть не хочешь? – нашелся Павел.

– Да разве на ночь едят?

– Действительно, – он задумался. – Давай я хоть кофе сварю.

Ира посмотрела на его спокойное лицо. Вдруг она почувствовала, что именно кофе и хочет. Может быть, потому что ей давно уже не предлагали кофе? Это так... невинно. Павел своим предложением будто поднял ее до уровня... обычной девушки.

Он подошел к ней. С ласковой улыбкой погладил по щеке.

Ира подняла глаза, полные слез.

– Хорошо, что мы встретились, правда? – услышала она собственный голос.

Он кивнул.

Глава 16. Из мрака

Всю зиму и начало весны Инна Нестерова жила в постоянном страхе. Никогда девушка еще не была так одинока. Она совершила роковую ошибку, расставшись с Бубновым. Выяснилось, что все ее друзья – друзья Ильи. И с сучкой Нестеровой они дружили, пока Илья рядом. В эти месяцы Инна получила десятки SMS и звонков, где бывшие друзья поносили ее и обещали отомстить. Инна отключила телефон. Ее словно выбросили на околоземную орбиту – никаких контактов с внешним миром. «Друзья семьи» и партнеры дяди тоже не интересовались ее судьбой – Инна еще не вступила во владение миллионами Нестерова. Нужно подождать, пока с нее снимут подозрение в убийстве, а деньги потекут на банковский счет. Тогда у нее вновь появятся друзья.

Но больше всего Инна боялась того, кто преследовал ее.

Она постоянно чувствовала затылком Его взгляд. Дома, в машине, в очереди в магазине. Инна знала, что нельзя выдавать себя. Два раза она не удержалась и обернулась, ожидая углядеть в толпе клочок черного капюшона. Но никого не увидела.

Инна зашторила все окна. Жила в полумраке. Дверь и ворота на сигнализации, но девушка не была уверена, что Его можно остановить этим.

Но ей было жизненно необходимо поведать кому-то о своих страхах. Литры алкоголя, которые она вливала в себя, не помогали.

И потому она в первый миг обрадовалась, когда услышала за спиной неуверенный хриплый голос Павла:

– Инна.

Она обернулась. Инна стояла во дворе особняка, Павел – снаружи. Их разделяла решетка ворот.

Вид его необычайно тронул сердце Инны, израненное одиночеством и иглами страха. Его и без того усталое лицо за зиму осунулось и заросло щетиной. Глаза горят болезненным огнем безумного желания, которое невозможно тут же воплотить в жизнь. Плечи согнуты под невидимой ношей.

– Привет.

– Боже, что с тобой?

Павел усмехнулся.

– Видок у меня не ахти, да?

– Зачем ты пришел?

– На тебя посмотреть.

– Посмотрел? Теперь уходи. Мы с тобой не пара.

Павел вздрогнул.

– Я знаю, почему ты прогоняешь меня, – сказал он, впиваясь взглядом в ее лицо. – Знаешь, что самое смешное? Ты меня всю жизнь ждала. А вот он я. И ты меня прогоняешь. Я понимаю, ты разочарована.

– Ты не в себе, Павел, – Инна отвернулась.

– Стой! Не смей уходить! Смотри мне в глаза.

Инна, против желания, обернулась. Павел поймал ее взгляд, и уже не отпускал. Он возбужденно заговорил, вцепившись руками в прутья решетки.

– Думаешь, я не знаю, что не имею прав на тебя? И что? Что прикажешь мне делать? Сдаться?

Он замолк, тяжело дыша.

– Я ухожу, – сказала она, содрогаясь от жалости, отвращения и неясного наслаждения.

Крики Павла преследовали ее до самых дверей.

– Думаешь, я отступлю? Я никогда не оставлю тебя. Я – твой самый страшный кошмар! Лучше тебе не выходить из дома, слышишь, ты, дешевка? Я разобью стекла твоей тачки, подожгу дом и зарежу тебя. Зарежу! Ты не моя... и ты никому не достанешься! Но сначала я изобью тебя, изнасилую, я заставлю тебя жрать дерьмо, как жрал я! Тебе не уйти!

Инна закрыла дверь. Его крики еще долго преследовали ее.

Глава 17. Ближе

Когда огромный, мрачный, чудовищный Дом поглотил Инну, Павел замолк. Он осознал, что стоит, протягивая руки между прутьями решетки, словно нищий, просящий подаяния.

Понял, что с трудом дышит. На губах выступила пена.

Павел простонал. Прислонившись спиной к воротам, бессильно сполз на землю.

– Поздравляю тебя, Павлик, – сказал он. – Ты опять проиграл.

Утром Инна подошла к окну. Отогнула занавеску.

Павел все еще сидел, прислонившись к решетке.

Он очнулся от лихорадочной полудремы. Вскочил. Обернулся.

Инна, обнимая себя за плечи, подошла к воротам. С опаской взглянула на него.

– Мне нужно съездить за покупками.

– Едем вместе.

– Нет. Пропусти меня.

– Я не уйду.

– Черт возьми, Павел, у меня нет еды! Ты хочешь, чтобы я сдохла от голода?

Она прикусила губу, чувствуя, что вот-вот расплачется. Или захохочет, как сумасшедшая. Она понимала, что нужно, прежде всего, сохранять полное хладнокровие. Но овладеть собой не получалось – хоть тресни.

Павел скривился.

– Шагу отсюда не сделаю. Если только меня не оттащат силой.

– Ты... Да я сейчас ментов вызову!

– Зови. С ОМОНОм вместе.

Они стояли, глядя друг на друга через прутья решетки. Их взгляды были полны ненависти и презрения.

– Держись, ублюдох, – прошипела Инна.

Пасть гаража распахнулась. Инна вывела машину, остановилась в десяти метрах от ворот. Ее руки вцепились в руль.

Девушка нажала кнопку на пульте. Сигнал. Ворота с железным скрежетом распахнулись.

Павел у нее на пути. Плечи скорбно опущены. Смотрит прямо.

– Придурок чертов! – Инна включила передачу и нажала на газ.

Красный «мерседес» рванулся вперед, как разъяренный лев.

Для Инны эта секунда растянулась до бесконечности. И вечность была полна ужаса от осознания, что она сейчас собьет человека.

В последнюю долю секунды Инна успела нажать на педаль.

По-женски взвизгнули тормоза.

Поздно.

Морда автомобиля прижалась к земле. Подкинула хрупкую фигурку, как тряпичную куклу. Павел подлетел в воздух, нелепо взмахнув руками.

Всем весом обрушился на ветровое стекло, которое вмиг пошло трещинами. Инна с ужасом услышала, что-то с грохотом покатилося по крыше.

Тело хлопнулось о багажник и безвольным мешком костей рухнуло на брусчатку.

Несколько столетий Инна просидела, сжимая руль. В воздухе повисла звонкая тишина. Где-то прокричала птица.

Инна отстегнула ремень и выскочила из авто, в полной уверенности, что ей это снится.

– О господи, – молила она, обходя машину. – Только не опять!

Павел лежал в позе зародыша, левой стороной лица в луже крови.

У Инны вырвался судорожный полувсхлип..

– О боже, – сквозь слезы прошептала она.

Застонав, Павел перевернулся на спину. Лицо, иссеченное мелкими брызгами стекла, залито кровью.

– Так ты *жив!* – вскричала Инна, за раздражением скрывая безмерное облегчение.

Павел встал на колени. Поднялся. Его шатало.

– Не шевелись, – Инна подхватила его. Помогла прислониться к машине. – Ты в порядке? Боже, ты весь в крови.

Она сорвала с себя белую блузку. Начала оттирать его лицо от крови. Павел вцепился в ее плечо. Капли крови падали на ее руки.

– Я в порядке, – прохрипел Павел. – Все цело.

– Садись... Вот сюда... Да, на диван. Вот так.

Павел сел, пятная кровью бархатную обивку. Вскрикнул.

– Что?

– Нога... Черт, как больно! Нет. Ничего.

Инна стояла посреди гостиной в мини-юбке и лифчике, с недоумением глядя на окровавленный комок блузки в руках.

Наморщила лоб.

– С ума сойти. Что я щас должна делать? Нужно вызвать «скорую»...

– Сядь. Ничего не надо.

– Шутишь? Да ты кровью истекаешь! Я не хочу, чтоб ты сдох! Нужен врач.

– И что ты скажешь? – Павел откинулся на спинку. Прикрыл глаза. – Неужели правду?

Инна прикусила губу. Упала в кресло, стискивая в руках испорченную блузку.

Павел рассмеялся.

– Ой, дурак... нет, ну надо же...

– Что смешного?

– Нет, просто... А-а-а-й! – Павел схватился за левую ногу. С шумом выпустил через нос воздух.

Инна с отвращением швырнула блузку в угол. Вцепилась пальцами в волосы.

– Господи, и зачем ты свалился мне на голову? Сначала Он, теперь ты! Да есть ли среди вас хоть один нормальный?

– Есть, – Павел ощупал лицо. – Но не здесь. Где-то далеко-далеко. Нормальный, как ты правильно заметила, с тобой не свяжется.

– Безумие, – Инна покачала головой. – Может, тебе аспирина принести?

– Не надо. Посажу и уйду.

– Куда ты пойдешь? Никуда я тебя не отпущу! Ты... просто идиот!

Павел поднял вверх палец.

– Живой идиот, прошу заметить.

– Тебе повезло, – сказала Инна.

Напряженная тишина.

Инна пристально вглядывалась в Павла.

«Жив-живехонек. Вот, блин, штука-то в чем! Черт возьми, *как?*»

В ее душу начало проникать страшное подозрение, открывавшее столь пугающие горизонты, что Инна попросту задавила его, как окурок в пепельнице.

Девушка тряхнула головой.

– Вот что – сегодня ночуешь у меня.

Павел взглянул на нее. Ситуация явно его забавляла.

– И никаких возражений!

– Так точно, капитан, – Павел отдал честь. Инна не удержалась от улыбки. Хотя злилась на Павла за то, что он сломал ее, и на себя – за то, что позволила сломать.

Мрачное предчувствие тяжестью лежало у нее на сердце. Но она не осознавала его – а оно было почти животным ужасом.

– А завтра... – Инна вздохнула. – Завтра посмотрим.

Павел с трудом поднялся.

– Помоги.

– Конечно. Обопрись на меня.

Она провела Павла в ванную. Павел смыл с лица кровь. Инна отвела его в гостиную и усадила на диван.

Она отмыла пятна крови с груди, живота, плеч. Маленькое черное пятнышко осталось на юбке. Инна решила, на это можно забить. Плеснула водой в лицо.

Грязную блузку швырнула в корзину. Поднявшись наверх, переделась в красную мужскую рубашку.

– Мне нужно съездить в город. Хавки купить.

– Оставишь меня здесь?

– Обещаешь не подыхать, пока меня нет?

Павел махнул рукой.

– Езжай-езжай.

В дверях Инна услышала насмешливый голос:

– Когда вернешься, меня не будет. А ты недосчитаешься пары вещичек!

Инна остановила черную «ладу» у супермаркета «Огонек». «Мерседес» она завела в гараж и оставила там, решив, что сдаст машину в ремонт позже. Возможно, она вообще избавится от нее. И от «лады» в придачу.

Инна посидела в машине, барабаня пальцами по рулевому колесу.

Достала сотовый.

Перед глазами всплыло призрачное лицо Павла, ссадины на лбу и скулах. Его болезненный взгляд.

В трубке прозвучал сигнал. Инна нервно кусала губы. Она совершенно не представляла, что скажет Быстрову.

«Тебе не уйти! Ты не моя, и ты... никому не достанешься!»

В трубке все еще слышались гудки. Господи, подошли они там все, что ли?

Щелчок.

– Да? – голос капитана Быстрова звучал устало. – Говорите!

«Капитан, меня преследует один человек. Сумасшедший. Он сейчас у меня дома».

– Алло! Кто это?

Инна увидела человека в черном плаще. Он стоял, неподвижный, застывший во времени, на углу улицы. Смотрел на нее.

– Кто это? – раздраженно повторил Быстров. – Алло!

Инна отключила связь. Вновь обвела глазами толпу. Никого. Покупатели ручейками wpłyвали в двери магазина, вытекали на улицу, хлопали дверцами авто, перешучивались. Человек в черном исчез.

Павел сидел в кресле, откинувшись на спинку. Он спал, приоткрыв рот. Его лицо выглядело по-детски беззащитным.

Она сняла туфли. На цыпочках прошла к лестнице.

Павел протонал во сне.

Инна обернулась.

Он не шевелился.

Мысль о том, что во всем мире у нее остался единственный друг – этот человек, больно кольнула ее сердце.

Глава 18. Утром

Павел стянул с головы плед. Зажмурился от брызнувшего в глаза солнечного света. Занавески были раздвинуты.

Несколько секунд понадобилось, чтобы сообразить, где он. Воспоминания о случившемся вчера нахлынули волной стыда и раскаяния. Так, наверное, чувствует себя человек после шумной и глупой попойки.

Павел остановился на пороге огромной, сверкающей хромом кухни. Инна стояла у плиты в переднике.

Обернулась со слабой улыбкой.

– Доброе утро.

– С каких это пор оно стало добрым?

Павел обнял девушку. Поцеловал в шею.

Она мягко отстранилась.

– Не сейчас.

– Почему? – прошептал он. – Мы ведь уже делали, помнишь?

– Я не настроена.

Павел сел за стол.

– Знаешь, что было? Когда мы переспали в первый раз? Я плакал. Ты спала, а я рыдал как ребенок.

Я думал о твоём бывшем, о всех, кто знал тебя до меня – сколько их было?

Павел рассеянно посмотрел в окно.

– Не представляешь, как было больно думать об этом. Почему ты не можешь принадлежать мне одному? Почему не дождалась меня? Не сохранила чистоту?

– Павел, ты зарываешься.

– Почему я должен делить тебя с кем-то? Мне нужно все или ничего, Инна.

Пауза.

– Что ты готовишь?

– Картошку. С мясом. Сейчас будет готово. Погоди пять минут.

– Ты здорово смотришься у плиты.

Инна рассмеялась. Без особого энтузиазма.

– А где прислуга? Где наемные рабы?

– Никого нет. Не выношу чужих в доме. Они приходят, когда я сама им звоню.

Павел с восхищением разглядывал девушку.

– Не смотри на меня так.

– На тебя нельзя не смотреть. Ты восхитительна!

Павел обнял ее. Поцеловал. Ее губы, сперва холодные, потептели и размягчились.

Павел прижал ее к себе, погладил по волосам.

Глава 19. Версия

Быстров сидел за своим столом. За столом Чернухина сейчас никого не было – он уехал в районный суд. С ходатайством от комиссии по делам несовершеннолетних на лишение родительских прав отца и матери Димы Сотникова.

Точилин сидел на диване в расслабленной позе, но лицо его выглядело напряженным.

Час назад они вернулись с квартиры, где было совершено новое убийство.

– Ну, – Точилин взглянул на Быстрова. – Что думаешь?

Капитан покачал головой.

– Пока ничего не думаю. Одно радует – с этим убийством Инна Нестерова не связана. Значит, ее можно оставить в покое.

Точилин встал. Сложив руки на груди, прошелся по кабинету.

– Но я очень надеюсь, что убийца связан с Бариновым.

Быстров раздраженно тряхнул головой.

– Слушай, хватит, а? Ты уже плешь мне проел. Ты зачем в Высокие Холмы приехал – расследовать убийства или под Баринова копать?

Следователь сел на подлокотник дивана.

– И то, и другое, – ответил он с ироничной усмешкой. – И если можно, без хлеба.

– Хватит! – Быстров поморщился. – Можешь хоть сейчас обойтись без шуток?

Точилин хохотнул, но, увидев отчаяние на лице друга, посерьезнел.

– Ладно, ты прав. Пора переходить к делу. Убита молодая пара. На собственной квартире. Почерк тот же, что и в деле Нестерова. Орудие убийства пока не установлено. Отпечатков пальцев нет, других следов тоже не обнаружено.

– А соседи что говорят?

– Никто ничего не слышал, не видел. То есть вообще ничего, – Точилин нахмурился. – Что странно. Первый раз в моей практике.

– А по-моему, ничего странного. Помнишь, что сказала соседка? Полгода назад Ольга и Артем выжили из квартиры владельца, отца Ольги. Соседи с тех пор их возненавидели. Вот и заболели глухотой и слепотой.

– Кстати, о старике, – Точилин снова поднялся и начал мерить комнату шагами. – Его нужно найти, если сам не явится. Потому что убийца проник в квартиру сам, его не впускали. А значит, у него были ключи от входной двери и от спальни.

– Думаешь, старик дал ему?

– Или убийца украл ключи и сделал копию.

Быстров провел рукой по волосам.

– Пока ничего не понимаю. Где мотив? Может, это кто-то из соседей решил отомстить за старика? Но как тогда это связано с убийством Нестерова?

– С убийством Нестерова связи, может, и нет, – Точилин прищурился. – А с Бариновым есть. Убитый, Артем Плетнев, работал на предприятии, которое принадлежит Баринову.

– Господи, это еще ничего не значит! – поморщился Быстров. – В городе два с половиной завода, и все они принадлежат Баринову.

– И работают очень плохо. Потому что служат лишь прикрытием для более важных дел. Баринов что-то затевает. Смерть Нестерова ему на руку. Он уже купил половину города, включая многих сотрудников твоего отделения, а скоро подомнет весь город.

– Тихо ты! – прошипел Быстров, косясь на дверь. В коридоре слышались голоса сотрудников. И, да, Быстров подозревал, что Точилин прав – многие из них продались.

Он взглянул на следователя. Тот скупно улыбнулся.

Глава 20. Златоцвет

Инна села напротив Павла. Тот смотрел на нее с улыбкой.

– Как у тебя получилось?

– Что?

– .Остаться целым после того, как я... тебя сбила.

Павел медленно прожевал пищу. Посмотрел в окно.

– Ты придаешь этому слишком большое значение. Скажем так: моя способность к выживанию чуть сильнее, чем у других людей.

– И ты никогда не пытался выяснить, откуда это идет? Что с этим можно сделать?

– А зачем? Возможно, я обладаю неким даром. Ну и что? Он бесполезен. Денег на нем не заработаешь, карьеры не сделаешь, успеха и признания не добьешься. Да это и не дар вовсе, – его взгляд стал туманным.

– Почему?

– Я заплатил за него слишком большую цену. А разве за дары платят?

Павел покачал головой.

– Это, скорее, аванс... мне дали в долг. Я должен его вернуть.

– Когда? И кому?

– Не знаю. Когда я понял, что отличаюсь от других детей, страшно обрадовался. Но в следующую секунду испугался. Очень испугался.

– Можешь не говорить! – расхохоталась Инна. – Мне это знакомо. Мне с детства говорили, что у меня дар актрисы. Прочили большое будущее. Девочкой я наряжалась то ведьмой, то принцессой, разыгрывала перед гостями сценки. Мне нравилось, и все выходило легко.

– Но актрисой ты не стала.

– Да, – Инна рассмеялась. – Знаешь, почему? Я боюсь сцены! Мерзость, да? Я бы это преодолела, да просто незачем. У меня же все есть!

Павел помрачнел. Не глядя на нее, сказал:

– Я сказал, что не знаю, откуда эта способность. Скажу тебе больше: я делал и другие вещи... но я стараюсь забыть об этом. Потому что это слишком великая ответственность. Я ненавижу дар, и с радостью бы от него избавился... отдал кому-нибудь другому.

На минуту он погрузился в раздумья. Подняв глаза, с глубокой тревогой взглянул на Инну.

– Послушай меня. Ты должна рассказать мне, что случилось в тот день, когда убили твоего дядю. Кто убил его?

Инна побледнела. В глазах ее заблестели слезы.

– Я, – прошептала она. – Это я его убила.

Она рассказала Павлу все, что помнила. Что убийца спросил у нее разрешения убить дядю, и она сказала: «Да».

Девушка разрыдалась, спрятав лицо в ладонях. Павел встал из-за стола, обнял ее.

– Ты не виновата, – сказал он, глядя ее по волосам. – Он заставил тебя.

Инна помотала головой.

– Нет. Не заставил. Я просто испугалась, что Он и меня убьет. И... я действительно захотела, чтобы дядя умер. Втайне я давно желала ему смерти. Паша, это так ужасно!

Она прижалась к нему, положила голову ему на грудь.

– Я знаю, – сказал он. – Нестеров плохо с тобой обращался. Все в городе это знали. Вы самые известные люди в городе. Поэтому я так легко находил тебя, ища встречи. Ты всегда на виду. И именно по этой причине Он начал с тебя.

Инна подняла голову, посмотрела на Павла широко раскрытыми глазами.

– Ты знаешь, кто Он?

Павел нахмурился.

– В лицо – нет. Но знаю, зачем Он здесь. Чтобы убивать грешников, совершивших тайное преступление, и оставшихся безнаказанными. Инна, он не обычный человек.

Девушка нервно рассмеялась.

– О, да, это я уже поняла!

Павел сжал ее руку.

– Он не оставит тебя просто так. Это я тоже знаю. Он вернется. Идем со мной, Инна. Здесь ты не будешь в безопасности. Быстров и Точилин не защитят тебя от Него.

Инна с грустью усмехнулась.

– Да? А ты сможешь?

– Со мной у тебя больше шансов. Только я понимаю Его природу. Ты как-то сказала, что я похож на призрака. И Он такой же. Я это знаю, потому что встречался с Ним в прошлом. Он пытался убить меня. Но не смог.

Инна пристально посмотрела на Павла.

– Пытался убить тебя? За что?

Он отвел глаза.

– Сейчас не время говорить об этом. Тем более, что ты все равно не поверишь.

Инна высвободила свою руку.

– Я действительно ничего не понимаю.

Павел поднялся. Положил руки ей на плечи.

– Раз в сто лет некая сила вселяется в конкретного человека, чтобы вершить правосудие его руками. Этот человек убивает, а потом исчезает, и его никогда не находят. И даже памяти об этих событиях не остается. Не спрашивай, откуда я знаю. Просто поверь мне.

Инна с минуту задумчиво разглядывала его взволнованное лицо. Потом встала, и с серьезным видом сказала:

– Ладно. Некоторое время я поживу у тебя, – она оглядела кухню. – В Доме мне сейчас действительно нельзя оставаться. А там посмотрим.

Глава 21. У Павла

Инну поразила запущенность, свойственная жилищу одинокого мужчины, бедность убранства и убогость обстановки. Комнаты казались темнее и мрачнее, чем были на самом деле. На жестких расшатанных стульях нельзя было сидеть, не заработав мозолей. Инна боялась прикоснуться здесь к чему-либо, не запачкавшись.

Несколько первых минут ее мучил запах чужого дома – запах гнилых досок, лука и чего-то тошнотворно-сладкого, как непереваренная пища. Но постепенно Инна привыкла к запаху и перестала его замечать, как уборщики цирка, вычищая обезьянник, не замечают вони.

Павел пытался быть гостеприимным, но у него получалось только быть суетливым и неуклюжим. Он явно не жаловал гостей. Инна сомневалась, что, кроме нее, за порог этого дома ступала чья-то нога.

И все же она быстро подавила раздражение. «Ладно. В конце концов, случилось ночевать в местах и похуже».

Инна как можно более спокойным тоном попросила дать ей женский халат и какие-никакие тапочки.

– Буду обживаться в твоих хоромах, – заявила она, ослепительно улыбаясь. На самом деле ей не хотелось разгуливать здесь в блузке и фирменных джинсах. Еще ей в голову запала странная идея, что, раз она прячется, нужно *изменить внешность*. Для начала – обрядиться в тряпье.

Павел вытащил из комода в прихожей стоптанные розовые тапочки, подал Инне черный халат с красными макаками.

– Чье? – Инна взяла у него одежду.

– Жены. Бывшей жены, – поправился Павел, отводя глаза.

– Это которая умерла? – Инна подозрительно покосилась на халат. – Ты на память хранишь, что ли?

Павел промолчал. Инна пожалела о том, что сказала. Но и не подумала извиняться.

Павел кашлянул, разглядывая бледные розы на выцветших обоях.

– У меня есть белье. Дать?

Инна замерла перед дверью спальни.

– Нет. Я куплю, что нужно.

Она переделалась в халат. Немного великоват. Инна с удовольствием подумала, что жена Павла не отличалась стройностью.

Она приколола на затылке волосы. Посмотрела в зеркало. Улыбнулась самой себе, подмигнула. Спустя секунду это показалось ей глупым. Дом осуждал ее, проникал в сердце, менял оценки.

– Дура, – сказала Инна самой себе.

Павел стоял за дверью. Инна взяла его под локоть.

– Я теперь твоя жена, – объявила она. – Ну, сударь, ведите меня в опочивальню.

Они встретились взглядами и прошли в кухню, натянуто улыбаясь.

Инну неприятно поразило, что Павел дал ей чашку с отколотым краем. Вдобавок, к внутренней стороне чашки прилипла какая-то гадость – засохшее варенье.

– А у тебя других чашек нет? Эта какая-то... не такая.

Они начали спорить и быстро закипели. Павел бросил полотенце на пол, покраснев от гнева:

– Знаешь, что, милая моя? Здесь тебе не дворец!

– Вот как? А кто затащил меня сюда? Можно подумать, я сама напросилась!

Павел поднял полотенце.

– Как знаешь. Раз уж ты здесь, привыкай. Праздник закончился.

Он отвернулся.

Инна закрыла рот.

– Ничего себе заявочки, – пробормотала она.

Пока все для нее исчерпывалось протекающим бачком в туалете, отсутствием телевизора, газет и журналов.

Зато его дом был завален книгами. Учебники, монографии, психология, философия, фантастика, классика, оккультизм. Инна вяло пролиставала «Униженных и оскорбленных», пока Павел готовил ужин. На третьей странице у Инны заболела голова из-за длиннот и отсутствия диалога.

Ужин оказался не так плох, хотя его никак не назовешь романтическим: жареная картошка с яичницей и сосисками, чай с бутербродами. В конце трапезы Павел и Инна ели свиную тушенку прямо из банки. Ужинали молча.

– Ты всегда на ночь так наедаешься? – спросила Инна. – Смотри, нам сегодня не спать!

Павел промолчал.

Инна разделась и легла в кровать. Хотя бы простыни свежие.

«Теперь будем трахаться».

Ей стало противно, как никогда не было.

Она ждала Павла, но он так и не пришел. Лег на диване. Вскоре послышался тихий свист его дыхания. Инна почувствовала странную благодарность.

Девушка повернулась набок и заснула под вой ветра за стеной.

Когда Инна открыла глаза, белый утренний свет струился между занавесками. Девушка наморщила лоб, рассматривая витиеватые трещины на потолке.

Несколько секунд понадобилось ей, чтобы вспомнить вчерашнее. Она в чужом Доме. У Павла. Он выкрал ее и утащил в подземное царство.

Некоторое время Инна прислушивалась. Если Павел дома, она притворится спящей.

Но ни топота, ни покашливаний, ни звона посуды девушка не услышала.

Всякий раз, вставая с кровати, Инна совершала невероятное усилие. И всегда вставала в тяжелой депрессии, которую было просто необходимо залить алкоголем. Внутренние голоса Инна заглушала, включая телевизор или музыку. От боли и гложущей тоски Инну изо дня в день спасали многочисленные вечеринки, гулянки, лихорадочный секс. Только так. Окунуться в дурманящий водоворот. Не думать о завтра и забыть все вчера.

Но в это утро она с изумлением обнаружила, что совершенно спокойна.

На столе стояла холодная сковородка с остывшей яичницей, обернутый полотенцем чайник и накрытое тарелкой блюдо. Инна приподняла тарелку. Оладьи.

На столе записка. Корявым мелким почерком Павел написал:

УШЕЛ НА РАБОТУ И ПО ДЕЛАМ. ВЕРНУСЬ НЕ ЗНАЮ КОГДА. НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ЛЮБИШЬ НА УЖИН, ПОЭТОМУ ПРИДЕТСЯ ЕСТЬ ТО, ЧТО ЛЮБЛЮ Я.

– А что ты любишь? – раздраженно спросила Инна. – Мертвых детей?

УШЕЛ НА РАБОТУ И ПО ДЕЛАМ. Если работа – не дело, то что – «дела»? Инна представила, как Павел бредет под дождем в черном плаще, перешагивая через лужи.

Девушка тряхнула головой.

Позавтракав, всерьез задумалась о том, чем заняться.

Она терпеть не могла быть у кого-то на иждивении. Решила отплатить Павлу за гостеприимство, т.е. прибраться.

Надев фартук, она нашла в чулане ведро, лентяйку, метлу и совок.

К полудню вымыла окна, протерла мебель. Ковры скатала и свалила в углу, твердо решив, что заставит Павла по приходу вытряхнуть.

Вытирая руки тряпкой, остановилась на пороге кабинета.

Кабинет – святилище любого человека. Здесь каждый прячет свои тайны.
Инна шагнула за порог. На цыпочках прошла к столу, вздрагивая от каждого шороха.
Что она рассчитывает здесь найти? Отрубленные головы мертвых жен?
Она обнаружила кое-что похуже.

На чистой поверхности стола лежала рукопись. Титульный лист специально оставлен лежащим так, чтобы любой, кто войдет, с порога мог прочесть:

ИСПОВЕДЬ ПРИЗРАКА

Инна протянула руку и отдернула, когда внутренний голос завопил: НЕ ТРОГАЙ! ЭТО ЛОВУШКА!

Но отступить было поздно.

На счастье или на погибель, Инна перевернула страницу и начала читать.

Часть II. Исповедь Призрака

*Паденье, совершенное в отчаянии,
Падение от непонимания
Разбудит новые надежды и мечты,
Которые – всего лишь возвращение
Бессмысленности, горя, пустоты.*

*За тем, что мы не можем совершить,
За тем, что мы не смеем полюбить,
За тем, что потеряли в ожиданье,
Придет лишь новое паденье и страданье.*

У. К. Уильямс. «Патерсон».

«Я приехал в Новгород из Валдая. Мне только что исполнился двадцать один год. Полгода я проработал сторожем в alma mater. Потом армия. После тяжких военных испытаний созрел и поступил в Новгород на юридический. Мне было все равно. Но престиж факультета много значил для матери.

Я сносно проучился первый курс. Приобрел трех друзей, одну подружку и кучу полужнакомых. Передо мной во всей красе встал вопрос пола. Главный Вопрос, так это называется. Я не искал ответ. Он сам меня нашел.

После окончания лекции я убирал в сумку учебники.

Подошел Кирилл из 4-й группы. Я дружил с ним, но не стремился в его свиту, чем вызывал досаду.

– Павлик, – сказал он. – Мы в пятницу на дачу собираемся.

Он замолчал с дружелюбной улыбкой.

– Кто – «мы»?

– Ну... мы... парни, девчонки... весь курс.

– Когда и где?

Я ничего не планировал на пятницу. Дал согласие с гордым видом, будто мое присутствие/отсутствие делает там погоду.

На дачу ехали на трех частных и одном автобусе. Часа полтора тряслись по ухабистым дорогам. Я сжался на заднем сиденье «москвича» Кирилла, рядом с парнем кавказского типа, который пах омерзительно. Парень пытался заигрывать с девочкой, которая сидела от меня по левую руку. Та молча улыбалась и постоянно теребила край зеленой юбки в складку.

Вывалились из автомобилей, жадно хватая пересохшими ртами свежий воздух пригорода. Все засуетились.

Кирилл встретил мой взгляд, замахал рукой.

Он стоял возле «москвича». Крокодилья пасть багажника открыта. Внутри – две багажные сумки беременного вида.

Рядом с Кириллом – высокая голубоглазая шатенка в синих джинсах и белом вязаном пуловере. Стоит очень прямо. Взгляд ледяной.

– Паша, помоги Тане вещи перенести.

Я повернулся к ней.

– Вы Таня?

– Да, – улыбалась она очень гордо. – А вы Павел?

Кивнув, я вытащил сумки. Каждая весила так, словно в них хранилось по разобранному на запчасти «Титанику».

Я тащил сумки, отдуваясь, обливаясь потом.

Таня и Кирилл молчали. Я посчитал, между ними что-то есть.

Я не испытывал особого волнения или гордости оттого, что тащу ее чертовы сумки. Она показалась мне очень неприступной. Снежная Королева.

Вечеринка удалась. Кирилл был в ударе. Свита подыгрывала в нужных местах. Включили магнитофон. Девчонки танцевали, виляя бедрами.

Я сидел с краю стола между парнями, которых не знал. Имел полное моральное право молчать и напиваться в одиночестве.

Таня сидела с другого края, по диагонали от меня, в окружении подруг. Во время нарезания салатиков она была самой активной. Сейчас молчала с видом оскорбленного достоинства. Совсем не пила. Ни один парень не приглашал ее танцевать.

Кирилл изображал шута. Придумал пить на брудершафт. Начал составлять пары, смешивая людей. Отказать обаяшке никто не мог. Он сталкивал лбами людей, которые до сих пор плевать друг на друга хотели. В этом его заслуга перед человечеством. Скоро все перецеловались и разбрелись по комнатам, ради чего, собственно, и ехали.

Кирилл схватил меня за руку и, не долго думая, одним махом сблизил с Таней. Мы стояли у всех на виду, смущенные, каждый со своим стаканом. Я начал первым, т.к. был пьян.

– Таня.

– А? – она повернулась ко мне. В глазах тревога. Она осторожно дышала через приоткрытый рот. Снежная Королева боялась. Это было как прозреть среди пустыни.

– Выпьем, – просто сказал я. Таня нервно кивнула. Мы переплели руки. Выпили. Я – шампанское, она – апельсиновый сок.

– Почему ты не пьешь? – спросил я.

– Непьющая.

– Совсем?

– Совсем.

Таня так смело заявляла об этом. Я улыбнулся.

– Хорошая девочка.

Она опустила глаза.

Тут из угла послышались смешки. Мы одновременно вздрогнули. Кирилл и Компания показывали на нас пальцами. Девочки шептались и хихикали.

– Поцелуйтесь, ребята! – заорал Кирилл. Вскочил с бутылкой водки в руках, его схватили за руку, усадили.

Таня покраснела. Мы стояли бок о бок, как пристыженные школьники.

Сели на диван. Мы теперь как бы были вместе. Я хлопнул на грудь еще бокал – для храбрости.

Я не притворялся и ничего из себя не корчил. Таня тоже.

– Я учусь на втором курсе, – сказал я.

– Тебе восемнадцать?

– Двадцать два.

– Ты служил в армии?

– Да.

– Мой отец – генерал.

– Здорово.

– А твой?

– У меня нет отца.

– Извини.

– Почему ты извиняешься?

– Не знаю.

Я рассказал, как папаша бросил мамочку. Мне было семь лет. «Жаль». Ненавижу его, сказал я.

Эстафета перешла к ней. Я с облегчением замолчал, принялся слушать ее хрипловатый сексуальный голос.

За беседой, совсем не тягостной, в отличие от большинства бесед, ухлопываю еще пару бокалов шампанского и чего-то покрепче. Голова начинает кружиться.

Таня говорит, будто со дна глубокого колодца. Голос звучит монотонно, обрывочно.

Она – генеральская дочка. Отец предоставил дачу, жрачку и выпивку (я, прости меня Господь, вспомнил тяжесть сумок). Ну конечно. Кто еще мог собрать такой стол осенью 1995-го? Только генерал, просиживавший задницу в штабе, пока юные призывники пачками гибли в Грозном.

Что было дальше, не представляю. Скорее всего, я ткнулся мордой в стол. Позорище.

Кирилл и Женя Астафьев взяли меня под белые ручки, и без разговоров, надругавшись над свободой личности, перенесли в одну из спальных комнат.

Наутро я как огурчик, даже причесываться не надо. Никакого похмелья.

Таня поздоровалась. Улыбнулась уже знакомой мне горделивой улыбкой.

Она начала громким, командным голосом руководить уборкой стола. Я сидел с банкой кока-колы в руке и наблюдал за уборкой. А на самом деле – за ней.

Мы проторчали на даче три дня. Остальные два запомнились тем, что теперь все, включая Кирилла, были пьяны. Трезвы только я, Таня и полная девушка с шепелявым выговором, в очках и со стянутыми на затылке тусклыми волосами. Мы втроем укладывали спать тридцать два пьяных лба.

Через пять минут по дому гремел храп, от которого тряслись стены. Мы втроем уселись в кресла. В камине трещали поленья.

Спустя полчаса девушка в очках сообразила, что мы с Таней что-то больно часто переглядываемся. Она, подобно многим некрасивым, сразу почувствовала себя лишней, ненужной. Вскочила, одергивая кофточку, и заявила, что ей пора спать. Таня горячо убеждала Олю, что та не мешает, все ее очень любят и желают только добра. Но Оля разобиделась не на шутку, и не дала себя удержать, чему я был только рад. Оля бросилась наверх, в спальню. Таня огорчилась.

Она молчала, глядя на пламя, что бросало яркие отблески жидкой ртути на ее горделивое лицо.

Я ерзал в кресле. Нужно было что-то предпринимать.

Но за полчаса я не выдавил из себя ни слова. Таня строгим голосом сказала, что пойдет спать. Я с досадой вынужден был признать, что утро вечера мудренее.

Мы поднялись по лестнице. Я следом за ней. Так получилось, что я паялился на нее сзади.

Наши спальни располагались по соседству. Мы сухо распрощались и повернули дверные ручки.

Я разделся, лег в постель. Рядом храпел кто-то, смердящий как хлев. На потолке корчились тени.

Я заложил руки за голову, и под оглушающий храп вонючего соседа начал мечтать о Тане.

Но перед тем как заснуть, я вновь вспомнил отца. Болотной водой в душу хлынула старая обида.

И ненависть.

Я мечтал найти его. Схватить за горло. И трясти, трясти, вытрясти из него извинения.

Может, именно из-за этих мыслей я вновь увидел сон, который видел каждую ночь, когда был ребенком. Сон нельзя назвать кошмаром, хотя он и пугал меня.

Я видел человека в черном плаще с капюшоном. В руке он держал судейский молоток.

Человек стоял в центре пустой комнаты с белыми стенами. Смотрел прямо на меня. Я это знал, хотя лица его не видел. Под капюшоном была непроницаемая тьма.

«Ты плохо себя вел сегодня?»

Его вкрадчивый шепот казался мне знакомым, хотя я не мог вспомнить, где слышал его.

Человек издал жуткий вой. Разорвал на себе плащ. Оцепенев от ужаса, я увидел – под плащом нет тела. Вместо груди и живота там бесконечное пространство. Посреди черноты кипело ледяное озеро. И в озере тонули люди. Тысячи людей. Время от времени их головы выныривали на поверхность, и безглазые лица разевали рты, кричали, моля о помощи. И я знал, что эти люди сделали что-то очень плохое. Человек в черном наказал их. Взял себе их души.

Комната, в центре которой стоял этот человек, начала сжиматься, съеживаться, как бы проваливаясь внутрь *него*...

Вздрогнув от ужаса и омерзения, открыл глаза. Утро. Тени на потолке исчезли, уступив место ярким солнечным зайчикам. Горло – наждак. Постель пуста.

Застегивая рубашку, вышел в коридор. Никого. Спускаюсь в гостиную. Людно, дымно, пьяно. В углу Илья Парфенов играет на гитаре «Я на тебе, как на войне...», пытаюсь подпевать. Его слушают с вниманием и восхищением, как любую бездарность.

Я взял журнал, сел в кресло в углу, потягивая колу.

Ко мне подошли две симпатичные девушки. Одну я знал. Аня спросила, интересный ли журнал.

– Я еще не читал.

Обе неловко рассмеялись.

– Я имела в виду – можно посмотреть?

Я пожал плечами. Дал ей журнал. Он был спортивный.

Другая, брюнетка с полным телом и большой грудью, интересовала меня гораздо сильнее. Ее звали Катя. Она стояла рядом. Ее вид был очень строгим. Я даже испугался.

– Ты любишь футбол? – спросила Аня.

– Да.

Тут Катя высунулась вперед.

– Хорошо играешь?

Я поморщился.

– Не очень.

– Просто увлекаешься?

– Да.

– Эта, – Аня указала на Катю. – Болает за Италию.

– Там Паоло Мальдини, – Катя смущенно засмеялась.

Я чопорно кивнул. Попытался уйти в себя. Девушки вернули мне журнал, и отошли в другой конец комнаты. Я решил, что не понравился. Взглянул на Катю. Она опять напустила на себя строгость розы. Я словно кололся, глядя на нее.

На диване сидела Таня. Ее подруги ушли куда-то с мальчиками. Я подсел рядом.

– Чего загрустила?

Таня агрессивно взглянула на меня.

– Я не загрустила.

– Почему ты одна? Почему не с мальчиком?

– Мне не нужны мальчики, – гордо сказала Таня, и непоколебимым движением взяла яблоко. – На первом месте – учеба.

Я улыбнулся. Мы молчали.
Это было Испытание Молчанием.
Неловкость так и не пришла.

Вечеринка подошла к концу. Наступили студенческие будни, а с ними – октябрьские холода, бегство птиц, деревья, убого тянущие к небу кривые руки.

По коридору факультета идет Таня. Красивая, яркая. Ловит мой взгляд.
– Привет.

Я вдруг понимаю, что не могу смотреть на нее. Чьи-то могучие руки тискают мне виски, и отворачивают голову. Словно Некто хочет свернуть мне шею.

Отвожу глаза и вместо приветствия бормочу под нос. Скольжу мимо. Сердце бьется. Мне в смущении кажется, это видит весь мир, хотя никому нет до меня никакого дела. Таня-то точно заметила. Но *Она* проходит мимо горделивой походкой.

Мы несколько раз встречались в коридорах. Ничего особенного. Привет-привет, пока-пока. Но мне в этом «пока-пока» чудилось нечто неземное. Всякий раз, как я *Ее* видел, сердце радостно билось в неописуемом восторге, в котором смешались, кажется, все чувства человеческие: страх, радость, нежность, желание. Мир окрасился в яркие тона. Я везде видел *Ее*. Отовсюду мне чудились *Ее* прекрасные глаза.

Мы с Таней оба из провинции и оба любим читать. Я видел в этом Знак Судьбы. Такой же верный и непреложный, как сила земного притяжения.

Я ничего не ждал и не просил. Я был благодарен *Ей* только за то, что *Она* дышит, ест, пьет, ходит по этой грешной земле, такая чистая, что цветы, леса и прекрасные сады расцветают там, где *Она* ступает.

Быстро обнаружился факт – люди мы совершенно разные. Эта находка разочаровала обоих и привела к трехнедельному кризису в отношениях...»

Инна пробежала глазами несколько страниц. Свиданки-гулянки, бла-бла-бла.

«Мы, совершенно неожиданно для себя, оказались в моей комнате.

Я вел Таню за руку на четвертый этаж. Стараясь не думать о том, что произойдет (лучше бы не происходило!). Отвлекался на все, что можно. Впивался взглядом в белые стены, потрескавшийся потолок, стертые ступеньки. Я словно впервые увидел лестничные пролеты второго, третьего, четвертого этажей. Подмечал такие детали, вроде щитков с надписью ОГНЕ-ОПАСНО, которые ранее как-то проходили мимо. Бог мой, о чем я думал, поднимаясь по этой лестнице день за днем?

Таня шла за мной следом, улыбалась. *Ее* щеки горели. И *Она* говорила. Не умолкала ни на минуту.

Но вот она, дверь с номером 87. Я дрожащими руками вынимаю ключ, с третьей попытки вставляю в скважину (Бог мой, какая аллегория!), открываю дверь.

Слава Богу, я вчера прибрался... первый раз за полгода. Таня плещет словами, разматывая белый шарф с тонкой шеи. На моем лице выражение глубокой сосредоточенности. Надеваю куртку.

– Куда ты? – тревожно спрашивает Таня.

Я хочу сказать: «Сейчас», но не могу выдать ни слова. Глотка пересохла.

Выбегаю на улицу, мчусь в универмаг. Покупаю торт, бутылку красного и банку пива.

У входа в общагу быстро высасываю пиво. Сердце утихло, зато в голове зашумело. Шум приборя – далекий, тихий, будто из-за прикрытой двери душевой кабины.

Поднимаюсь в комнату, где оставил Таню трепетать от страха.

Разлил по бокалам вино. Взял в руки свой, другой подал Тане. Она нервно улыбнулась. Помотала головой.

– Надо, – сказал я. Таня взяла бокал.

Шумно выдохнула и, с неожиданным умением, словно опытная посетительница баров, хлопнула на грудь. Закашлялась.

– Ой, – сказала она, смеясь.

– Что бы сказали твои родители, увидев тебя сейчас?

Таня улыбнулась – смело и гордо.

– Они не знают, что я здесь.

Я встретил ее взгляд. Отставил бокал. Стук раздался в неожиданно звонкой тишине, как выстрел из Царь-пушки.

– Выключи свет, – хрипло попросила Таня. Я щелкнул выключателем. Вечер уже взошел на трон, но огни фонарей таращились в комнату. Я подошел к окну, в полумраке бедром задел стол (набил синяк). Задернул занавески. Подошел к Тане. Она дышала очень тихо.

Я положил руки ей на плечи. Таня смотрела испуганно, выглядела очень ранимой. Ее плоть была мягкой, почти таяла под ладонями.

Я осторожно снял кофточку. Стараясь не касаться ее тела. Когда случайно коснулся тыльной стороной ладони, Таня вздрогнула.

В темноте я нашел ее глаза.

– Ты как?

– Нормально...

– Все будет хорошо, – прошептал я, целуя ее лоб. – Не бойся.

Она слабо улыбнулась.

– Ты слышишь? – спросил я, наклоняясь к ней.

– Что?

– *Шум прибоя*, – сказал я, и накрыл ее губы своими.

Мы забыли все, наши жалкие намерения дотянуть до первой брачной ночи, ее родителей, пустые лица друзей и подруг, которые истлевали, гнили в саркофагах убогой Повседневности.

Мы прилегли. Пружины ржавым скрипом объявили протест.

Что я могу сказать? В тот день ничего не было. (Инна, сидя на полу, двенадцать лет спустя, расхохоталась. «Павел... Герой-любовничек!») Таня испугалась и была неподатлива. Мы как-то забыли, что мы пара, и какая огромная у нас любовь. Знамя Любви, которое мы несли на всеобщее обозрение, такие надутые индюки при дневном свете, в непроницаемой темени поникло, повисло на тросах жалкой тряпкой.

Мы просто лежали на боку, лицо к лицу, соприкасаясь лбами, гладили друг друга, будто привыкая.

Через час мы встали, оделись, включили свет. Разговаривали чужими голосами. Пили чай с тортом, вкусом напоминающим дом из картона.

В следующий раз Таня разделась сама.

Может быть, потому что в прошлый раз мы разведали местность, в тот вечер все пошло как по писаному.

Я натянул резинку, которую Таня молча вложила мне в ладонь.

Лег на Таню, просунув колено между ног. Мне все казалось, кто-то сверлит взглядом спину. Сейчас дверь слетит с петель и в комнату, улюлюкая, рассыпая конфетти, с воплями «Сюрприз!» ворвутся наши однокурсники. Потом это прошло.

Таня лежала подо мной, отвернув лицо в сторону. Я вошел в *Нее*, с некоторым сопротивлением. Начал двигаться в *Ней*, испытывая неловкость, какую испытывает человек посреди огромного зала, полного незнакомцев.

Спустя какое-то время Таня повернула голову, посмотрела в глаза.

– Ты очень красива, – сказал я.

После этих слов Таня начала осторожно двигаться в моем ритме. Потом мне надоело, да я уже еле сдерживался. Я попросил *Ее* лечь на меня спиной.

Я направлял нас обоих, ощущая прессом горячую гладкую спину.

Какая у тебя гладкая кожа, прерывисто прошептал я. Ты прекрасна, Таня. Моя Королева. Моя Богиня. Мы задержались быстрее. Я простонал, кончил и облегченно выдохнул. Поцеловал Таню в плечо, *Она* слезла с меня. Все действие, с пыхтением и сопением, заняло чуть больше десяти минут.

Никакого слияния душ я не заметил. Таня, судя по глазам, тоже.

Мы вяло оделись, зажгли свет, по очереди сходили в душ. Таня поехала домой. Я не провожал.

Месяц спустя вошел в аудиторию, тоскливо озираясь. Настроение было препаршивое. Таня вчера позвонила: надо срочно, ехать на поезде в Воронеж, к бабушке. Голос Тани был полон тревоги. Я не стал ее допрашивать. Про себя решил, с бабулей что-то серьезное.

Сел за парту. На соседнем ряду девичник. Оля, которую встречал на даче, Аня и Катя. Катя сидела ко мне спиной. Строгость покинула ее. Она расслабилась, движения были очень плавными и красивыми. Она возбужденно говорила низким, сексуальным голосом. В ней проглядывало что-то тщеславное.

Я тоскливо смотрел на Катю, бессознательно раздевая ее взглядом. Между легким свитером в бело-голубую полоску и верхом джинсов я видел голую спину. Из-под джинсов торчал край белых кружевных трусиков. Катя говорила, изгибалась, наклонялась вперед. Ее спина была очень прямой, гибкой, с гладкой кожей. Я не мог поверить, что спина может быть такой красивой.

Катя встала, взяла стул и поставила рядом со мной. Это было неожиданно. Мне казалось, она никогда не приблизится ко мне даже на расстояние выстрела. А тут она, ее черные глаза, черные блестящие волосы, гибкое тело – все рядом. Только руку протяни. Я почувствовал, словно густо намазанные дегтем, пылают лоб и щеки.

Вышел в коридор. Сердце стучало в клетушке груди. Я испытывал восторг и радость обретения, ибо обрел *страсть*. И боль, и страх, и ненависть к Кате, потому что теперь она что захочет, то со мной и сделает. Я буду скрывать, что у меня на душе, и ни черта не скрою.

Остаток дня провел в горячке. Не спал ночью. Безумство повторилось на следующий день. Я везде встречал Катю: в коридорах, в столовой, на крыльце среди курящих. Я словно притягивал ее.

«Нельзя, нельзя», думал я без конца, как полоумный. «Таня... *Таня*, ТАНЯ. Она – мое счастье, моя страсть, моя любовь».

Но все было напрасно.

Я хотел большего. Я жаждал получить ВСЕ!

В первые минуты пожар легко потушить. Что я и сделал: пришел в комнату, сел за стол и написал на листке: ХОЧУ КАТЮ ДУБРОВСКУЮ. Начал выписывать все свои желания. Стать богатым и знаменитым, стать писателем, съесть шоколадный торт, познать Истину, пожать лапу Джону Леннону (интересно, как бы я сделал последнее?). Я увлекся, исписал двойной листок. Щеки остудились. Прочитал первую строчку и ничего не почувствовал. Сердце утихло.

В дверь постучали. Я вздрогнул и скомкал листок.

Дежурная по этажу: Покровского вниз. Зачем? Телефон.

Радостный голос Тани поверг меня в буйный восторг. Я чуть не пустился в пляс с трубкой, прижатой к уху.

Таня счастлива: с бабушкой все в порядке. Врач сказал, ничего серьезного. Прописал ингибиторы и диуретики.

– Чего?

– Диуретики.

– А-а, – я нахмурился. Что-то я об этом слышал от приятеля-медика. Не мог вспомнить.

– ... Я рассмеялась и сказала врачу... знаешь, молодой такой? Ну, ты не знаешь. Сказала, что все будет в порядке, а бабушку я в обиду не дам.

– Молодец. Домой-то собираешься?

Я чувствовал сквозь трубку, что это «домой» для *Нее*, как и для меня, означает что-то теплое, большое, мягкое.

– А как же! Небось, скучаешь? Извелся весь?

– С ума схожу!

Спустя неделю мне позарез понадобилось ехать в Валдай. Я оставил мать одну, все хозяйство на ней. Нехорошо.

– Что-то мы с тобой все время в разъездах.

Я сказал это, насмехаясь. Таня на полном серьезе предложила ехать со мной.

– Как раз случай... мы же все равно должны будем сказать... ты понимаешь.

Улыбаемся до ушей.

Пока шли к дому по узким, выпуклым валдайским улочкам, я рассказывал Тане о детстве, показывал знакомые места.

Мать приняла нас тепло. Я не предупреждал ее, но в прошлые приезды рассказывал о Тане. Мать смекнула, откуда ветер. Она взглянула на Таню, прищурившись и отклонившись корпусом. Таня кашлянула, горделиво улыбаясь. Мать улыбнулась сухими губами. Вокруг глаз собрались морщины.

– Проходите.

Сухо кашляя, прошла в коридор. Ее дыхание вырывалось из легких со свистом и хрипами.

Посидели хорошо. У матери было много недостатков, но она искренне любила молодость, и доверяла мне. Если я решу жениться, она слова не скажет.

С Таней они быстро спелись. Я сидел молча, подперев голову рукой, переводя взгляд с одной на другую. Мать расписала меня во всех красках: какой я хороший, ласковый, заботливый. Всегда-то помню, звоню, пишу письма, говорю ласковые слова. Я возмущался, спорил. Таня сидела прямо-прямо, гордо улыбаясь. Во время разговора поглядывала на меня. От шампанского ее глаза блестели, а щеки рдели. Она искала под столом мою ладонь, и коротко пожимала тонкими пальцами.

После мать ушла к соседке, черт его знает, за какими-то семенами.

Мы с Таней сидели на кухне. На плите пыхтел, разгораясь злобой, чайник с раздутыми, покрытыми копотью боками. Мы молчали, улыбаясь непонятно чему, как больные синдромом Дауна.

Я смотрел на Таню. Ее глаза сияли.

Вдруг, непонятно с какого перепугу, внутри меня чужой, холодный голос прошептал: «Улыбайся, улыбайся... недолго осталось».

Таня увидела выражение моего лица. Улыбка исчезла.

– Милый... что-то не так?

– Все так, – сказал я мертвым голосом.

Встал и вышел в залу. Подошел к окну. Тающий апрельский снег стекал ручейками в грязные канавы.

Хоть убейте: в самые трогательные моменты во мне просыпается этот холодный голос (теперь-то я знаю, *чей*). Мы сидели, все прекрасно, романтично до слез. А я вдруг увидел нас со стороны. Словно глазами самой Жизни. Увидел нас глупыми, наивными, с идиотскими улыбками. Я осознал, что мы умрем. Рано или поздно истлеем, с нашими чувствами и «великой любовью» (в самом деле, очень хорошей, искренней). Вот мы сидим, гордые собой, и до нас миллионы людей так сидели, и после нас столько же будут сидеть, воображая друг друга, любя призрак.

Таня подошла. Положила ладонь на плечо.

– Милый, что случилось?

– Ничего, Таня, – отчеканил я, глядя на таянье снегов. – Причина не в тебе.

«Тебя ведь *это* интересует?»

Таня посмотрела на меня с тревогой.

Вернулась мать. Общество оживило ее: исчезла бледность, она много улыбалась. В последний раз я видел ее такой пять лет назад.

Снова чай, торт, разговоры. Вечер прошел очень трогательно. Я так надулся чаю, что под конец едва встал со стула.

Поздно вечером убирал со стола. Вошла мать. Пошатнулась, схватилась за косяк.

– Я вам постелила в комнате.

Она села на стул, улыбнулась. Посмотрела на меня восхищенными глазами, покачала головой.

– Вырос, – сказала она. Закурила.

Я понес торт в холодильник. Кухня настолько узкая, что между коленями матери и столом осталось пространство в три ладони. Я прошел мимо, изо всех сил стараясь не задеть бедром ее колени.

Вернулся. Начал смахивать крошки. В воздухе повисло тягостное молчание чужих людей. Мать встала и протянула руку за чайником. Я повернулся, вытирая руки тряпкой. Она, улыбаясь, взглянула на меня. Вот *он*. Великий момент. Я стоял вплотную, и вполне мог преодолеть пропасть. Обнять ее.

Прошли секунды. Ничего не произошло. Ее улыбка поблекла. Мы снова молча занялись каждый своим делом, стараясь не касаться друг друга.

– Спокойной ночи, сынок.

– Спокойной ночи, мама.

Через три года она умрет от рака. Меня не будет рядом.

Таня прижалась ко мне. Сквозь ночнушку я чувствовал жар ее тела.

Мы молчали, слушая вой ветра за призрачной стеной. Нам было тепло и уютно, как двум щенятам в корзинке.

– Тань, – позвал я шепотом.

– А?

- О чем задумалась?
- О бабушке.
- И чего?
- Все будет хорошо. Я чувствую. Вот здесь.
- Она взяла мою ладонь и прижала к левой груди.
- О да. Я тоже чувствую.
- Молчи, дурак!
- Мы улыбнулись.
- Я больше не оставлю ее. Буду ездить каждую неделю.
- Ты тревожишься сверх меры. Все будет в ажуре.
- Я знаю, Паша. Просто к слову пришлось.
- Ты слишком много думаешь о других. Заботься о себе, люби себя.
- Я девушка сильная...
- Ты слишком сильная. Я хочу, чтобы ты была послабее. Будь слабой.
- Сейчас... попробую...
- Будь беззащитной, застенчивой. Скажи, что тебе нужна моя защита.
- Мне нужны твои губы, любимый.
- Во мраке я нашел ее жаркие губы.
- Мы ведь никогда не расстанемся?
- Никогда. Мне, кроме тебя, никого не надо! Ты – предел всех моих желаний.
- И ты, любимый.
- Мы уснули.

На следующей неделе я встретил Таню в университетском коридоре. С ней Катя.

Они дружили.

Я молча стоял рядом. Близость Кати, ее резкие манеры и вульгарность убивали меня. В конце концов она заметила кого-то в толпе. Резко замахала рукой, рассмеялась и оставила нас вдвоем.

Таня взглянула на меня.

- Ты чего такой бледный?
- Я болен, – сказал я, глядя – Катя пошло смеется в толпе друзей.
- Ты почему молчал? Катя обиделась. Тебе следовало быть повежливее.

Через два дня мы с Таней собрались в кино. Фильм? Не помню. Помню, был конец апреля, и появились почки, и снег растаял, и грязь запеклась коркой, а вода в лужах стала теплой.

Я сказал Тане, что железно достану билеты.

В спускался по лестнице в фойе университета. Раздраженный. Искал Таню, чтобы сказать – билетов нет. Человек, который обещал достать хоть со дна морского, подвел.

У гардероба увидел Аню. Она помахала рукой. Подошла с улыбкой.

- Ты чего такой хмурый?
- Да вот, собрались с Танькой в кино, а билетов нет.
- Я знаю девушку, у которой есть.

Она сказала это с каким-то плохо скрываемым торжеством. Глаза заблестели. Я так понял позже, они целый заговор против Тани придумали. И я поучаствовал. В главной роли.

Она отошла и вернулась с Катей под ручку.

Катя достала билеты.

– Мне не с кем пойти в кино, – сказала *Она*, краснея и смущенно встречаясь взглядом с Аней. – Ты не знаешь, с кем бы мне пойти?

Я смотрел на нее, такую близкую – воплощенная мечта.

– Подожди, – сказал я, не узнав голоса.

Таня, сидела, спрятав лицо в ладонях. Ее плечи тряслись.

Она отняла от лица руки и отчужденно посмотрела на меня.

– Что случилось?

– Бабушка... Ухудшение.

– Ухудшение чего?

– Сердечной недостаточности, – Таня вновь разрыдалась. – Я должна ехать в Воронеж.

Она подняла мокрые глаза.

– Ты со мной?

Я не ответил. Не сел рядом, не обнял, не утешил.

Вышел и сказал Кате, что пойду с ней.

Итак, я позволил Кате соблазнить меня. Забыл Таню, ее глаза, ее робость и дерзость, уверенность и страхи. Мягкость ее волос под ладонью. Все это перестало интересовать меня в одночасье. Рухнуло в бездну, в омут карих Катиных глаз.

Это произошло в темной спальне. Жаркий, влажный летний воздух через окно проникал в комнату, оттого простыни были совсем сырые.

В жаркой тьме страстно горели *Ее* глаза.

О боги! *Ее* темные блестящие волосы! *Ее* совершенно вылепленное лицо с капризным изгибом губ. *Ее* гибкое округлое тело, такое горячее под моими ладонями!

Я все еще не забыл Таню. Какая-то часть меня еще рвалась к ней, не такой красивой, но гораздо более тонкой, простой и благородной.

В ушах эхом звучал ее доверчивый голос. Я помнил голубые глаза, нежные и умные.

Но она была в Воронеже. В тысяче километров к юго-востоку от этой комнаты. И рядом была девушка, которую я возжелал всей своей порочной натурой.

Утолив первый голод, я с удовлетворенным вздохом откатился на спину. Прикрыл глаза. Мои мысли уплыли далеко. Катя резким голосом позвала меня. Убедившись в полном моем внимании, успокоилась. Улеглась рядом. За окном орали сверчки. Лунный свет пробивался в комнату сквозь паутинные завесы.

Томно улыбаясь, Катя потянулась.

– Хорошо-то как.

Я погладил ее плечо. Но «хорошо» означало вовсе не то, что я думал.

– А все-таки я Таньку на... бала. Я победила. Победила!

Она увидела выражение моего лица. Села на постели. Красивое лицо исказилось.

– Что ты уставился?

Я приподнялся на локтях. Нахмурился.

– Что-то я не понял про Таньку. Про какую Таньку ты говоришь? Про Антипову?

– Какое тебе дело?

Я молча смотрел *Ей* в глаза. Катя передернула плечами.

– Ну да, про нее. Ты же с ней гулял.

На ее лице заиграла тщеславная улыбка.

Я поморщился.

– Не понимаю, зачем сейчас говорить о ней.

– Потому что раньше ты был с ней, а теперь со мной.

– Конечно, я с тобой, – я нетерпеливо облизнул губы. – Но почему я с тобой?

– Да? – Катя с насмешкой смотрела на меня. – Почему ты раньше был с ней, а теперь со мной?

– Потому что люблю тебя, – слегка раздраженным голосом ответил я. – А ты любишь меня. Разве нет?

Катя, запрокинув голову, расхохоталась. Но, заметив мое озадаченное лицо, придвинулась и, перебирая пальцами мои волосы, сказала:

– Конечно, я тебя люблю, глупый мальчик. Так люблю, что увела тебя из-под носа у паршивой зазнайки. Как она всегда меня бесила! Вечно сует свой нос во все споры, без спроса высказывает свое никому не нужное мнение. И вечно лезет со своим сочувствием и помощью. Но теперь-то все увидят, кто лучше. На этот раз самая умная, смелая и благородная Танечка проиграла!

Катя снова расхохоталась, показывая белые жемчужины зубов. Мне стало неловко.

– Давай сменим тему, – сказал я.

Я потянулся к Кате, мы слились в поцелуе. Я вдыхал душистый аромат *Ее* волос. Мой язык ощутил влажность *Ее* зубов, двинулся дальше, пощекотал небо. Отстранившись, я секунду просто любовался *Ею*. Она смотрела на меня своим пытливым, насмешливым, страстным взглядом. О, найдет ли мое сердце покой? Я пил *Ее*, пил и не мог напиться, не мог утолить жажду. Я жрал, жрал *Ее* тело так, что слюна текла по подбородку, но не чувствовал насыщения.

Спустя несколько минут мы отвалились друг от друга, усталые солдаты на полях любовных сражений. Запыхавшиеся, но счастливые. Ночь была тиха и спокойна.»

Инна прошлась по комнате, устало потирая лоб. Стало холодно. Она обняла себя за плечи.

Девушку угнетало чувство вины, какое бывает у человека, который заглянул в замочную скважину чужой спальни. Но при этом ее разбирало любопытство. И этот дневник...

«Вот ты какой, Павел», думала она.

Внутренний голос снова шепнул Инне, что нужно прервать чтение, бежать прочь из кабинета, от этих мемуаров, от чужих тайн.

Но она сама не заметила, как пожелтевшие от времени листы вновь оказались у нее в руках.

«...Нам было ослепительно хорошо, как только может быть хорошо юным мужчине и женщине на этой земле слез. Я не вспоминал Таню Антипову, лишь в самый яркий момент извержения, когда горячая, как лава, сперма потекла по бедрам и животу самой прекрасной девушки курса, перед внутренним взором на миг всплыло лицо Тани. Печальное, с глазами, полными неземной тоски.

Я проявил выгодное мне самому здравомыслие и сказал себе, что Таня вовсе не несчастна. И не думает обо мне. Что я – самая важная на Земле персона? Таня – девка хоть куда. К тому же обеспеченная.

В любом случае, я не могу отвечать за ее счастье. Каждый сам кует свою судьбу.

На следующей неделе я шел по университетскому коридору в потоке студентов. Голова раскалывалась, мышцы были вялыми. Я провел с Катей весь уик-энд и обе ночи.

Я остановился, прижимая к груди учебники по уголовному праву и КПЗС. Почувствовал между лопаток чей-то взгляд.

Таня. Она шла в зеленой вязаной кофточке и простой льняной юбке до колен, но показала мне неизмеримо прекрасной. Мое лживое и слабое сердце, чуткое к женской красоте, сжалось. Несмотря на то, что я предал ее любовь и собственными руками разрушил все, что между нами было. Я тогда еще не знал, что ничего, подобного нашему красивому роману, этой

чистой невинной любви, такой безоглядной, всепоглощающей – ничего такого больше в моей жалкой жизни не будет.

Ее темные волосы волнами спадали на плечи и грудь. Она смотрела прямо. Прошла мимо, обдав сладковато-мускатным ароматом духов (шлейф еще долго тянулся за ней). В этот миг мое горло пересохло, сердце остановилось, ноги одеревенели. Она не сказала ни слова.

Я постоял несколько секунд, глядя ей вслед. Мое сердце вспомнило, что надо работать, заколотилось как полоумное. Прямо с цепи сорвалось.

Я двинулся своей дорогой, тяжело переставляя ноги. Не потому что минуту назад жутко перепугался. Не потому что то была девушка, которую я двумя неделями раньше любил всей душой, больше жизни (и какая-то часть этой пожирающей меня любви еще таилась в душе). О, если бы она подошла ко мне, схватила за руку, сказала: «Будь со мной, беги со мной куда угодно, на край света!» Я бы – в тот миг – послушал зов сердца.

Поздно. Таня смирится. Будет переживать, кусать ногти. Будет всем говорить, какой я подонок (в моем случае это, совершенно случайно, окажется правдой). И все.

Об этом я думал на лекциях. Но не подошел к Тане. Я теперь боялся ее, ибо имел перед ней вину, и потому тихо ненавидел. Все в ней теперь раздражало: ее внешность, от которой я трепетал ранее, ее выговор, манера одеваться, ее резкость и простота. Я нарочно пробуждал в себе эти чувства, словно ковырял открытую рану.

Но для меня начался новый, счастливый период. Катя, Катя! Что за божественное создание! Как я желал, как трепетал! И я *Ей* нравился.

Она вряд ли осознавала глубины моей духовности, но в полной мере прочувствовала мою страсть. Я шептал *Ей* те же слова, что и Тане, выполнял любую прихоть и всегда приходил на помощь. Я стал рабом женщины.

В наших фамилиях было созвучие, в чем я нашел Знак Судьбы.

Через два месяца Катя познакомила меня с родителями. Мы преподнесли сюрприз: объявили помолвку.

В ту минуту я был готов выпрыгнуть в окно пятого этажа, лишь бы не видеть их бледные перекошенные лица. Будущий тесть рассвирепел. Все начали орать. Катя стояла за меня горой, будто Сталинград обороняла. Иван Петрович брызгал слюной и стучал кулаком по столу. Мать поглядывала на меня с виноватой улыбкой. Я же сидел в уголке, готовый провалиться в ад. Однако мы меня отстояли, и к полуночи, когда закончилась склока, было решено, что жить будем на квартире Катиного брата, который как раз женился и переехал за город.

Я ушел из университета. Катя нанялась в отцовскую фирму секретаршей.

Тесть и теща помогали деньгами. Иван Петрович обещал меня пристроить куда-нибудь, что было затруднительно, ибо я был ни на что не годен.

Новоселье справляли всем курсом. Катя была весела и счастлива. Вечный пессимизм и строгость покинули ее. Даже потом пришлось сводить ее в уборную. Я держал голову возлюбленной над раковиной, убирал волосы, пока блевала. Волосы у Кати были сильные, блестящие, я не хотел, чтобы они запачкались рвотой.

Я сидел на диване с краешку, рассеянно отпивая из бокала, презирая и ненавидя пьяных гостей – поющих, сплетничающих, жрущих консервированные салаты, которые Катя с тещей заготавливали все лето, как проклятые.

Встал с бокалом в руке. Катя, раскрасневшаяся, с расстегнутыми верхними пуговицами полупрозрачной блузки, всюю распевала пьяным голосом: «Видно не судьба-а-а...» Пела она хорошо.

Я двинулся через гостиную. На пестром ковре танцевали раздувшиеся трупы однокурсников.

У стены – Таня.

Я замер. Она встретила мой взгляд.

Обменялись приветствиями. Привет-привет. Все, как и раньше, подумал я. Эта мысль имела горечь лимона.

– Выглядишь потрясающе.

Она действительно выглядела лучше, чем когда-либо.

Но я не знал, стала ли она счастливее. Меня это все еще волновало.

– Как тебе вечеринка?

Таня оглядела склеп, полный мертвых однокурсников, на секунду взгляд голубых глаз остановился на Кате, которую, как говорится, разобрало всюю.

Таня усмехнулась.

– Веселюсь на всю катушку.

Это звучало банально. Мы замолчали.

– Погуляем?

Она кивнула.

Пересекла комнату, протиснулась к хозяйке. Катя, увидев подругу, вскочила со стула, восторженно засюсюкала. Таня что-то сказала ей на ушко. Катя просияла и бросилась Тане на шею. Девочки расчмокались.

Таня прошла мимо меня в коридор. Я взглянул на Катю. Та пила на брудершафт с каким-то смазливym холуем с серьгой в ухе.

Я молча вышел вслед за Таней, помог надеть пальто, подал шарф. Таня встретила в зеркале мой взгляд, по-мальчишески подмигнула и показала язык.

Мы гуляли по парку у стадиона. Ветер метал над дорожками опавшие листья. Солнце бросало через слой облаков жидкие снопы лучей.

Таня схватила меня за руку.

– Мы здесь гуляли, – сказала она, наморщив лоб, будто борясь с тяжким недугом.

Шли молча, и на проклятие вышли к университету.

– Я не могу, Паша, не могу, – Таня прижалась ко мне. Я неловко обнял ее. Она смотрела на меня снизу вверх огромными глазами, полными слез. Меня, убивало, как ее холодность уступала место детской беззащитности.

– Это место... ты... я... Мне как будто пришили оторванную ногу. Всякий раз, как здесь прохожу, болит, крутит и ломит.

– Таня... все кончено.

– Почему?

Я молчал, опустив голову. Мои плечи поникли.

– *Шум прибоя*. Помнишь?

Я медленно покачал головой. Поднял глаза.

– Я изменился, Таня. Я теперь... Призрак. Все светлое во мне умерло.

Мы смотрели друг на друга. Мне показалось, Таня удаляется, уменьшается, или я растворяюсь, просачиваясь сквозь трещины в асфальте.

Я кинулся к ней.

– Беги со мной. Пропадем вместе!

– Пропадем?

– Прыгнем с обрыва!

В темной комнате мы пытались вернуть невозвратимое. Так дуют на тлеющий уголек, реликт пожара, который уничтожил лес тысячелетия назад. Дуешь, пока голова не заболит, и – ничего.

В один безумный миг мне показалось, в самое пекло, в мгновение всепоглощающей страсти, ослепительный свет охватил нас, озарив комнату, стены, потолок в трещинах, застывшие силуэты мебели. Вспыхнул на секунду, и погас вместе с жалобными и страстными стонами, вздохами облегчения, криками отчаяния.

Переживая шторм в ветхом сарайчике, в теплой постели, мы тяжело дышали. Волна стыда и буйной, мстительной радости охватила обоих.

– Паша, – прошептала Таня сытым голосом. – Сейчас... погоди...

Я, не сказав ни слова, встал, оделся, взял куртку и вышел из квартиры, тихо притворив дверь. «Собачка» замка мягко щелкнула.

Катя, помятая, с волосами, упавшими на лицо, убирала посуду. Складывала горками в раковину, на разделочный стол, на подоконник.

Я подошел со спины, обнял за плечи.

– Где ты был?

– Шатался. Тебя здесь не съели?

– Как видишь.

Мы разговаривали как чужие.

– Славно повеселилась?

– А ты? – Катя повернулась. Посмотрела мне прямо в глаза. Мне показалось, с подозрением. Я отвел глаза.

Мы с Катей сложили стол, отставили к стенке. Гостиная сразу стала убогой.

Развалясь на диване, я щелкал пультом, устало подперев рукой голову.

Подошла Катя. Наклонилась, коснувшись полной грудью моей шеи. Жарко прошептала на ухо:

– Милый, идем в постель.

Я вскочил. Пьяно рассмеявшись, Катя начала раздеваться.

Мы с Катей вступили на минное поле семейной жизни (скорее, подобные союзы следовало бы назвать семейной смертью), совершенно не зная друг друга. Мы были абсолютно разными. Пока сила страсти удерживала нас, это было незаметно.

Ах, нам бы признать ошибку, и разбежаться по разным углам ринга! Но нет. Мы, ослепленные, с ожесточением вгрызались друг в друга. Словно утопающие, из которых каждый, вместо того, чтобы спастись, топил другого.

Первый звоночек. Свадьба. Вы знаете.

Нудная церемония в Загсе, на хрен никому не нужная. Счастливая невеста с ордой вопящих от восторга и зависти подружек. Подвыпивший жених с ватагой пьяных приятелей – будущих «друзей семьи». Дурацкие игры, фанты, кража невесты. Потом банкет, танцульки, крики «горько» и поздравления черт знает с чем.

В десять вечера, переступив порог квартиры (внизу, у подъезда, весело прогудел сигнал авто – друзья пожелали «неспокойной ночи»), я вытер со лба пот. Более утомительного, долгого, кошмарного дня не было и не будет в моей жизни. Не говоря о том, что я нацеловался, кажется, на всю жизнь.

Я остановился на пороге опочивальни, без всякого энтузиазма расслабляя модный заморский галстук.

Катя сидела на краешке кровати, сжимая в руках фату.

Она плакала.

– Что случилось?

– Ничего.

Я подошел, сел рядом. Привлек к себе. Катя уткнулась лицом мне в плечо. Я гладил по волосам, тупо глядя в стену. Жена заснула у меня на руках. Я просидел всю ночь, не шевельясь, боялся разбудить.

Проснулся на кровати. Катя, в белом подвенечном, сладко потягивалась. Солнечный свет, фонтаном бьющий в распахнутое окно, создавал огненный ореол вокруг темных волос.

Она обернулась. В лукавой улыбке сверкнула ослепительно белыми зубами.

– Доброе утро, *муж*.

– Доброе утро, *жена*.

Мы засмеялись. Глупо. И немного нервно. Что-то пугающее и огромное, как заблудший в тумане авианосец, несло на нас из тьмы.

– Ты болтал во сне, – Катя отвернулась, начала снимать чулок.

– Про что?

– Не разобрала. Про какого-то Судью... махал руками, кричал. Голоден?

Вместо ответа я ущипнул ее.

Роскошное платье выполнило свою священную миссию – вызвало зависть подружек – и в целлофановой обертке тихо-мирно перекочевало в гардероб. Катя облачилась в домашний халат – черный, с цветочками – повязала фартук и встала к плите.

Я валялся в кровати, заложив руки за голову. Потом вскочил и уселся перед телевизором. Так началась наша семейная жизнь.

Я купался в любви, роскоши, комфорте. Сжимал в объятиях девушку, на которую облизывался каждый второй мужчина. Приятели считали меня баловнем судьбы. Они не видели наших отношений изнутри. Наша семья была яблоком, аппетитным снаружи, но прогнившим внутри

И очень скоро из яблока полезли черви.

Окружающий мир на глазах разваливался. За год цены на товары наиболее частого потребления повысились вдвое. Иван Петрович не мог сунуть меня ни в одну печь: дымоход завалило обломками экономики. Он был вынужден сокращать штаты, раздолбай вроде меня ему был не нужен.

Я жил среди чужих людей, где меня (по праву) считали паршивой овцой. Это чувствовалось в каждом взгляде, жесте, вопросе. Наша квартира – проходной двор: соседи, Катины друзья, родственники, коллеги. Всех этих людей я презирал, а они, пытаясь общаться со мной, с недоумением наталкивались на холодную отчужденность. Я испытывал почти физическое отвращение к ним, и прятался в дальних комнатах. Я превратился в «загадочного Катиного мужа», полумифическое существо, постепенно обросшее тайнами и легендами. Катя подыгрывала окружающим, и сочиняла про меня небылицы. Так ящерка, напугавшая трусливого рыцаря, породила мифы о драконах. Постепенно жена полностью слилась для меня со своим окружением недоносков.

Я начал пить. С самого утра прикладывался к бутылке, и к полудню заваливался спать. До следующего утра.

Через месяц Катя за моей спиной собрала семейный совет (без меня, ведь я так и не стал частью клана Дубровских), пожаловалась папочке и мамочке на мое поведение. Иван Петрович, с его хваткой бизнесмена (и бывшего партийного), велел выгнать меня из дома к чертовой матери. Мамап была более мягкосердечна (и как женщина, и как мать Кати, завидующая молодости и красоте любимой дочки, да и знающая ее вдоль и поперек). Катя дома радостно зачитала вынесенный мне приговор.

В ответ я заявил, что через неделю устраюсь на работу.

Катя желчно улыбнулась.

– Ха! Ничего-то у тебя не выгорит. Ты уже показал себя... – и прошипела тихо-тихо, вылитая змея. – Неудачник.

Я ударил ее по щеке.

Катя полетела через всю комнату. Шваркнулась головой о стену (хорошо приложилась, надо сказать) и запнулась о кресло. Минуту сидела на роскошном ковре, опершись на руки. Смотрела на меня дикими-дикими глазами. Волосы пали ей на лоб, как у висельника. Верх-

няя губа разбита, из уголка рта тоненькой струйкой текла кровь. Для Кати мир открылся с новой стороны. Она не знала, что такое боль. Поэтому с такой легкостью предала Таню.

Конечно, Катя была права. За неделю я ни черта не успел. Хотя начал сразу же. Во мне проснулась жажда реванша. Пришлось месяц побегать, вымалывать, лгать в глаза, обзванивая всех знакомых и полужнакомых. Победа! Старый друг с юридического устроил судебным приставом. Через две недели я со злобной ухмылкой бросил перед Катей на стол аванс. Она вздрогнула. Но промолчала.

Победа оказалась Пирровой. Каждый божий день я стоял столбом у стены в зале районного суда. Столько подонков, воров, насильников, убийц я в жизни не видел. Ответственность за порядок в суде давила. Домой я заявлялся либо трезвый и злой, либо пьяный, и тоже злой.

В грязной обуви ходил по комнатам.

– Катя, где ты? – орал я, сжимая кулаки. – Три-четыре-пять, я иду искать!

Катя обычно с истошным визгом вскакивала с дивана и бежала в спальню, пытаясь запелтаться. Я ногой толкал дверь, та со стуком хлопалась о стену. Катя забивалась в угол и, заламывая красивые руки, умоляла не бить ее.

Мне было жаль Катю, с ее утраченной юностью и разбитыми мечтами. Но она заслужила. Я помнил, как мы *оба* поступили с Таней. Себя я презирал и ненавидел. Наказать же не мог. Жизнь накажет, спокойно думал я. Жизнь – лучший Судья. Неумолимый, жестокий, справедливый. Всем воздаст по заслугам.

Вставляю ключ в замок. Поворачиваю. Вваливаюсь за порог.

– Катя, где ты, любимая? – ору я пьяным голосом. Снимаю куртку.

Закатав рукава рубашки, обхожу квартиру. Кухня, ванная, гостиная, спальня. Открываю двери, щелкаю выключателями. Нигде нет и тени моей горячо любимой жены.

– Три-четыре-пять, – бормочу я, озираясь в гостиной.

Отворяясь, скрипнула зеркальная дверца гардероба. Я обернулся. Успел ухватить взором свое одутловатое, безумное лицо с болезненно горящими глазами.

Под занавесом из платьев и мехов сжалась Катя.

– Нет, Паша, пожалуйста, не надо...

– Сейчас, тварь, – шептал я, разгребая ворох платьев. Некоторые с вешалками срывало с перекладины, я отбрасывал их прочь. Шуба из песка, куплена на Новый Год. Катя три часа вертелась у зеркала в магазине, чуть не кончила от восторга. Красное вечернее платье с подкладкой, надевала, когда к Чернышевым ходили. Я пролил фужер шампанского ей на грудь.

Ослепительно белое, сверкающее свадебное платье в хрустящей целлофановой упаковке. Я сжал его в руках. Воздух в комнате остыл на пару градусов. Я смотрел на платье, черт его дери, и сердце в груди остановилось. Платье выглядело таким новым, белым, *чистым*. Как снег в начале ноября. Словно его никогда не надевали. Словно мы поженились вчера, и все – любовь, смех друзей, *счастье* – было вчера. И сейчас мы проснемся, обнимем друг друга и

звон бокалов, острый, пряный запах жимолости, марш Мендельсона, и Катя в этом самом платье, с откинутой на лоб вуалеткой, смеется, юная и счастливая. Поворачивается спиной к гостям, сжимая в руке букетик незабудок. Смеется: «Кого-то я сегодня доста-а-а-ну-у!». На миг ловит мой взгляд. Улыбается тщеславной улыбкой, взгляд становится лучистым. Бросает букетик через голову. Цветы на миг зависают в воздухе, насыщенном запахами лета и сирени, перелетают через гостей. Букетик приземляется «парашютиком» в руки... Тани Антиповой...

...и мы идем рука об руку, у обоих ладони потные, мимо гостей, друзей, родителей с торжественными лицами. Сотрудница загса говорит с фальшивой улыбкой: «Дорогие Павел и Катерина... Клянетесь ли вы любить и поддерживать друг друга... в горе и в радости?»

Меня охватило отвращение, я отшвырнул платье. Заглянул в шкаф. Затравленные, звериные глаза Кати тарасились на меня. Через белое свадебное платье явственной проступал весь мрак и ужас нынешнего положения. Тем сильнее сжимались кулаки, клокотала, подступая к горлу, черная ярость.

– Тварь, – сказал я. – Ты исковеркала мне жизнь!

Катя вжалась в стенку гардероба. Я схватил ее за волосы, вытащил из шкафа и швырнул через гостиную. Катя упала на ковер между креслом и диваном. Вскрикнула. Я шагнул к ней. Катя отползла к батарее, одной рукой схватилась за занавеску с вышитыми лебедями. Выставила вперед ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.